

Чарльз Миланд
АРАДИЯ

Маргарет Мюррей
БОГ ВЕДЬМ

Телема

ЧАРЛЬЗ ЛИЛАНД

АРАДИЯ

МАРГАРЕТ МЮРРЕЙ

БОГ ВЕДЬМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГАНГА»
ТВОРЧЕСКАЯ ГРУППА «ТЕЛЕМА»
МОСКВА, 2012 г.

УДК 133.5:54

ББК 86.42

К 48

Чарльз Лиланд, Маргарет Мюррей

Арадия • Бог ведьм / Пер. с англ. Алексея Осипова. — М.:
Издательство «Ганга», 2012. — 304 с. (Серия: Магические гримуары).

ISBN 978-5-98882-186-1

В сборник вошли работы Чарльза Лиланда «Арадия» и Маргарет Мюррей «Бог ведьм», ставшие основой современного неоязычества. Именно они во многом сформировали мифологию такого влиятельного и комплексного явления, как викканская религия. И в силу этого они в чем-то — не менее правда, чем многие страницы политической или экономической истории Западной Европы. Это не столько реальные пережитки древнейших верований, сколько мифопоэтические запросы новейшего времени, обусловленные такими явлениями, как индустриализация, социальные сдвиги, эмансипация женщин, потребность в реформировании философского и религиозного контекста.

© Ordo Templi Orientis

© Алексей Осипов, перевод, 2012

© Анастасия Баскакова, иллюстрация на обложке, 2012

© Творческая группа «Телема», 2012

© Издательство «Ганга», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
ЧАРЛЬЗ ЛИЛАНД	
АРАДИЯ, или ЕВАНГЕЛИЕ ВЕДЬМ.	17
Предисловие	19
Глава первая. Как Диана произвела на свет Арадию (Иродиаду).....	24
Глава вторая. Саббат: Treguenda или Ведьмовское собрание — Как освятить причастие.	29
Глава третья. Как Диана сотворила звезды и дождь.....	37
Глава четвертая. Чары камней, посвященных Диане.	39
Глава пятая. Заклинание лимона и булавок	45
Глава шестая. Чары, чтобы завоевать любовь	50
Глава седьмая. Чтобы найти или купить что-нибудь или посредством этого выручить хорошие деньги.	53
Глава восьмая. Для хорошего урожая винограда и отличного вина с помощью Дианы	58
Глава девятая. Тана и Эндамон, или Диана и Эндимион....	63
Глава десятая. Мадонна Диана	71
Глава одиннадцатая. Дом ветра.....	74
Глава двенадцатая. Тана, лунная богиня	79
Глава тринадцатая. Диана и дети	84
Глава четырнадцатая. Гоблины на посылках у Меркурия и Дианы	90
Глава пятнадцатая. Лаверна.....	92
ПРИЛОЖЕНИЕ	99
Комментарий к вышеприведенным текстам.....	99
Дети Дианы, или Как на свет появились феи.....	113
Диана, царица змей, подательница дара говорить на языках	116
Диана, подательница красоты и восстановительница сил ..	118
Примечание.....	122

МАРГАРЕТ ЭЛИС МЮРРЕЙ

БОГ ВЕДЬМ	123
Предисловие к первому изданию	125
Введение	127
Глава первая. Рогатый бог	137
Глава вторая. Верующие	159
Глава третья. Жречество	178
Глава четвертая. Ритуалы	209
Глава пятая. Церемонии религиозные и магические	234
Глава шестая. Божественная жертва	262

ПРЕДИСЛОВИЕ

АЛЕКС ОСИПОВ

Под этой обложкой творческая группа «Телема» предлагает вам исторический источник и исторический труд, которые, строго говоря, таковыми не являются. Впрочем, не все так просто. И «Арадия» Чарльза Лиланда, и «Бог ведьм» Маргарет Мюррей легли в фундамент современного неоязычества, во многом сформировав мифологию такого влиятельного и комплексного явления, как викканская религия. И в силу этого они в чем-то — не менее правда, чем многие страницы политической или экономической истории Западной Европы. Фактически, мы имеем дело с уникальным явлением, обратным «эффекту бабочки» из книг в жанре научной фантастики, когда небольшое изменение прошлого производит лавинообразные перемены в будущем. Удачно интродуцированная в новейшем времени мифопоэтическая идея для многих и многих людей изменила восприятие европейской истории, создав альтернативное прошлое, привив его корнями вверх, как и положено нормальному шаманскому дереву, на подвой западного Оккультного Возрождения. И этот новый ствол уже пустил многочисленные и довольно жизнеспособные ветви в виде произведений искусства и литературы, философских концепций, магических ритуалов, индивидуальных и коллективных «траковых» воспоминаний, под которыми, казалось бы, нет и не может быть никакой почвы. Но какой же плодородной оказалась эта несуществующая почва, и с какой страстью она ждала брошенное в нее семя, если сумела породить такой пышный (и по большей части гибридный) цветок!

Впрочем, как и во всех остальных областях несобытийной истории, в чем и насколько мы можем быть уверены? Да, с точки зрения академической науки и «Арадия», и, тем более, «Бог ведьм» обладают крайне сомнительной ценностью. И то, и другое — по крайней мере, на первый взгляд — преимущественно плод авторской фантазии, не выдерживающий строгой критики. Но насколько объективными можно считать исторические источники по этой теме? Насколько пристрастными были

создававшие их люди; каков был уровень их знаний и личной культуры? Какими целями они руководствовались? Что поднимали на знамя? С чем воевали? Насколько полна отражаемая в источниках информация? И каковы были цели интерпретаторов, с плодами трудов которых мы имеем дело сейчас? Как и почему они самоутверждались и самовыражались?

Все эти вопросы предназначены отнюдь не для того, чтобы поставить под сомнение компетентность историков и культурологов, разгромивших Маргарет Мюррей и оспоривших аутентичность «Евангелия ведьм»: у истории свои суровые методы, и что от нее останется, если она начнет увлекаться фантазиями или отойдет от железной максимы «априори считать недостоверным, пока не доказано обратное»? Но давайте признаемся еще раз, что пути человеческого сознания и памяти, не говоря уже о воображении, и, тем более, пути мифа неисповедимы и способны на ровном месте подбрасывать нам самые удивительные сюрпризы.

Но давайте по порядку.

В 1899 году американский путешественник, фольклорист, журналист и писатель-юморист (sic) Лиланд издал книгу под интригующим названием «Арадия, или Евангелие ведьм». Он утверждал, что сей труд представляет собой компендиум традиционных текстов и верований итальянского ведовства, основанный на рукописи, предоставленной ему тосканской ведьмой по имени Маддалена. Кто же такой был этот джентльмен, фактически, «создавший богиню»?

Чарльз Годфри Лиланд родился 15 августа 1824 года в Филадельфии в семье комиссионера. Впоследствии он рассказывал, что вскоре после рождения нянька отнесла его на чердак семейного гнезда и провела над ним загадочный ритуал, в котором фигурировали Библия, ключ, нож, деньги, соль и некоторое количество горящих свечей. Целью обряда было обеспечить младенцу добрую судьбу «как ученому и волшебнику». Биографы считают эту милую фантазию предвестием разившегося у него впоследствии интереса к фольклору и магии.

Образование Лиланд получил в колледже Принстонского университета, где писал стихи, изучал языки, неоплатонизм и западный герметизм и штудировал Рабле и Вийона, а после

этого — в Гейдельберге, Мюнхене и Париже, где даже принял участие в революционных событиях 1848 года.

Вернувшись в Америку после того, как предоставленные ему отцом средства иссякли, Лиланд занялся журналистикой, писал и редактировал для ряда нью-йоркских и филладельфийских периодических изданий. В 1863 году он вступил в армию Союза и сражался в битве при Геттисберге.

В конце шестидесятых он снова уехал в Европу и принимался путешествовать. Особую известность ему в этот период принесли комические «Баллады Ганса Брайтмана», написанные на смеси ломаного английского с немецким. Лиланд писал о цыганах (а в 1888 году стал президентом английского Общества по изучению цыган) и алгонкинах, изучал языки, фольклор, этнографию, принимал участие в движении «артс-энд-крафтс», внося значительный вклад в организацию образования в области промышленного дизайна и декоративно-прикладных искусств и став основателем и первым директором Публичной школы промышленных искусств в Филадельфии, ныне известной как Университет искусств. Оскар Уайльд писал, что его друг «обретет признание и славу одного из величайших пионеров и лидеров искусства будущего». Умер Лиланд в 1903 году, оставив достаточно большое и достаточно противоречивое культурное наследие. Его библиография насчитывает более двадцати книг, но самой известной широкому читателю из них остается, конечно, «Арадия».

Эта работа частично состоит из итальянских и переведенных Лиландом на английский текстов из некой оригинальной рукописи (собственно, «Vangelo»), предоставленной ему женщиной по имени Мадалена, принадлежавшей или якобы принадлежавшей к аутентичной ведовской традиции, а частично — из других собранных Лиландом материалов фольклорного характера, среди которых — легенды, ритуалы и заклинания этой языческой религии. О существовании «Евангелия» Лиланду стало известно еще в 1886 году, но на розыски копии и последующую редактуру и издание материала ушли долгие годы.

Интересна личность самой Мадалены. Современница и друг Лиланда, Рома Листер, указывает, что настоящее имя этой женщины было Маргерита, что родом она была из Флоренции и называла себя ведьмой из языческой семьи Таленти или

Талути, восходившей еще к этрускам и хранившей знания об античных магических практиках. Лиланд познакомился с нею в 1886 году. Маддалена снабдила его огромным количеством информации, которая и легла в основу его «Этрусско-римских древностей в популярной традиции», «Флорентийских легенд» и, в конечном счете, «Арадии». Прослышав о существовании таинственного рукописного «Евангелия ведьм», Лиланд упрямил Маддалену добыть ему список, но получил его лишь одиннадцать лет спустя, в 1897-м. Манускрипт был написан рукою Маддалены. Лиланд сам перевел его на английский и объявил подлинным документом Старой Религии, но признался, что не уверен, происходит ли тот преимущественно из устных или письменных источников. Больше никаких материалов Лиланд от своей информантки не получал. Известно, что она намеревалась выйти замуж и уехать в Америку, но впоследствии отказалась от этих планов и осталась в Италии.

«Арадия» вышла в 1899 году небольшим тиражом и только после того, как Лиланд пригрозил передать рукопись в другое издательство. Известный американский викканин Раймонд Бакленд выпустил репринт в 1968 году, однако еще за несколько лет до этого в Англии, также викканскими силами, вышло первое переиздание этого ныне уже классического текста. В 1998 году увидел свет новый перевод «Арадии» с комментариями и дополнениями, выполненный Марио и Диной Паццальни. Настоящее издание подготовлено по тексту Лиланда. Относительно итальянских фрагментов «Арадии» следует заметить, что они изобилуют лакунами, грамматическими и орфографическими ошибками и, видимо, похожи на настоящий диалектный итальянский не более, чем «письма фрейлен Шпренгель», послужившие санкцией для основания Ордена Золотой Зари, — на аутентичный немецкий. Паццальни предполагают, что некие письменные диалектные материалы были переведены на стандартизированный итальянский — неизвестно, самим ли Лиландом или его информанткой, — а затем уже на английский.

Нам доподлинно неизвестно, искренне ли считал сам Лиланд «Арадию» собранием подлинных религиозных текстов тайного культа тосканских ведьм или собирался мистифицировать общественность. Историки и фольклористы с тех пор уже

неоднократно и достаточно аргументированно оспорили аутентичность этой книги. Создается впечатление, что в распоряжении Лиланда оказалось очень много разрозненной информации — подлинные фрагменты античных текстов, нянюшкины песенки на итальянский манер, сказки, народные заговоры и т.д., датируемые самыми разными историческими периодами, — из которых он попытался собрать некое если не однородное, то достаточно стилистически гармоничное целое, в чем не везде преуспел. Но если представить, что составителем этого сборника выступил не фольклорист-любитель Чарльз Годфри Лиланд, а действительно некая община ведьм, по крупицам собиравшая свои оккультные знания в течение нескольких веков, впечатление «лоскутности» и разнородности никуда не денется — изменится только степень априорного доверия к достоверности материала. И если автором все же был Лиланд, добросовестно попытавшийся «снаружи» восстановить картину итальянской ведовской религии, к которой не принадлежал, возникает еще один интересный и не имеющий, увы, ответа вопрос: насколько его реконструкция близка к тому, что в действительности представляла или могла представлять собою эта традиция? Лиланд был типичным сыном XIX века, склонным романтизировать историю и, возможно, преувеличивать интенсивность конфликта народного язычества с христианством и угнетаемого крестьянства — с тиранами-феодалами.

Очевидно, что не Лиланд выдумал Арадию, но именно благодаря ему она превратилась в одного из центральных персонажей языческого возрождения XX века, в живую богиню и, практически, историческую личность. Так, противореча обыденному ходу вещей, миф становится легендой, а легенда — историей.

Имя «Арадия» происходит, по всей видимости, от библейской Иродиады, супруги Ирода Антипы и мачехи Саломеи, обреченной, как и многие другие «злые» персонажи Священного Писания, превратиться в позднейших фольклорных представлениях в опасную демоницу, ночного духа, заклятого вечно странствовать по воздушным пространствам, отдыхая лишь на верхушках деревьев в краткие часы между полночью и зарей. Следует отметить, что в низовой культуре Италии остатки античных верований сохранялись очень долго и успешно

смешивались с христианской легендарикой, порождая причудливый, но цельный и органичный субстрат суеверий и низших мифов, на котором впоследствии и распустились дивные цветы высокого Ренессанса. Так, к примеру, богиня Диана обоживалась в нем достаточно прочно, став предводительницей чего-то вроде Дикой Охоты, ночной летуньей, во главе свиты из нимф, ведьм и разнообразных духов носящейся над спящей Италией. В XI—XII веках в церковных источниках появляются сведения о женщинах, верящих, будто летают по ночам вместе с Дианой или Иродиадой (Арадой или Арайей). Арайя-демоница кое-где носила имя С'Арайи Юсты (Арайи Справедливой), а на Сардинии стала прародительницей фольклорного персонажа, сверхъестественной ведьмы Реюсты. Историк-религиовед Мирча Элиаде указывает, что Иродиадой звали и румынскую царицу фей, которую он считал трансформацией образа Дианы. Немаловажна, судя по всему, и контаминация образа Арадии семитской демоницей Лилит, тоже проклятым духом и бунтаркой против патриархального порядка.

На этом фоне особенно интересно то, что пишет филолог Марио Паццальни, сделавший новый перевод «Арадии» в конце 90-х годов XX века:

Путешествуя по Северной Италии, я опрашивал местных жителей, как практикующих [некую народную магию], так и далеких от практики, слышали ли они само слово «Арадия». Никому оно оказалось не известно — даже тем, кто знал Диану и песнопения Старой Религии.

Иными словами, до Лиланда имя «Арадия» в источниках не встречается.

Арадия Лиланда (или тосканских ведьм, если ему верить) была женщиной-мессией, дочерью Дианы от Люцифера, воплотившейся на земле, чтобы учить искусству колдовства всех несчастных и отверженных, угнетаемых феодалами и католической церковью. Она стала первой из ведьм и после этого возвратилась на небо, но продолжает оказывать оттуда влияние на судьбы мира дольного. Нарисованная Лиландом картина не только очень поэтична, но и колоритна, насыщена живыми деталями, которые могут говорить как о подлинности

народных корней этой традиции, так и о художественном мастерстве автора. Этнографический дух здесь выдержан достаточно точно и в чем-то напоминает ирландские древности леди Уайльд. С другой стороны, и современные практикующие специалисты, возможно, сочтут многие описанные у Лиланда приемы вполне работающими.

Любопытно, что книга оставалась в безвестности вплоть до 50-х годов XX века, когда другие теории «исторического религиозного ведовства» и, прежде всего, гарднерианская Викка, оказались в фокусе внимания широкой читающей публики. Серьезные исследователи «Арадии», естественно, разделились на сторонников и противников ее аутентичности. Неоязычники, со своей стороны, тут же подняли ее на знамя (тем более, что фрагмент из первой главы стал частью гарднерианской литургии), сочтя достаточным доказательством тому, что ведовство как религия действительно издревле существовало в Европе и благополучно пережило христианские времена. Как бы там ни было, после этого «Арадию» стали довольно широко переиздавать.

Так что же собой представляет эта книга — честное переложение чудом попавшей к автору фольклорной информации? Или пространно и остроумно разработанные им обрывки исторических сведений? Или откровенный художественный вымысел? На эти вопросы однозначного ответа у современных исследователей нет. Но даже и в третьем случае не каждое литературное произведение может похвастаться тем, что, фактически, создало богиню. Имя Арадии ныне упоминается среди прочих имен Великой Богини во многих неоязыческих религиозных текстах и, прежде всего, в «Завете Богини»; известно, что Алекс Сандерс, основатель александрийской ветви Викки, призывал ее в качестве лунного божества. Наибольшее внимание ей, однако, уделяется в сравнительно недавно вышедшей на оккультную сцену, но претендующей (кто знает, насколько обоснованно?) на многовековую историю итальянской ведовской традиции под названием «Стрегерия», которая сочетает в себе гарднерианскую викканскую основу с элементами итальянского фольклора. Ее основателем стал ныне здравствующий писатель итало-американского происхождения Рейвен Гримасси. Еще в 1969 году он занялся викканскими

практиками, а десять лет спустя положил начало собственной ведовской системе и сейчас является руководителем или со-руководителем нескольких ведовских сообществ. Неизвестно, насколько оправданы притязания Гримасси на принадлежность к «роду ведьм, практикующих религиозное ведовство», но те, кто имел случай познакомиться с ним лично, отзывались о нем впоследствии как об очень приятном человеке, несомненно, посвященном в некую традицию народной магии и целительства. Гримасси полагает, что Арадия Тосканская была реальной исторической фигурой и в XIV веке возглавляла группу поклонявшихся Диане ведьм-язычниц.

Несколько десятилетий спустя эстафету Лиланда подхватила британский египтолог и антрополог, рыная феминистка Маргарет Элис Мюррей.

Эта выдающаяся леди родилась в Калькутте в 1863 году и изучала лингвистику и антропологию в Университетском колледже Лондона. В конце 90-х она принимала участие в организованных знаменитым английским египтологом, сэром Уильямом Флиндерсом Петри, археологических раскопках в Египте и Палестине, а в 1908-м произвела разбинтовку «Двух братьев» (открытого Петри нецарского захоронения эпохи Среднего Царства), которая считается первым в истории полидисциплинарным исследованием мумий. Работа с Петри помогла ей занять пост младшего лектора, а затем, в 1924 году, и адъюнкт-профессора Университетского колледжа, который она занимала вплоть до выхода в отставку в 1935-м. В 1926 году Мюррей стала членом Королевского антропологического института, а в 1953-м — президентом Фольклорного общества. В библиографии Маргарет Мюррей — пятнадцать работ, посвященных, в основном, культуре Египта и Ближнего Востока. Скончалась она в 1963 году вскоре после издания автобиографии под очаровательным названием «Мои первые сто лет».

Маргарет воспитывали в христианском духе, и еще до начала академической карьеры она даже работала учительницей в воскресной школе. Однако впоследствии она отвергла эту религию и даже заработала в научных кругах репутацию примечательно-го скептика и рационалиста. На страницах автобиографии она признавалась, что верит в «незримую и всеправящую силу, которую наука именует Природой, а религия — Богом». По отзывам

друзей, все это не мешало ей верить также и в магию и практиковать ее, в частности, проклиная неугодных ей личностей. Известен эпизод, когда она провела операцию черной магии (скорее, ведьмовского, чем церемониального толка) против некоего ученого, не заслужившего, по ее мнению, продвижения по академической лестнице, при помощи сковородки и ряда загадочных ингредиентов. Жертва вскоре после этого заболела и вынуждена была сменить работу. Впрочем, близкие предпочитали считать это эксцентричными выходками, по странному сопадению имеющими некоторые последствия.

В 1921 году она издала свою первую работу о ведьмах, «Ведовской культ в Западной Европе», за которой в 1933-м последовал «Бог ведьм», а в 1954-м — «Божественный Король в Англии». С 1940-х годов работы Мюррей пользовались большой популярностью. Ее влияние на умы широкой публики было достаточно велико, однако ученое сообщество относилось к этим трудам с куда меньшим восторгом. Исследователи до сих пор винят современников Мюррей в том, что их критика была недостаточно решительной и резкой, вследствие чего той удалось эффективно ввести в заблуждение множество непрофессионалов. Фактически сразу после публикации «Ведовского культа» в Англии, как грибы после дождя, стали возникать мелкие общины-ковены новых язычников, утверждавших, что их традиция существует с доисторических времен и не пресекалась даже в христианскую эпоху. В 40-е годы в одном из таких ковенов получил посвящение и основатель викканской религии Джеральд Гарднер. Именно у Мюррей он почерпнул такие образы и понятия, как «Старая Вера», «ковен», «эсбат», «Колесо Года», «Рогатый Бог» и т.д., до сих пор вдохновляющие современных неоведьм, не говоря уже о некоторых авторах литературы в жанре фэнтези, чьи произведения подчас заслуживают всяческих похвал за свои художественные достоинства. Интересно, что если Мюррей ставила во главу ведовского пантеона неолитического Рогатого Бога, в Средние века превратившегося в дьявола христианских хронистов, то, начиная с Гарднера, его потеснила на престоле Великая Богиня, в некоторых общинах радикального толка вовсе отстранив от власти. Хотя в наши дни Богиня и Бог более или менее уравнивали друг друга в викканской космологии, вторая

половина XX века ознаменовалась сильным креном в сторону мистического феминизма. У Мюррей этого нет и следа: в «Боге ведьм» богиня не упоминается совсем, да и о ритуалах и степенях посвящения, на которые Гарднера явно вдохновили масоны, Орден Золотой Зари и Телема, пока речи не идет. Ведовство у Мюррей — полупервобытный руральный культ, сохраненный с эпохи неолита аборигенным Малым Народом Британии, превратившимся в фольклоре в фейри и низведенным у Шекспира до крошек-фей с прозрачными крылышками.

В своих работах, посвященных ведовскому культу, Мюррей выступает, скорее, как публицист, эмоциональный и увлекающийся писатель, готовый ради защиты своего тезиса подтачивать факты и выдавать желаемое за действительное, чем как строгий историк-академик. Начиная с самой первой публикации, коллеги обрушились на Мюррей с суровой критикой за непростительную небрежность в подборе и обработке источников. Так Рональд Хаттон отмечал, что она взяла лишь «несколько хорошо известных работ континентальных демонологов, несколько документов, изданных в Англии, и некоторое количество протоколов шотландских судов над ведьмами. При этом огромный массив неопубликованных материалов остался совершенно без внимания»¹. Другие авторы также неоднократно отмечали, что Мюррей «крайне избирательна» и работает только с теми источниками, которые подтверждают ее точку зрения, сбрасывая со счетов все, что ей противоречит. Помимо всего прочего, ее обвиняли в том, что она неоднократно цитирует одни и те же фрагменты источников, каждый раз делая из них разные выводы, или в попытках рационализировать происходящее на шабашах игнорирует откровенно визионерский характер показаний допрашиваемых ведьм. Увы, такой подход и в наши дни встречается в академическом мире куда чаще, чем хотелось бы.

Те немногие специалисты по разрабатываемой ею теме (то есть по средневековым судам над ведьмами), которые вообще дали себе труд высказать отношение к ее книгам, не оставили Мюррей ни единого шанса. Всех своих критиков она, впрочем, храбро обвиняла в религиозной пристрастности, утверждая,

¹ Hutton, Ronald. *The Pagan Religions of the Ancient British Isles: Their Nature and Legacy*. Oxford: Blackwell, 1991.

что они — в большинстве своем христиане, которые просто не желают, чтобы ее теории оказались правдой, и, по возможности, отвечала им не менее яростной критикой. К несчастью для истории и к счастью для мифа, голосов против оказалось настолько мало, что многие читатели посчитали теорию Мюррей достаточно доказательной, а историки других профилей даже включили ее как общее место в свои работы.

После кончины Маргарет Мюррей негативной критики стало больше, но семя уже упало на плодородную почву: миф начал менять историю.

Чтобы показать корни и ветви этого удивительного мифопоэтического древа, простирающиеся сразу в прошлое и будущее, творческая группа «Телема» и решила предложить вашему вниманию этот сборник.

Мы имеем здесь дело с источниками и интерпретациями, отражающими на самом деле историю Европы не эпохи Средневековья, но рубежа XIX и XX веков и далее, вплоть до середины XX-го, — историю так называемого западного Оккультного Возрождения, продолжающегося во многом и по сию пору. Это не этнография, это история ментальностей. Это не столько реальные (или, правильнее было бы сказать, гипотетические) пережитки древнейших верований, сколько мифопоэтические запросы новейшего времени, обусловленные такими явлениями, как индустриализация, социальные сдвиги, эмансипация женщин, потребность в реформировании философского и религиозного контекста и его хотя бы частичной дехристианизации и даже начало глобализации и объединения Европы. Это в чем-то очень юношеский процесс: для него характерны ориентация на индивидуальный когнитивный поиск и опыт; отвержение родительских авторитетов и обращение за помощью к дедовским; поиск живых источников силы; отрицание застывших догм в пользу непосредственного общения с богами и высшими сущностями. О, да, он достаточно опасен, так как столь свободные отношения с магическим и религиозным континуумом предъявляют серьезные требования к личной силе, дисциплине, осознанности, эрудиции, дальновидности и общему культурному развитию практикующего. Но разве это не прекрасный вызов, достойный магов Нового Эона?

ЧАРЛЬЗ ЛИЛАНД

АРАДИЯ,

ИЛИ

ЕВАНГЕЛИЕ ВЕДЪМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если читатель когда-нибудь сталкивался с работами учебного фольклориста Ж. Питре, или со статьями, написанными «леди Вер де Вер» для «Итальянского обозрения», или с теми, что издавал Дж. Х. Эндрюс в «Фольклоре»¹, ему уже известно, что в Италии водится великое множество *стрег* — предсказательниц судеб или ведьм, которые гадают на картах и отправляют причудливые церемонии, а в них, говорят, призывают разных духов; также они делают и продают амулеты, и вообще ведут себя, фактически, как полагается пресловутому их племени, будь это Черное Вуду в Америке или еще какие колдуньи в других частях света.

Однако итальянская *стреха*, или колдунья, в определенных отношениях представляет собою нечто совсем иное. По большей части она происходит из семьи, в которой ее призвание или искусство практиковалось на протяжении многих поколений. Нет сомнений, что в некоторых случаях происхождение этих семейств восходит к Средним векам, к римским, а то и к этрусским временам. Результатом явилось накопление в них обширнейших знаний. Но в Северной Италии, как подтверждает ее литературная традиция, хотя ученые понемногу и собирали волшебные сказки и народные суеверия, не наблюдалось ни малейшего интереса к необычным преданиям ведьм. Никто и не подозревает, что оно хранит невероятное количество второстепенных мифов и легенд Древнего Рима, которые собирал и записывал тот же Овидий, но большая часть которых ускользнула от внимания его и прочих латинских авторов².

1 От марта 1897 года, «Неаполитанское Ведовство». — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

2 Представьте себе, что таково было бы положение вещей и с немецкими сказками, если бы для будущего не сохранилось ничего, кроме собраний братьев Гримм и Музеуса. Мир пребывал бы в совершенной убежденности, что это все существующие по данной теме источники, в то время как перед ним всего лишь малая часть огромного целого. Кроме того, классическим авторам не был известен фольклор: ни у кого из древних латинских авторов нет упоминаний о том, чтобы он собирал традиции и тому подобное среди простого люда, как это делается сейчас. Книги они все делали исключительно из книг, будучи «немногими оставшимися» *literati* [интеллектуалами, представителями литературной элиты (лат.) — *Примеч. перев.*].

Такому неведению немало способствовали и сами волшебницы, которые хранят все свои традиции в глубокой тайне, побуждаемые к тому страхом перед священниками. Последние в действительности, сами того не желая, сделали огромный вклад в сохранение сего знания, ибо очарование запретного плода весьма велико, и ведовство, подобно трюфелю, лучше всего растет и набирает самый зрелый вкус, будучи глубоко запрятано. Как бы там ни было, и священники, и волшебники исчезают ныне с невероятной быстротой — один французский писатель даже сказал, что встретить в вагоне поезда францисканца уже представляется странною аномалией — и еще несколько лет газет и велосипедов (и одно только небо знает, что начнется, когда появятся летательные машины!) окончательно положат конец тем и другим.

Впрочем, умирают они медленно, и в Северной Романье есть еще старики, помнящие этрусские имена Двенадцати Богов и призывания Бахуса, Юпитера и Венеры, Меркурия и ларов, или духов предков, а в городах нет-нет да и встретишь женщин, изготавливающих странные амулеты и бормочущих над ними заклинания, известные еще со времен старого Рима. Даже сведущих они способны удивить легендами о латинских богах, перемешанными с преданиями, какие найдешь разве что у Катона или Феокрита. Вот с одной из них я и познакомился близко в 1886 году, и с тех пор пользуюсь ею для сбора среди ее сестер по тайному знанию родом из многих мест всяческих известных им традиций древних времен. В действительности я черпал и из других источников, но эта женщина, благодаря долгой практике, в совершенстве изучила то, что понятно лишь немногим, а желаю один лишь я, а также способы извлечь эти знания из своих товаров.

Среди прочих причудливых реликвий она через много лет сумела добыть и это «Евангелие», которое перешло ко мне, написанное ее рукой. Полный и подробный отчет о его природе вы найдете в Приложении. Я не знаю в точности, получила ли моя информантка частично эти традиции из письменных источников или из устного предания, но полагаю, что в основном из последнего. Однако есть волшебники, которые переписывают или хранят подлинные документы по своему искусству. Я не видел эту женщину с тех пор, как

мне прислали «Евангелие», но надеюсь в будущем получить от нее больше информации.

В рамках краткого объяснения могу заметить, что ведовское ремесло известно среди его приверженцев как *la vecchia religione*, старая религия, в которой Диана — Богиня, а ее дочь Арадия (или Иродиада) — женщина-мессия. В этой небольшой книжце рассказывается о ее рождении, нисхождении на землю, основании традиции ведовства с ее ведьмами и последующем возвращении на небеса. Здесь приведены также церемонии и инвокации, или заклинания, адресуемые Диане и Арадии, заклинание Каина и чары священного камня, руты и вербены, составляющие, как утверждается в тексте, регулярную литургию, которую надлежит петь или произносить на ведовских собраниях. Также в книгу включены чрезвычайно любопытные заклинания или благословения меда, муки и соли, или хлебов ведовской вечери, примечательно классические и очевидным образом представляющие собой реликты Римских Мистерий.

Работу эту можно было бы продолжать *ad infinitum*¹, добавляя к ней церемонии и инкантации, составляющие Ведовское Писание, но поскольку почти все их — или, по крайней мере, значительную часть — можно найти в моих книгах, озаглавленных «Этрусско-римские древности» и «Флорентийские легенды», я не спешил составлять подобный сборник, не убедившись прежде, что достаточное количество читателей купило бы такой труд.

Уже приступив к написанию нижеследующего, я нашел и прочел весьма умную и увлекательную книгу «*Il Romanzo dei Settimani*»² Дж. Каваньяри (1889 г.), в которой автор в форме новеллы весьма живо описывает обычаи, образ мысли и в особенности самую природу ведовства, а также множество суеверий, бытующих у крестьян Ломбардии. К несчастью, невзирая на обширные знания по предмету, рассказчику, судя по всему, ни разу не пришло в голову, что традиции эти могут представлять собой что-то еще, кроме пагубного вздора или безумия мерзких нехристей. До того, что в них сохраняются поистине чудесные реминисценции античной мифологии и бесценного

1 До бесконечности (лат.).

2 «Роман недель» (ит.).

фольклора, составляющие самый *cor cordium*¹ истории, ему нет никакого дела, словно какому-нибудь простому *Zoccolone*² или бродячему францисканцу. Казалось бы, человек, уверенный в том, что ведьма действительно намеревалась церемониальным или ритуальным образом лишить жизни семерых человек, дабы обрести секрет неистощимого богатства, обязан хотя бы заподозрить, что такая колдунья должна быть просто кладзем удивительных преданий; но нет, ничего подобного, и он, совершенно очевидно, весьма далек от мысли, что во всем этом может быть что-то интересное с некой более высокой или хотя бы просто доброй точки зрения.

Книга его, *in fine*³, относится к чрезвычайно обширной категории литературы, написанной о привидениях и предсудках с тех пор, как к последним стали относиться с недоверием и позволять себе в их отношении весьма сатирические и не представляющие никакого риска, но при этом совершенно дешевые насмешки, нацеленные как раз на то, что в них было простой вульгарностью и выдумкой. Подобно сэру Чарльзу Колдстриму, они бросают украдкой взгляд в кратер Везувия после того, как тот уже перестал «извергаться», и во всеуслышанье объявляют, что «ничего там такого нет». Но ведь было в нем некогда что-то; и человек науки, каковым сэр Чарльз отнюдь не являлся, способен найти многое, весьма многое в археологических останках, а знатоки помпейских и геркуланумских древностей утверждают, что предстоит раскопать еще семь похороненных в пепле городов. Я в свою очередь сделал самую малость (и это действительно очень мало), чтобы извлечь хоть что-то из мертвого вулкана итальянского колдовства.

Если бы именно в такой манере об итальянском ведовстве говорили самые эрудированные из пишущих о нем авторов, никого бы не удивляло, что очень мало кому в действительности есть дело до того, существует ли подлинное «Евангелие ведьм», кажущееся столь древним и служащее заветом причудливой контр-религии, сохранившейся с доисторических времен до наших дней. «Ведовство — просто мусор, если не что похуже, — утверждают старые авторы. — А, следовательно,

1 Сердце сердца; здесь «сокровенная суть» (лат.).

2 Носящему деревянные башмаки; здесь «крестьянину» (ит.).

3 В конце концов (лат.).

и все книги о нем немногого стоят». Я, однако, искренне надеюсь, что эти страницы попадут в руки тех немногих, кто станет думать о них лучше.

Мне, впрочем, надлежит отдать должное тем, кто намерен исследовать сии темные и запутанные пути, и объяснить, что ведовское знание в Италии очень тщательно берегут ото всех, за исключением самых немногих — как у индейцев чиппавуа или в черном вуду. В романе об *I Settimani* соискательница живет у ведьмы и постепенно, клочок за клочком, с болью выцарапывает у нее заклинания и чары, отдавая этому занятию долгие годы. Мой друг, ныне уже покойный М. Драгоманов, рассказывал, как в Венгрии один человек, прознав, что он собрал большую коллекцию заклинаний (которые все впоследствии были опубликованы в журналах по фольклору), забрался в апартаменты ученого и тайком их переписал. Вернувшись на следующий год, Драгоманов обнаружил, что вор уже заделался процветающим магом и вовсю практикует. Заклинаний ему досталось не то чтобы много — дюжина, может быть, или около того, но в таком деле и малое может принести многие плоды. Я рискну утверждать, что едва ли в Италии найдется хоть одна ведьма, которой их известно больше, чем я опубликовал, притом, что я старательно собирал их у многих и повсеместно. Все, что пишется [из источников этого рода], часто с не меньшим тщанием уничтожается священниками и кающимися грешниками, или же теми, кто испытывает суеверный ужас уже единственно от пребывания в одном доме с подобными документами, так что само спасение «Vangelo» — факт, по меньшей мере, примечательный.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАК ДИАНА ПРОИЗВЕЛА НА СВЕТ

АРАДИЮ (ИРОДИАДУ)

*«Диана се! Узри!
Восходит полумесяцем богиня»*

— Джон Китс «Эндимион»

*«Сиянье лей еще,
Царицы Звездной месяц, ты на ложе брака».*

— Ibid.

Се Евангелие («Vangelo») ведьм:

Великой любовью полюбила Диана своего брата Люцифера, бога солнца и Луны, бога Света (*Славы*), столь гордого своею красотой, что за гордыню ту был он извергнут из рая.

От брата своего родила Диана дочь, которой дали они имя Арадия (то есть, Иродиада).

И было в те дни на земле много богатых и много бедных.

И богатые поработили себе всех бедных.

И в те дни со многими рабами обращались чрезвычайно жестоко; в каждом дворце были пытки, в каждом замке — узники.

Многие рабы сумели спастись. Они бежали в глушь и становились там ворами и злыднями. По ночам, вместо того чтобы спать, плели они заговоры и грабили своих хозяев, а потом убивали. Так селились они в горах и лесах и жили там грабителями и убийцами, и все это — чтобы избежать рабства.

И сказала Диана однажды дочери своей, Арадии:

*E vero che tu sei uno spirito,
Ma tu set nata per essere ancora.
Mortale, e tu devi andare*

Sulla terra e fare da maestra
A donne e a' uomini che avranno
Volentà di inparare la tua scuola
Che sara composta di stregonerie.

Non devi essere come la figlia di Caino,
E della razza che sono divenuti
Scellerati infami a causa dei maltrattamenti,
Come Giudei e Zingari,
Tutti ladri e briganti,
Tu non divieni...

Tu sarai (sempre) la prima strega,
La prima strega divenuta nel mondo,
Tu insegnerai l'arte di avvelenare,
Di avvelenare (tutti) i signori,
Di farli morti nei loro palazzi,
Di legare il spirito del oppressore,
E dove si trova un contadino ricco e avaro,
Insegnare alle streghe tue alunne,
Come rovinare suo raccolto
Con tempesta, folgore e balen,
Con grandine e vento.

Quando un prete ti fara del male,
Del male colle sue bene di'Zioni,
Tu le farei (sempre) un doppio male
Col mio nome, col nome di *Diana*,
Regina delle streghe...
Quando i nobili e prete vi diranno
Dovete credere nel Padre, Figlio,
E Maria, rispondete gli sempre,
"IL vostro dio Padre e Maria
Sono tre diavoli..."

Il vero dio Padre non e il vostro--
Il vostro dio--io sono venuta
Per distruggere la gente cattiva
E la distruggero....

“Voi altri poveri soffrite anche la fame,
E lavorato malo e molte volte;
Soffrite anche la prigione;
Mapero avete una anima,
Una anima più buona, e nell'altra,
Nell'altra mondo voi starete bene,
E gli altri male”...

Перевод:

Воистину, ты — дух,
Но в мир пришла ты снова смертной стать:
На землю снизойти
И наставлять мужей и жен, готовых
Там в радости учиться ведовству.

Но ты не станешь Каиновой дочерью
Или одной из тех, кто от страданий
Озлобились, покрыв себя позором,
Подобно иудеям и цыганам —
Сплошь вора и плутам; нет, им подобной
Тебе не стать...

Ты первой будешь среди ведьм известных;
Ты первой будешь среди всех на свете;
Учить их станешь ты искусству ядов —
Искусству отравления великих:
Пусть погибают во дворцах своих!
Ты душу угнетателя скуешь¹;
Найдя крестьянина богатого, научишь
Ты ведьму, ученицу, как ему
Испортить урожай ужасной бурей
И молнией, и громом, полным жути,
И ветром с градом...

Когда ж священник причинит тебе
Страдание своим благословеньем,

¹ Legare, связывание и паралич способностей человека при помощи колдовства.

Двойной ущерб ему ты нанесешь во имя
Мое, Дианы, госпожи колдуний!

Когда же поп иль дворянин
Тебе промолвит, что должна ты верить
В Отца и Сына и Марию, ты ответь:
«Твой Бог, Отец, Мария с ними —
Три лика дьявольских, три демона они...»

Да, Бог-Отец — не про тебя;
Я в этот мир пришла, чтобы смести дурных
И злых людей — всех уничтожу ныне!

Вы, бедняки, страдаете в нужде,
От голода, тюрьмы и прочих мук,
Но есть у вас душа, и за страданья
Вы радость обретете на том свете,
Злосчастен будет рок всех тех,
Кто вас обидел!

Когда же Арадия была научена, как творить всякое колдовство и как известить злое племя [гонителей], она [сообщила свое знание своим ученикам] и так сказала им:

Quando io sarò partita da questo mondo,
Qualunque cosa che avrete bisogna,
Una volta al mese quando la luna
È piena...
Dovete venire in luogo deserto,
In una selva tutte insieme,
E adorare lo spirito potente
Di mia madre Diana, e chi vorrà
Imparare la stregonerie,
Che non la sopra,
Mia madre le insegnerà,
Tutte cose...
Sarete liberi della schiavitù!
E così diverrete tutti liberi!
Pero uomini e donne

Sarete tutti nudi, per fino.
Che non sara morto l'ultimo
Degli oppressori e morto,
Farete il giuoco della moccola
Di Benevento, e farete poi
Una cena cosi:

Перевод:

Когда покину этот мир я,
Коль будет в чем у вас нужда,
Один раз в месяц, в полнолуние лучше,
Сойдитесь вместе в пустыне глухой,
Или в лесу вы купно соберитесь
И поклоняйтесь духу матери моей,
Владычицы Дианы величавой.
Ту, кто рьяно
Изучит колдовство, но не познает
Его глубоких тайн, мать моя
Научит истинно всему,
Ей неизвестному доселе.
Так я избавлю вас от кабалы:
Во всем свободны будьте!
И в знак того, что истинно свободны,
Нагими пребывайте вы в обрядах,
Мужчины все и жены; будет так
Пока не сгинет прочь последний ваш мучитель;
Затем играйте в Беневенто, дети,
Все погасив огни, а после
Устройте вечерю...

ГЛАВА ВТОРАЯ

САББАТ: TREGUENDA¹ ИЛИ ВЕДЬМОВСКОЕ СБОРИЩЕ — КАК ОСВЯТИТЬ ПРИЧАСТИЕ

SCONGIURAZIONE DELLA FARINA

Scongiuro te, o farina!
Che sei il corpo nostro--senza di te
Non si potrebbe vivere--tu che
Prima di divenire la farina,
Sei stata sotto terra, dove tutti
Sono nascosti tutti in segreti,
Maccinata che sei a metterte al vento,
Tu spolveri per l'aria e te ne fuggi
Portando con te i tuoi segreti!

Ma quando grano sarai in spighe,
In spighe belle che le lucciole,
Vengeno a farti lume perche tu
Possa crescere piú bella, altrimenti
Tu non potresti crescere a divenire bella,
Dunque anche tu appartieni
Alle Streghe o alle Fate, perche
Le lucciole appartengono
Al sol...

Lucciola caporala,
Vieni corri e vieni a gara,
Metti la briglia a la cavalla!
Metti la briglia al figliuolo del ré!
Vieni, corri e portala a mé!

Il figliuol del ré te lasciera andare
Pero voglio te pigliare,
Giache sei bella e lucente,

¹ Видимо, имеется в виду tregenda — шабаш (ит.). — *Примеч. перев.*

Ti voglio mettere sotto un bicchiere
E guardarti colla lente;
Sotto un bicchiere in starai
Fino che tutti i segreti,
Di questo mondo e di quell'altro non mi farai
Sapere e anche quelle del grano,
E della farina appena,
Questi segreti io saprò,
Lucciola mia libera ti lascieró
Quando i segreti della terra io sapró
Tu sia benedetta ti diro!

ЗАКЛИНАНИЕ МУКИ

Заклинаю тебя, о, мука!
Ты — наша плоть: не будь тебя на свете,
Не жили б мы. О ты, что, словно семя,
Уходишь в землю, дабы стать цветком
В земле, где скрыты тайны! И тогда земля
Воспляшет, словно прах, несомый ветром,
Чреватая тобой и странной тайной!

А в те поры, когда ты в колосе была,
Сверкая [златом] зерен, над тобою
Собрались светляки пролить свой свет¹,
Чтоб в рост пустилась ты; без их подмоги
Не вырасти тебе, не стать прекрасной;
А значит, ты — из рода фей и ведьм:
Ведь светляки — от солнца...

Так поспеши, царица Светляков!
Прибуди ко мне, как в гонке победитель.
Впряги коней, услышав песнь мою!
Впряги, впряги ты сына короля!
Явись скорей и приведи его!
Сын короля тебя освободит!²

1 Тут очевидна ассоциация между пшеницей и тельцем светляка, весьма напоминающим зернышко этого злака.

2 Эти шесть строчек часто поют няньки детям.

И коль вовек светла ты и прекрасна,
Под хрусталем я схороню тебя
И стану изучать я с линзой тайны,
Пока они не явятся во свете:
Все дивные и странные преданья
Об этой жизни, о кресте несомом,
И о другой, за ней сокрытой жизни.
Так приобщусь ко всем великим тайнам
И к той последней, что в зерне таится;
Когда же, наконец, познаю все,
Я отпущу тебя, светляк! Лети!
Познав все тайны темные Земли
Я, наконец, благословлю тебя!

Далее следует заклинание соли.

SCONGIURAZIONE DEL SALE

Scongiuro il sale suona mezza gidrno,
In punto in mezzo a un fiume,
Entro e qui miro l'acqua.
L'acqua e al sol altro non penso,
Che a l'acqua e al sol, alloro
La mia menta tutta e rivolta,
Altro pensier non ho desidero,
Saper la verissima che tanto tempo é
Che soffro, vorrei saper il mio avenir,
Se cattivo fosse, acqua e sol
Migliorate il destino mio!

ЗАКЛИНАНИЕ СОЛИ

Се, заклинаю тебя, соль! В полдневный час
Я ровно посередь потока
Стою и вижу воды, что кругом
Несутся посолонь, и ни о чем не мыслю
Пока я здесь — о водах и о солнце;
И всей душой обращена я к ним
И не желаю мыслей я иных;

Стремлюсь познать я самой сути суть,
Ибо страдала долго от желанья
Узнать грядущую судьбу иль фатум свой,
И будет ли добра иль зла в нем больше.
Вода и солнце, милости я жду!

Далее следует заклинание Каина.

SCONGIURAZIONE DI CAÏNO

Tuo Caïno, tu non possa aver
Ne pace e ne bene fino che
Dal sole ¹ andate non sarai coi piedi
Correndo, le mani battendo,
E pregarlo per me che mi faccia sapere,
Il mio destino, se cattiva fosse,
Allora me to faccia cambiare,
Se questa grazia mi farete,
L'acqua al lo splendor del sol la guardero:
E tu Caïno colla tua bocca mi dirai
Il mio destino quale sarà:
Se questa grazia o Caïno non mi farai,
Pace e bene non avrai!

ЗАКЛИНАНИЕ КАИНА

Заклинаю тебя, о Каин! Вовек
Не будешь знать ты мира и покоя,
Пока не будешь ты освобожден
Из солнца¹, где томишься в заключенье
И носишься, бия ладонь ладонью
Скорей, скорей, скорее, а меж тем²
Молю тебя, открой мою судьбу,
И если зла она, смени течение!
И если смиростивишься, я узрю

¹ Видимо, ошибка; должна быть «луна».

² Речь идет о том, чтобы согреться, а это еще раз доказывает, что имеется в виду не солнце, а луна. По другой легенде, Каин сослан именно на Луну и страдает там от холода.

Ответ в воде, в блистанье яром солнца,
А ты, о, Каин, молви словом уст
Какая ждет судьба меня в грядущем.
Пока же не подашь мне эту милость,
Не знать тебе покоя и блаженства!

Далее следует заклинание Дианы.

SCONGIURAZIONE A DIANA

Изготовь печенья из муки, вина, соли и меда в форме [полумесяца или рогатой] луны, поставь их в печь и скажи так:

Non cuoco ne il pane ne il sale,
Non cuoco ne il vino ne il miele,
Cuoco il corpo il sangue e l'anima,
L'anima di *Diana*, che non possa
Avere ne la pace e ne bene,
Possa essere sempre in mezzo alle pene
Fino che la grazia non mi farà,
Che glielo chiesta egliela chiedo di cuore!
Se questa grazia, o *Diana*, mi farai,
La cena in tua lode in molti la faremo,
Mangiaremo, beberemo,
Balleremo, salteremo,
Se questa grazia che ti ho chiesta,
Se questa grazia tu mi farai,
Nel tempo che balliamo,
Il lume spengnerai,
Cosi al l'amore
Liberamente la faremo!

ЗАКЛИНАНИЕ ДИАНЫ

Не хлеб пеку я и не соль кладу,
Не мед и не вино в печи томятся;
Пеку я тело, кровь пеку и душу,
Я дух пеку Дианы [величавой],
Чтобы не знала мира и покоя,

Чтобы страдала в муках до тех пор,
Пока не даст мне то, чего прошу я,
Чего желаю; сердцем всем и больше
Ее молю я дать мне этот дар!
И если дашь, о чем прошу, Диана,
В твою я честь накрою этот стол
И осушу до дна глубокий кубок,
И станем мы неистово скакать,
Плясать, и если дашь, о чем мы просим,
То в миг дичайшей пляски свет погасим
И станем мы любить друг друга...

Так и нужно сделать: все должны сесть за вечерю нагими, мужчины и равно женщины, и после пира петь, плясать, играть музыку и затем любить во тьме, погасив все огни. Ибо гасит их не кто иной, как дух самой Дианы, и потому все пляски и музыка здесь — в ее честь.

И случилось так, что после того, как дочь ее свершила миссию свою или провела достаточно на земле среди живущих [смертных], Диана призвала ее к себе и дала такую власть, что когда ее призывали... совершив какое благое деяние... дала она ей власть вознаграждать призвавшего ее, даруя ему удачу в любви и силу:

благословлять и проклинать силою своей друзей и врагов (творить добро или зло);

беседовать с духами;

отыскивать спрятанные в древних руинах сокровища;

понимать голос ветра;

превращать воду в вино;

прорицать на картах;

ведать тайны ладони (пальмистрию);

исцелять болезни;

делать уродливых прекрасными;

приручать диких тварей.

И что бы ни попросили у духа Арадии те, кто заслужил ее милости, то они и получают.

Призывать же ее нужно так:

Взыскую Арадии! Арадии! Арадии!¹ В полночь, в полночь
иду я на поле и несу с собою воду, вино и соль, *я несу воду,
вино и соль*, и мой талисман — *мой талисман, мой талис-*
ман, и маленький красный мешочек, который все время держу
в руке, *con dentro, con dentro, sale, с солью в нем, в нем*. Водой
и вином благословляю себя, благословляю себя с верою и молю
милости у Арадии, Арадии.

SCONJURAZIONE DI ARADIA

Aradia, Aradia mia!
Tu che sei figlia del più peggiore
Che si trova nell'Inferno,
Che dal Paradiso fu discacciata,
E con una sorella, te ha creata,
Ma tua madre pentita del suo fallo,
A voluto di fare di te uno spirito,
Un spirito benigno,
E non maligno!

Aradia! Aradia! Tanto ti prego
Per l'amore che por ti ha tua madre,
E a l'amor tuo che tanto l'ami,
Ti prego di farmi la grazia,
La grazia che io ti chiedo
Se questa grazia mi farei,
Tre cose mi farai vedere,
 Serpe strisciare,
 Lucciola volare,
 E rana cantare
Se questa grazia non mi farai,
Desidero tu non possa avere,
Avere più pace e ne bene,
E che da lontano tu debba scomodarti.
E a me raccomandarti,
Che ti obri... che tu possa torrnar
Presto al tuo destino.

¹ Эту формулу читать следует медленно, делая акцент на повторениях.

ПРИЗЫВАНИЕ АРАДИИ

Арадия! Арадия моя!
Тому ты дочь, кто изо всех
Был злейшим духом,
Кто исстарь
Низвергнулся с небес,
Чтоб воцариться в аде;
Кто от сестры родимой
Тебе отцом стал! Мать твою
Раскаялась в вине своей и потому
Отдать тебя желала не за злого,
Но за благого духа!

Арадия, Арадия! Молю
Тебя любовью, что питала мать
К тебе и что питаю я!
Молю тебя, подай мне милость!
И коль подашь, яви мне в этом знак,
Один из трех, что ясны будут мне:
Шипение змеи
Иль светляка полет,
Иль пение лягушки!
Но если ты откажешь мне в услуге,
Не знать тебе ни радости, ни мира,
И будешь ты, придя издалека,
Искать меня, чтобы исполнить просьбу спешно,
И лишь затем к своей судьбе
Вернешься ты. Аминь!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАК ДИАНА СОТВОРИЛА ЗВЕЗДЫ И ДОЖДЬ

Диана была первой сотворена прежде всякого творения; в ней пребывало все сущее; из самой себя, изначальной тьмы, она разделилась надвое; на тьму и свет была она разделена. Люцифер, брат ее и сын, сама она и вторая ее половина, был тем светом.

Когда же Диана увидала, что свет сей прекрасен — свет, который был собственной ее половинкой, братом ее, Люцифером, она возжелала его с великою силой. И стремясь вобрать его обратно в свою тьму, поглотить его в восторге экстаза, она вострепетала от желания. И желание это стало Зарею.

Но Люцифер, свет, бежал от нее, не желая уступить ее порыву; то был свет, бегущий в самые отдаленные пределы небес, бегущий, как мышь от кота.

И пошла Диана к отцам Начала, к матерям пошла она, к духам, что были прежде самого первого духа, и плакала пред ними, что никак не склонить ей к себе Люцифера. И воспе-ли они хвалу ее отваге и сказали, что дабы вознестись, долж-на она прежде пасть; дабы стать первейшей из богинь, должно ей прежде побывать смертной.

И вот много веков назад, в те времена, когда сотворен был мир, Диана сошла на землю, подобно Люциферу, падше-му, и учила колдовству и магии, отчего и произошли ведьмы и феи, и гоблины — все, кто подобны человеку, но не смертны.

И случилось так, что Диана приняла облик кошки. У бра-та ее была кошка, которую любил он превыше всех прочих тва-рей; каждую ночь спала она у него на постели — кошка, что прекраснее всех прочих тварей, волшебное существо, фей: он же того не знал.

И Диана убедила кошку обменяться с нею обличем и воз-легла с братом своим, и во тьме приняла собственный свой об-лик, и так, от Люцифера, стала матерью Арадии. Когда же по-утру увидал он, что возлежал с собственной сестрой, что свет был побежден тьмою, страшно прогневался Люцифер. Но Диана пропела ему заклинание, песнь великой силы,

и умолк Люцифер — то была песнь ночи, умиротворяющая, дарующая сон; ничего не сказал он ей. И вот Диана своими колдовскими уловками так зачаровала его, что возжелал он ее любви. Таково было первое обольщение — с сомкнутыми устами пропела она ему песню, словно пчелы жужжали, словно прялка крутилась, спрядая жизнь. Пряла она жизни людские; все сущее прялось на прялке Дианы, и Люцифер вращал ее колесо.

Ведьмы и духи, феи и эльфы, обитавшие в пУстьнях, не знали Диану и не почитали ее своей матерью; в смирении скрывалась она и была смертной, но волею своею вознеслась вновь превыше всего. Такую страсть имела она к колдовству и так стала в нем могущественна, что величие ее скрывать было более невозможно.

И вот однажды ночью на собрании всех колдуний и фей объявила она, что покроет тьмой небеса и превратит все звезды в мышей. И сказали те, кто был там:

— Если сможешь ты сотворить такое, войдя в столь великую силу, быть тебе нашей царицей.

И вышла Диана на улицу и взяла бычий пузырь и ведьмовскую монету, у которой край, будто нож, остер — такой монетой вынимают ведьмы след человека — и резала ею землю, и тою землей и мышами наполнила она пузырь, и дула в него, пока он не лопнул.

И стало великое чудо, ибо земля, что в пузыре, стала кругом небесным, и три дня шел сильный дождь; мыши же стали звездами или каплями того дождя. И так, сотворив небеса и звезды, и дождь, стала Диана Царицей всех Ведьм; была она кошкой, что правит мышами-звездами, небом и дождем.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЧАРЫ КАМНЕЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ДИАНЕ

Найти камень с отверстием в нем — знак особой милости Дианы. С кем случилось такое, берет его в руку и повторяет следующие слова, совершая церемонию, как положено:

SCONGIURAZIONE DELLA PIETRA BUCATA

Una pietra bucata
L'ho trovato;
Ne ringrazio il destin,
E lo spirito che su questa via
Mi ha portata,
Che passa essere il mio bene,
E la mia buona fortuna!

Mi alzo la mattina al alba,
E a passeggio me ne vo
Nelle valli, monti e campi,
La fortuna cercarvo
Della ruta e la verbena,
Quello so porta fortuna

Me lo tengo in senno chiuso
E saperlo nessuno no le deve,
E cosi cio che commendo,
La verbena far *ben* per me!
Benedica quella strege!
Quella fata che mi segna!”

Diana fu quella
Che mi venne la notte in sogno
E mi disse: “Se tu voir tener,
Le cattive persone da te lontano,
Devi tenere sempre ruta con te,
Sempre ruta con te e verbena!”

Diana, tu che siei la regina
Del cielo e della terra e dell'inferno,
E siei la protettrice degli infelici,
Dei ladri, degli assassini, e anche
Di donne di mali affari se hai conosciuto,
Che non sia stato l'indole cattivo
Delle persone, tu *Diana*,
Diana il hai fatti tutti felici!

Una altra volta ti scongiuro
Che tu non abbia ne pace ne bene,
Tu possa essere sempre in mezzo alle pene,
Fino che la grazia che io ti chiedo
Non mi farai!

Заклинание святого камня¹

Священный камень на земле нашла я.
Судьба, тебя благодарю
Я за счастливую находку,
Благодарю и духа, что подбросил
Мне этот камень! Пусть же он во благо
И на удачу служит мне!

Встаю я поутру на ранней зорьке,
Иду путем своим по дивным я долинам,
Чрез горы и прелестные луга,
Ища удачи, я вперед иду;
Ищу я руту и вербену, что пахнет сладко —
Удачу всем они несут.
Я сохраню надежно их у сердца,
Чтобы никто не знал: ведь это тайна
И пресвященная! И так заговорю их:
«Вербена, будь вовек ты мне во благо;
Да будет милость твоя с ведьмой
Иль с феей, что тебя мне указала!»

¹ Правильнее — камня с отверстием в нем. На морских кораблях такой камень называют святым, и здесь мы видим тому обоснование.

Великая Диана! Ты,
Царица неба, и земли,
И стран подземных — да, о ты,
Защитница всех горемык —
Воров, убийц и женщин,
Что злую жизнь ведут, но все же знают:
Природа их не зла; о ты, Диана,
Им ниспослала хоть какую радость¹.

Но знай, что я воистину могу
Тебя заклясть, да так, что не узнаешь
Ни счастья, ни покоя, до тех пор
Пока не дашь мне то, что в истой вере
Прошу я у тебя!

(Здесь мы снова видим угрозы божеству, как у эскимосов и в прочих шаманских традициях, где сохранились грубейшие первобытные формы заклятий, запугивающих духов. Некие следы этого можно обнаружить и у римских католиков. Так несколько лет назад в одном городе в Романье, когда святой Бруно не изволил прислушаться к своим верующим, молившим его о дожде, последние воткнули его изваяние головой вниз в речной ил. Дождь вскоре воспоследовал, и святого с почестями водворили на его место в церкви.)

ЧАРЫ ИЛИ ЗАКЛИНАНИЕ КРУГЛОГО КАМНЯ²

Найти круглый камень, будь он мал или велик, — это хороший знак (*e buono augurio*), но отдавать его никому нельзя, потому что получивший обретет тогда добрую удачу, а отдавшего постигнет та или другая беда.

Найдя круглый камень, устремите взор в небеса и трижды подбросьте камень (каждый раз непременно его ловя), говоря при этом так:

¹ Это не совсем понятный фрагмент, но, надеюсь, мне удалось передать в переводе то, что мыслил или чувствовал поэт.

² Il sasso a palla.

Spirito del buono augurio!
Sei venuto in mio soccorso,
Credi ne avevo gran bisogno,
Spirito del folletino rosso
Giacche sei venuto in mio soccorso,
Ti prego di non mi abbandonare!
Ti prego dentro questa palla d'intrare,
E nella mia tasca tu possa portare,
Così in qualunque mia bisogna,
In mio aiuto ti posso chiamare,
E di giorno e di notte,
Tu non mi possa abbandonare.

Se danari da qualchuno avanzaerò
E non mi vorrà pagare,
Tu folletino rosso me il farei dare!
Si questo di non darmeli,
Si in testera tu vi anderai
E col tua *Brié--brié!*

Se dorme to desterai,
Panni dal letto lacerai,
Le farai tanta paura
Che allora di andare a dormire,
Andrà alle bische a giuocare,
E tu nunqua lo seguirai.
E tu col tuo *Brié-brié*, le dirai,
Chi non paga deliti
Avranno pene e guai.

Così il debitare il giorno appresso,
O mi porterà i danari,
O mi il manderà;
E così, folletino rosso!
Mi farai felice in mia vita,
Perche in qualunque mia bisogna,
Verai in mio soccorso!
Se colla mia amante sarò adirato,
Tu spirito del buon augurio mio!

Andrai la notte da lei
Per i capelli la prenderai,
E nel letto mio la porterai;
E la mattina quando tutti gli spiriti
Vanno a riposare,
Tu prima di si' entrare
Nella tua palla si porterai
La mia bella nel suo letto,
Cosi te prego folletino,
Di entrare in questa mia palla!

E di ubbidire a tutti miei comandi!
Ed io ti porteró
Sempre nella tasca mia,
Che tu non mi vada via.

ЗАКЛИНАНИЕ

Дух доброго знаменья,
Пришедший мне на помощь,
Верь, велика моя нужда в тебе.
Дух Красного Гоблина,
Раз пришел мне на подмогу в час нужды,
Молю тебя, не оставь меня;
Молю тебя, войди ты в этот камень,
Чтобы в кармане я тебя носил,
Чтоб всякий раз, как мне потребно что-то,
К тебе взывать я мог, о чем желаю,
Ни днем, ни ночью не оставь меня.

И если дам я денег в долг кому,
И он ко сроку их не возвратит,
Молю тебя, о, Красный Гоблин,
Пускай заплатит он; а если нет,
И станет он упрячиться,
Пойдешь к нему ты с криком «Бри-бри-бри!»,
И если спит, пинком буди его,
И одеяло сбрось, и напугай до коллик!
Везде преследуй, куда б он ни пошел!

Ты так учи его своим «Бри-бри!»,
Чтоб обещаний впредь не забывал
И бедствовал, пока не платит долг.
Итак, чтоб на другой же день
Тот мой должник принес или прислал
Мне деньги, что он должен; так молю тебя,
О Красный Гоблин, будь же мне подмогой!

Иль вот поссорюсь с той, кого люблю,
Тогда, о, дух удачи, поспеши
Ты к ней во сне — за волосы хватай,
Ко мне тащи чрез ночь, ко мне на ложе!
А поутру, когда все духи прочь
Бегут на отдых, в камень возвращайся,
Но прежде отнеси ее домой
И там во сне оставь. И потому, о дух,
Прошу тебя я в камне поселиться!
Моим приказам будь всегда покорен,
В кармане пребывай всегда,
И ты и я, мы неразлучны будем!

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЗАКЛИНАНИЕ ЛИМОНА И БУЛАВОК

SCONGIURAZIONE AL LIMONE APPUNTATO UN SPILLE

Посвящено Диане

Лимон, в который воткнуто много разноцветных булавок, всегда приносит удачу.

Если вы получите в подарок лимон, полный булавок самых разнообразных цветов, между которыми, однако, нет ни единой черной, это значит, что жизнь ваша будет совершенно счастливой, процветающей и полной радостей.

Но если среди них оказалось несколько черных, вы будете наслаждаться богатством и здоровьем, но будут также и неприятности, впрочем, не столь уж большие. (Дабы уменьшить их силу, необходимо провести следующую церемонию и произвести заклинание, в котором, собственно, все и описано.¹)

Al punto di mezza notte
Un limone ho raccolto,
Lo raccolto nel giardino
Ho raccolto un limone,
Un arancio e un mandarino,
Cogliendo queste cose,
Cogliendo, io ho detto;
Tu, o Regina del sole
Delia luna e delle stelle,
Ti chiamo in mio ajuto
E con quanta forza ho a te scongiuro
Che una grazia tu mi voglia fare,
Tre cose ho raccolto nel giardino;
Un limone, un arancio,
E un mandarino; una
Di queste cose per mia fortuna,

¹ В оригинальной рукописи этот фрагмент отсутствует, но он необходим для объяснения того, что следует за ним.

Voglio tenere due
Di questi oggetti di mano,
E quello che dovra servirmi
Per la buona fortuna
Regina delle stelle:
Fa lo rimanare in mia mano!

ЗАКЛИНАНИЕ К ДИАНЕ

В миг, когда полночь пробило,
Сорвала я лимон в саду,
Сорвала я лимон и апельсин,
И мандарин душистый с ними.
Со тщаньем драгоценные плоды
Я, собирая, говорила так:
«О, ты, царица солнца и луны,
И вышних звезд — вот я! Тебя я призываю!
И заклинаю всей своею силой
Подать мне милость, коей я желаю!
Три плода я сорвала тут в саду —
Лимон, и апельсин, и мандарин;
Я собрала их, чтоб привлечь удачу.
Вот два из них беру я в руку,
И тот, что сможет послужить судьбе моей,
Царица звезд,
Пусть крепко тот останется в руке.

(Здесь в рукописи что-то выпущено. Полагаю, что оба плода, не глядя, подбрасывают в воздух, и если вернется лимон, церемония идет дальше своим чередом. Это явствует из того, что заклинание перемежается прозаическими указаниями к действию.)

Говоря это, нужно смотреть вверх, на небо, и тут я обнаружил, что в руке моей лимон, и голос сказал мне:

Возьми побольше булавок, и тщательно воткни их в лимон, и пусть булавки те будут разного цвета; и так будет тебе удача, и если пожелаешь ты дать этот лимон

кому-то или другу своему, нужно непременно проткнуть его множеством булавок, и все разных цветов.

Если же желаешь ты, чтобы зло постигло кого-то, воткни в лимон черные булавки.

Но для этого нужно тебе сказать иное заклинание, и вот какое:

Dia *Diana*, a te scongiuro!
E te chiamo ad alta voce!
Che tu non abbia pace ne bene
Se non viene in mio aiuto
Domani al punto di mezzo giorno,
Ti aspetto a quello punto
Un bicchiere di vino porterò,
E una piccola lente al occhio
E dentro tredici spilli,
Spilli neri vi metterò,
E tu *Diana* tutti
I diavoli dell' inferno chiamerai,
E in compagnia del sole il manderai,
E tutto il fuoco dell'inferno preso di se
Lo porteranno, e daranno forza,
Al sole di farmi questo vino bollire,
Perche questi spilli possano arroventire,
E con questi il limone apunteró
Per non dare più pace,
E ne bene alla persona
Che questo limone le presenterò!
Se questa grazia mi farete,
Un segnale mi darete,
Dentro tre giorni,
Una cosa voglio vedere,
O vento, o acqua, o grandine,
Se questo segnale non avró,
Piu pace *Diana* non te darò,
Tanto di giorno che di notte,
Sempre ti tormenterò.

ЗАКЛИНАНИЕ К ДИАНЕ

Богиня Диана, я заклинаю тебя
И громким голосом к тебе взываю:
Не знай же ты довольства и покоя
Пока мне на подмогу не придешь.
Итак, назавтра, только полдень зазвонят,
Я стану ждать тебя, вином наполнив чашу,
И с линзою иль маленьким стеклом¹.
Булавок я тринадцать загоню
В лимон сей; будут все они черны,
И это ты, Диана, ты воткнешь их!

И для меня ты вызовешь демонов из ада,
Пошлешь их в спутники ты солнцу,
Пусть пламень адский весь
Те демоны несут и силу преисподней
На солнце — пусть кипит вино²
Вот это красное, чтоб жаром раскалить
Своим булавки докрасна.
Я их воткну в лимон, чтобы тому иль той,
Кому лимон я дам, не знать ни мира, ни богатства.
И если получу я эту милость от тебя,
Дай знак, молю!
И прежде чем минует третий день
Дай мне услышать или увидеть
Ревущий ветер иль трескучий дождь
Или стучащий по равнине град;
Пока не явишь знак — один из этих
Покоя ты, Диана, не узнаешь.
Ответь мне хорошо ты на молитву,
Иль днем и ночью будешь ты страдать!

Как апельсин был плодом Солнца, так и лимон напоминал о Луне или Диане, поскольку цвет его — более светлый,

¹ Этот предмет с древнейших времен, еще с Римской эпохи, считался наделенным магическими свойствами и использовался в оккультных церемониях.

² То есть, Диану призывают послать демонов со всей силой адского пламени, дабы увеличить влияние солнца на вино.

желтый. Однако для этого заклинания всегда берется зеленый лимон, так как он со временем твердеет и становится черным. Не всем известно, что апельсиновая и лимонная шкурка под давлением и в сочетании с каким-нибудь вяжущим веществом затвердевает, и ее можно дальше лепить и использовать в различных целях. Этому я посвятил целую главу пока еще не опубликованной работы под названием «Сто малых искусств». Все это пошло от затвердевшего лимона, который дала мне в качестве талисмана одна ведьма.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЧАРЫ, ЧТОБЫ ЗАВОЕВАТЬ ЛЮБОВЬ

Когда волшебник, почитатель Дианы, поклоняющийся Луне, желает любви женщины, он может превратить ее в собаку, и тогда, забыв, кто она такая и все прочее, она немедленно прибежит к его дому и там, уже с волшебником, примет свое естественное обличье и с ним останется. А когда будет ей время уходить, превратится она снова в собаку и отправится домой, и там станет опять девушкой. И не будет она помнить ничего из того, что произошло, или совсем немного или одни только детали, похожие на обычный запутанный сон. А в собаку она превратится, потому что при Диане всегда есть собака.

И вот оно, заклинание, которое нужно повторять тому, кто хочет привести любовь к себе домой¹.

Сегодня пятница; хочу я встать раним-рано, ибо ночью вовсе не спал, увидав накануне прекрасную деву, дочку богатого владелина, которую и надеяться не смею заполучить. Будь она бедной, я бы соблазнил ее деньгами, но раз она богата, нечего и надеяться на это. (И потому стану я заклинать Диану помочь мне.)

SCONGIURAZIONE A DIANA

Diana, bella Diana!
Che tanto bella e, buona siei,
E tanto ti é piacere
Ti ho fatto,
Anche a te di fare al amore,
Dunque spero che anche in questa cosa
Tu mi voglia aiutare,
E se tu vorrai
Tutto tu potrai,
Se questa grazia mi vorrai fare:
Chiamerai tua figlia *Aradia*,
Al letto della bella fanciulla
La manderà *Aradia*,

¹ Начало данного заклинания представляет собой, видимо, прозаическое введение, разъясняющее природу ритуала.

La fanciulla in una canina convertira,
Alla camera mia la mandera,
Ma entrata in camera mia,
Non sara più una canina,
Ma tornerà una bella fanciulla,
Bella cane era prima,
E cosi potrò fare al amore
A mio piacimento,
Come a me piacera.
Quando mi saro divertito
A mi piacere dirò.
“Per volere della Fata Diana,
E di sua figlia Aradia,
Torna una canina
Come tu eri prima!”

ЗАКЛИНАНИЕ ДИАНЫ

Диана, о, прекрасная Диана!
Коль ты добра и столько же прекрасна,
Всей верою, что я тебе отдал,
Всей радостью любви, что ты познала,
Молю тебя, мне помоги в любви!
На что твоя есть воля —
Все ты можешь:
И если милость, коей я прошу,
Ты мне подашь, молю тебя, пошли
Ты дочь свою, Арадию, к постели
Той девы: пусть обратит ее в собаку
И гонит в ночь ее ко мне в жилище.
Когда же мой порог собака переступит,
Пусть к ней вернется облик человека,
Прекрасный, как доселе никогда,
И буду я ее любить, доколе
Блаженством наши души не упыются.
И после волею царицы фей
Великой и ее прекрасной дщери,
Арадии, пусть снова обратится в пса,
А дома — в человека, кем была!

И получится так, что девушка в обличье собаки вернется к себе домой незримой и никем не заподозренной, ибо таковы чары Арадии; и будет девушка думать, что все это был сон, потому что так ее зачаровала Арадия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ЧТОБЫ НАЙТИ ИЛИ КУПИТЬ ЧТО-НИБУДЬ ИЛИ ПОСРЕДСТВОМ ЭТОГО ВЫРУЧИТЬ ХОРОШИЕ ДЕНЬГИ

Для мужчин и женщин, которые, въезжая в какой-нибудь город, желают быть свободны от всякой опасности или риска несчастных случаев; или быть удачливыми в покупках, как вот, к примеру, ученый надеется отыскать какую-нибудь редкую старую книгу или рукопись на продажу по весьма низкой цене, или если кто-то хочет купить нечто весьма желанное, или какую редкость, или хорошую сделку заключить. Это *scongiurazione* послужит таким на доброе здоровье, на радость сердечную, на отсутствие всякого зла или победу над врагами. Таковы золотые слова для истинно верующего.

ПРИЗЫВАНИЕ

Siamo di Martedì e a buon ora
Mi voglio levare la buona fortuna,
Voglio andare e cercare,
E coll' aiuto della bella *Diana*,
La voglio trovare prima d'andare,
Prima di sortir di casa
Il malocchio mi leverò
Con tre gocciole d'olio,
E te bella *Diana* io invoco
Che tu possa mandarmi via
Il malocchio da dosse a me
E mandala al mio più nemico!

Quando il malocchio
Mi sarò levato
In mezza alla via lo getterò,
Se questa grazia mi farei

Diana bella,
Tutti i campanelli
Di mia casa bene suonerai,
Allora contento di casa me ne andro,
Perche col tuo aiuto (saro) certo di trovare,
Buona fortuna, certo di trovare
Un bel libro antico,
E a buon mercato
Me lo farai comprare!

Tu stessa dal proprietario
Che avra il libro
Te ne andrai tu stessa
Lo troverai e lo farei,
Capitare in mano al padrone,
E le farai capitare
In mano al padrone,
E le farai entrare
Nel cervello che se di quel libro
Non si disfara la scomunica,
Le portera, cosi questo dell'libro,
Verra disfarsi e col tuo aiuto,
Verra portato alla mia presenza,
E a poco me to vendera,
Oppure se e'un *manoscritto*,
Invece di libro per la via lo gettera,
E col tuo aiuto verra in mia presenza,
E potrò acquistarlo
Senza nessuna spesa;
E cosi per me
Sara grande fortuna!

Перевод:

Сегодня вторник; в этот ранний час
К себе привлечь желаю я удачу,
Сперва домой, а после в путь пушусь
И с помощью прекраснейшей Дианы
Молюсь о счастье, покидая дом!

Три капли масла¹ победят
Всю злую волю; со смирением молю,
Прекрасная Диана, чтобы ты
Все зло прогнала от меня
И злейшему врагу послала в назиданье!

Когда же вся недобрая судьба
Меня покинет, выброшу ее
На середину улицы;
И если эту милость ты мне дашь,
Прекрасная Диана, зазвонит в веселье
Всяк колокольчик в хижине моей!

Тогда в довольстве я пускаюсь в путь,
Уверенный, что с помощью твоей
Найду я, прежде чем вернусь, немало
Прекрасных и старинных книг,
И непременно — по умеренной цене.

Найдешь ты человека,
Который книгой той владеет,
И сам отправишься к нему,
И вложишь в разум
Мысль о том,
Что тебе нужно,
Заставишь его сделать
Что ты хочешь.
Иль если манускрипт,
Написанный в былые времена,
Тебе желанен, все равно
Он попадетя на твоём пути
И по цене весьма приличной.
Купить ты сможешь то, что тебе нужно,
С благою помощью владычицы Дианы.

¹ Это указывает на небольшой ритуал, отправление которого я видел достаточно часто и который почти столь же часто совершали надо мною в виде любезности, обычной среди волшебников и ведьм. Он состоит в начертании определенных знаков и крестов над несколькими каплями масла и благословении вашей головы, сопровождающемся коротким заклинанием. Эту церемонию мне со всей серьезностью рекомендовали и даже предписывали как средство для поддержания доброго здоровья и благосостояния.

Вышеизложенное я получил не сразу и с некоторыми проволочками в ответ на свой вопрос о том, какое заклинание будет хорошо перед путешествием, чтобы найти в продаже какие-нибудь редкие книги, или еще какой желанный предмет, и по весьма умеренной цене. Потому и заклинание было сформулировано специально для находок литературного рода. Тем, однако, кто хочет купить что-то другое, но на тех же выгодных условиях, достаточно будет просто изменить просьбу, оставив то же введение, где, собственно, и заключена вся магическая сила. Мне, впрочем, кажется, что оно лучше всего подходит и наиболее действенно при поисках предметов старины, науки и искусства, и потому его не помешает крепко-накрепко запечатлеть в памяти всем охотникам за антикварными вещами и библиографам. Следует также заметить, и со всей серьезностью, что молитва эта не только не получит ответа, но и принесет обратный результат, а то и прямое несчастье, если не повторять ее в полной и совершенной вере, для которой недостаточно просто сказать самому себе: «Я верю!» Для обретения подлинной веры во что бы то ни было нужна долгая и серьезная дисциплина ума, а это предмет, о котором очень много говорят, но очень мало его понимают. Все это я говорю совершенно серьезно, так как человек, способный на истинную веру и развитие силы воли, может действительно творить то, что мир по общему согласию именует чудесами. Наступит время, когда принцип этот ляжет в основу не только всего образования, но также и всей моральной и социальной культуры. Надеюсь, мне в полной мере удалось раскрыть эту тему в работе под названием «Сильна ли ваша воля или Как развить ее или любую другую способность или свойство ума и сделать его привычным» (Лондон, «Джордж Редуэй»).

Читатель, обладающий истинной верой, может, как утверждают ведьмы, пользоваться этим заклинанием ежедневно перед тем, как отправиться заключать сделки или по магазинам, или на поиски каких-либо утерянных вещей, или вообще на какие бы то ни было поиски. Если он падок на красоту в женском обличье, ему будут сопутствовать *bonnes fortunes*¹; если он — деловой человек, все сделки будут его. Ботаник,

¹ Здесь: «улыбки фортуны» (лат.).

сказавший его перед тем, как отправиться в поле, весьма вероятно, откроет новое растение, а астроном может быть почти уверен, что в ночи наткнется на совершенно новую планету или, по меньшей мере, на астероид. Его нужно также повторять перед тем, как пойти на скачки, к друзьям, в места увеселений, что-нибудь покупать или продавать, говорить речи и особенно перед охотой или любыми ночными похождениями, ибо Диана — богиня ночи и охоты. Но горе тому, кто решит воспользоваться им в шутку!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ДЛЯ ХОРОШЕГО УРОЖАЯ ВИНОГРАДА И ОТЛИЧНОГО ВИНА С ПОМОЩЬЮ ДИАНЫ

*О, славен урожай, когда потоком
В вакхическом восторге льется наземь
Пурпурный и обильный виноград!*

— Байрон, «Дон Жуан»

*Vinum bonum et suave,
Bonis bonum, pravus prave,
O quam dulcis sapor — ave!
Mundana letitia!*¹

— «Латинские песни» Э. дю Мерилия

Тот, кто желает получить хороший урожай винограда и отличное вино, должен взять рог, полный вина, и с ним идти на виноградники или фермы, где растут лозы, и там, испив из рога, так сказать:

Bevo ma non bevo il vino,
Bevo il sangue di *Diana*,
Che da vino nel sangue di *Diana*
Si deve convertire,
E in tutte le mie viti
Lo spanderà,
E buona raccolta nu verra
E quando avro avuto buona raccolta,

¹ Отрывок из вагантской пародии на католический гимн «Слово благое и сладостное»; в рус. пер. Б. Ярхо:
Славься сок вина блаженный,
Порожденный гроздью пенной.
Стол, тобой благословенный,
Полон благодатию.

Non saro ancora fuori di sciagura,
Perche il vino cattivo mi puol venire
Perche puol nascere l'uva
A luna vecchia...
E cosi il mio vino puole sempre andare
In malora--ma io bevendo
In questo corno, e bevendo il sangue,
Il sangue di *Diana* col suo aiuto
La mano alla Luna nuova io bacerò,
Che la mia uva possa guardare,
Al momento che crea l'occhiolo
Alla crescenza del uva
E fino alla raccolta,
Che possa venire il mio vino buono,
E che si possa mantenere
Da prendere molti quattrini,
E possa entrare la buona fortuna
Nelle mi e vigne,
E nel miei poderi!
Quando il mio vino pendera
Di andare male, il corno prendero,
E forte, forte lo suonero,
Nel punto della mezza notte,
Dentro alla mia cantina lo suonero,
Lo suonero tanto forte
Che tu bella *Diana* anche da molto lontano,
Tu lo possa sentire,
E finestre e porte
Con gran forza tu possa spalancare,
A gran corsa tu mi possa venire,
A trovare, e tu possa salvarmi
Il mio vino, e tu possa salvare,
Salvare me da grande sciagura,
Perche se il mio vino a male andera
La miseria mi prendera.
E col tuo aiuto bella *Diana*,
Io saro salvato.

Перевод:

Я пью вино, но не вино я пью,
Я пью божественную кровь Дианы,
В кровь, обратившуюся из вина
И разлитую по моим растущим лозам,
Где принесет сторицею вино мне.
Но коль и будет урожай обилен,
Не стану я свободен от забот, ведь если
Созреет виноград на убывающей луне,
То будет все вино к печали,
Но если выпью я из рога — выпью крови
Великой я Дианы и с помощью ее
Если себе я поцелую руку
На молодой луне, молясь Царице,
Чтобы она хранила мои лозы
С момента почки завязи и вплоть
До зрелой, совершенной грозди
И далее, до сбора урожая, и потом,
До деланья вина — пусть будет хорошо!
И пусть с него, продав, я получу
Хороших денег!
Пусть благополучны
Будут эти лозы и вся моя земля!
Но если с лозами произойдет беда,
Возьму я рог и храбро затрублю
В подвале винном и в полночный час,
И будет звук столь грозен и ужасен,
Что ты, прекрасная Диана,
Как далеко бы ни была,
Услышишь мой призыв
И, распахнув окно иль дверь,
Ты в вихре ветра ринешься ко мне,
Найдешь ты и спасешь меня — и лозы,
Которые спасут меня от горькой доли;
Ведь если их я потеряю, все пропало,
Но с помощью твоей, Диана, я спасусь.

Это очень интересное призывание и традиция — весьма возможно, происходящие из чрезвычайно древнего и совершенно удивительного подлинного источника. Здесь, прежде всего, идет речь о предмете, который до сих пор ученые не бало-вали вниманием, — о связи Дианы-луны с Вакхом; впрочем, в большом «Dizionario Storico Mitologico»¹ Поццоли и прочих говорится, что в Греции культ ее был связан с культами Вакха, Асклепия и Аполлона. Общее звено здесь — рог. На медали Александра Севера Диана Эфесская держит в руках рог изоби-лия. Это рог или рога молодой луны, полумесяца, священ-ного знака Дианы. Согласно Каллимаху, сам Аполлон некогда возвел жертвенник Диане, сделанный исключительно из рогов.

Связь между рогом и вином очевидна. У древних славян жрец бога солнца, Свантевита², следил за тем, чтобы рог, ко-торый держал в руке идол, был всегда полон браги — от это-го зависел урожай грядущего года. Если рог полон, все было хорошо; если нет, он наполнял рог, отпивал из него, возвра-щал в руку божества и объявлял, что в конце концов все бу-дет хорошо³. Читателю непременно бросится в глаза, что эта церемония странным образом похожа на эту итальянскую ин-вокацию. Единственная разница состоит в том, что для обе-спечения доброго урожая в одном случае призывают Солнце, а в другом Луну.

Во «Флорентийских легендах» есть сказание о Виа дель Корно: герой его падает в большую бочку с вином и спасает-ся, только затрубив с невероятной силой в рог. Звук этого рога разносится на невероятные расстояния и отовсюду, даже из да-леких земель, все кидаются, словно зачарованные, его спасти. В нашем заклинании Диана тоже мчится из небесных далей на звук рога и выпрыгивает в окно или в дверь, чтобы спасти урожай трубящего. Между сюжетами этими наблюдается опре-деленное сродство.

В истории о Виа дель Корно героя спасает Красный Гоблин или Робин Добрый Малый, который и дал ему рог. Этот же самый дух фигурирует в заклинании круглого камня,

1 «Историческом и мифологическом словаре» (ит.).

2 Видимо, имеется в виду Свантовит или Святovit — бог плодородия у некоторых западных славян. — *Прим. пер.*

3 Kreussler, *Sorbenwendische Alterthümer*, Pt. I. p. 272.

посвященного Диане. Все потому, что дух этот — ночной и входит в свиту Дианы Титании.

Поцелуй руки в честь молодой луны — ритуал незапамятной древности. Даже Иов в свое время рассматривал его как языческий и запретный, что всегда означало «устарелый и вышедший из моды»: «Смотря на солнце, как оно сияет, и на луну, как она величественно шествует, прельстился ли я в тайне сердца моего, и целовали ли уста мои руку мою? Это также было бы преступление, подлежащее суду, потому что я отрекся бы [тогда] от Бога Всевышнего» (Иов 31:26—28). Отсюда можно или даже следует заключить, что Иов не понимал, что Господь сам сотворил Луну и проявлен во всех трудах Своих, или же что он действительно верил, будто луна представляет собою независимое божество. Как бы там ни было, интересно наблюдать, как древний запретный ритуал все еще живет и здравствует, еретический как всегда.

Традиция в том виде, в каком мне ее передали, совершенно очевидно опускает некую часть церемонии, почерпнутую, весьма вероятно, из какого-то классического источника. Крестьянину, отправляющему ритуал, не следует действовать, как один африканец, слуга моего друга. Долгом этого цветного было ежеутренне совершать возлияния фетишу ромом, он же совершал их неизменно в собственную глотку. Крестьянину следует также окропить и лозы, подобно девонширским фермерам, в рамках рождественских ритуалов кропящих — причем тоже из рога — свои яблони.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ТАНА И ЭНДАМОН, или ДИАНА И ЭНДИМИОН

«Nec ultra Endymionem indormit negligentia»¹

«Рассказывают, что Эндимион был вхож на Олимп, откуда его за недостаток уважения к Юноне изгнали на тридцать лет на землю. Все это время ему дозволено было проспать в пещере на горе Латмос. Диана же, очарованная его красотой, навещала его каждую ночь, пока не породила от него пятьдесят дочерей и одного сына. После этого Эндимиона призвали обратно на Олимп».

— Diz. Stor. Mitol.²

Нижеследующая легенда и заклинания мне были даны с именем Таны. Это древнее этрусское имя Дианы, которое все еще помнят в Романье и Тоскане. Не в одной итальянской и французской работе я встречал сюжет о том, как колдунья погрузила девушку в зачарованный сон для возлюбленного, и это единственное известное мне объяснение всей церемонии.

ТАНА

Тана — прекрасная богиня, любившая необычайно пригожего собой юношу по имени Эндамон. Однако дорогу ей перешла ведьма, ее соперница, хотя Эндамону эта колдунья была совсем безразлична.

¹ «Здесь долгим сном Эндимион беспечно спит» (лат.).

² «Исторический и мифологический словарь» (ит.).

Женщина эта решила заполучить Эндамона, хочет он того или нет, и с этой целью склонила слугу юноши позволить ей провести ночь в покоях последнего. Оказавшись там, она приняла обличье Таны, которую он любил, так что он возрадовался, увидав ее, и заключил в страстные объятия. И это отдало его в ее власть, так как ведьма улучила момент и отрезала прядь его волос и так смогла наложить на него чары¹.

Потом она отправилась домой и, взяв кусок овечьей кишки, сделала из него кошель, и в него положила украденное и алюю и черную ленту, перевязанные вместе, и перо, и перец, и соль, и еще пропела особую песнь. Вот эти слова, песнь колдовства из незапамятных времен.

SCONGIURAZIONE

No formato questo sachetto a Endamone,
E la mia vendetta per l'amore,
Ch'io ti portavo, e non ero corrisposta,
Una altra tu l'amavi:
La bella dea Tana tu amavi,
E tu non l'avrai: di passione
Ti struggerai, volonta di fare,
Di fare al amore tu avrai,
E non la potrai fare. Sempre addormentato resterai,
Di un sonno che tutto sentirai,
E la tua bella tu vedrai,
Ma parlare non potrai
Nel vedere la tua bella,
Volontà di fare al amore
Verra e non la potrai fare
Come una candela ti struggera,
Ti struggerai poco a poco,
Come una candele a fuoco,
Tu non potrai vivère

¹ Всякое злое колдовство в мире — особенно черное Вуду — придерживается веры в то, что человека можно ранить или даже убить, если маг сумеет раздобыть какую-то его частицу, сколь бы мала она ни была — да хоть прядь волос. В особенности это хорошо описано в «Тиодольфе-островитянине», романе Ла Мотта Фуке. Обмен локонами, принятый у влюбленных, — возможно, тоже дань магии.

Tu non potrai stare,
Ti sentirai mancare,
Che il tuo cuore ritto sempre possa stare
E al amore più non potrai fare
Per l'amore che io te ho portata vo,
Sia convertito intanto odio
Che questo Endamone e la mia vendetta,
E così sono contenta.

ЗАКЛИНАНИЕ

Вяжу мешок для Эндамона я,
То за любовь мое отмщенье будет;
Тебя любила глубоко и страстно,
И ничего взамен не получила.
Любовь твоя — на алтаре богини,
Но Тана никогда твоей не будет!
Ты каждую отныне ночь в мученьях
Всецело будешь под мою властью!
За часом час и день за днем власть ведьмы
Ты на себе почувствуешь, клянусь;
Измучен будешь самой яркой страстью,
Но не узнаешь мира и довольства.
Лежать ты станешь в бездне забвения
И знать — твоя возлюбленная рядом,
И умирать, не умирая, вечно;
Ты не способен вымолвить ни слова,
Ни услышать ее любезный голос,
Страдающий в агонии любви
И навсегда лишенный облегчения!
Моих заклятий мрак не поборошь,
И ото сна вовек не пробудиться!
За часом час ты станешь истощаться,
Сгорая, как фитиль свечи плачевной.
Ты понемногу будешь умирать,
Но все ж лежать живой, в страданиях и муке,
В желании сильный, слабый телом весь,
Не в силах шевельнуться, молвить слово,
И с силой всей любви, что я к тебе питала,

Ты сам теперь отведаешь мучений,
И всю любовь, что у меня к тебе была,
Ты в ненависти ощутишь горячей,
Навеки в истязаниях твоих
Я отмщена и тем теперь довольна.

Но Тана, которая была куда могущественнее ведьмы, хотя и не смогла разрушить заклинание, погрузившее Эндамона в сон, избавила его совершенно от боли и мук и, заключив в свои объятия (он узнал ее во сне), пропела над ним такое противозаклинание:

ПЕСНЬ ДИАНЫ (ПРОТИВОЗАКЛИНАНИЕ)

Endamone, Endamone, Endamone!
Per l'amore chi mi porti e che io pure,
Ti porto tre croci su questo letto!
Vengo a fare, e tre marroni d'India,
Nel tuo letto vengo a posare,
E questa finestra aperta che la Luna,
Su il tuo letto risplende,
Come risplende il nostro amore
La, e la prego con gran calore,
Che voglia dare sfogo a queste due cuore,
Che tanto ci amiamo, e se questa grazia,
Mi verrà fatta chiunque sia innamorata,
Se mi scongiurera
In suo aiuto correrò!

Endamone, Endamone, Endamone!
Sopra te io mi metto al lume,
Il tuo (cuore) io dimeno,
E mi dimeno io pure e così,
E così tanto farò,
Tanto farò e tanto faremmo,
Che uniti ne veremmo.

Перевод:

О, Эндамон, Эндамон, Эндамон!
Любовью к тебе, которую
Буду чувствовать вечно, пока не умру,
Три креста я творю над ложем твоим
И три конских каштана беру;
В ложе прячу каштаны
И открываю пошире окно,
Чтобы свет полной луны
Пролился на ложе любви
Такой же чистой и светлой;
Я молю луну в вышине
Подарить неистовый пламень экстаза
И вложить его в наши сердца,
Которые яростно любят,
Не желая узнать разлуки.
И еще одно прошу у тебя!
Если кто на земле познает любовь
И моей милости верит ее,
На его зов без промедления
Я поспешу!

И получилось так, что прекрасная богиня возлежала с Эндамоном, как если б они оба бодрствовали (общаясь, между тем, во сне). И так оно и есть до наших дней, что если кто-то желает творить любовь со спящим или спящей, ему следует обратиться за помощью к прекрасной Тане, и тогда ему будет сопутствовать удача.

Эта легенда, хотя и согласуется во многих деталях с классическим мифом, странным образом перемешана с ведовскими практиками, которые при должном исследовании, впрочем, окажутся не менее древними, чем остальной текст. Так овечья кишка вместо красного шерстяного мешочка, используемого в благотворной магии, красно-черная лента, сплетающая радость и горе, [павлинье] перо или *la penna maligna*², а также перец и соль встречаются во многих других заклинаниях — и всегда причиняющих вред и несущих страдания³.

1 *Marroni d' India*. Весьма сильный амулет против всякого зла, также часто носят с собой от ревматизма и тому подобных вещей. Все три должны быть из одной скорлупы.

2 Зловредное перо (ит.).

3 Описание их читатель найдет в моих «Этрусско-римских древностях».

Не припомню, чтобы кто-то об этом упоминал, но Китс в своем изысканном стихотворении «Эндимион» далеко уходит от духа и смысла древнего мифа или даже вовсе их игнорирует, в то время как в этой примитивной ведовской сказке они получают полное развитие. Концепция состоит в том, что известная своей добродетелью Диана украдкой целует спящего юношу необычайной красоты. Древний этот миф говорит, начнем с того, о свете и тьме, о дне и ночи, от которых рождаются пятьдесят одна (а в наши дни пятьдесят две) недели года. В нем рассказывается о Диане-ночи и Аполлоне-солнце, или свете в иной форме. Их союз представлен в форме плотской любви во сне, которая, если случается в реальной жизни, подразумевает в качестве инициатора того, кто не то чтобы абсолютно скромн, но желает сохранить лицо. У посвященных считается, что Диана по характеру — прекрасная лицемерка, которая преследует свои любовные цели под покровом безмолвия и тайны (за что ее гневно осуждали отцы церкви).

И как Эндимион там с нею возлежал,
Так Ипполит и Вербий тоже.

(На каковой счет читатель может справиться у Тертуллиана (*De Falsa Religione*, lib. ii. cap. 17) и у Пико делла Мирандолы (*La Strega*).

Есть, однако, некая чрезвычайно утонченная, нежная и странная идея или идеал в концепции мнимо целомудренной «луны, ясной и холодной», украдкой льющей свой живительный свет в тайные убежища тьмы и царящей в оккультных мистериях любви и снов. Еще Байрону¹ пришла в голову оригинальная мысль, что солнечный свет неведом всяким полузапретным деяниям, свидетельницей которым оказывается одна только луна — именно об этом и говорится в итальянских ве-

¹ А солнце село. Желтая луна
Взошла на небо — старая колдунья;
На вид она скромна и холодна,
Но даже двадцать первого июня
За три часа наделает она
Таких проказ в иное полнолуние,
Каких за целый день не натворить:
У ней на это дьявольская прыть! (Дж. Байрон, «Дон Жуан», I, 110, пер. Т. Гнедич).

довских виршах. В них луну определенно и намеренно призывают как защитницу и покровительницу любви причудливой и тайной. Именно такая любовь требует присутствия подобного рода божества. Призывательница говорит, что окно открыто, дабы луна могла осветить ложе и дабы любовь была так же светла и прекрасна, как она... и молит ниспослать любовникам великое блаженство — *sfogo*.

Трепещущий и таинственно прекрасный свет луны, общающийся спящей природе нечто разумное или эмоциональное и как бы смутно пробуждающий ее, туманя мысли и заставляя каждое дерево и камень обретать подобие живой формы, но при этом, дыша и мерцая, погружающий все живое в сон, не мог не очаровать греков, которые и нашли ему выражение в образе Дианы, ласкающей Эндимиона. Но поскольку ночь — время тайн, а истинная мистериальная Диана была увенчанной полумесяцем Царицей Ночи и повелительницей всего скрытого, включая и «сладостные тайные грешки и милые беззакония», с этим мифом связано куда больше всего — и не только то, что видно невооруженным глазом. И ровно в той степени, в какой Диана была Царицей Ночи и ведьм, свободных и свободомыслящих, или даже самой ночной Венерой-Астартой, в такой же и любовь ее к спящему Эндимиону будет видеться вполне чувственной, но священной и аллегорической. И именно в таком духе ведьмы Италии, с некоторым правом полагающие себя истинными ее наследницами, хранят и понимают этот миф.

Это осуществление запретной или тайной любви, влечения к неясно видимому прекрасному — в лунном сиянии, окруженному чарой сверхъестественного, наведенной феей или ведьмой; это роман, замкнутый в своей цельной и странной форме — само волшебство Ночи!

Вы знаете опасное молчанье,
В котором растворяется душа,
Как будто замирая в ожиданье:
Природа безмятежно хороша,
Леса, поля в серебряном сиянье,
Земля томится, сладостно дыша
Влюбленной негой и влюбленной ленью,
В которой нет покоя ни мгновенья¹.

1 Там же, I, 114.

Вот о чем рассказывает миф о Диане и Эндимионе. О том, как сделать божественным и прекрасным (а это для греков было одно и то же) нечто возбуждающее, тайное и запретное. Чары запретного плода, усиленные до поистине поэтического накала. Удивительно, каким причудливым, странным образом они сохранились в итальянской ведовской традиции.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

МАДОННА ДИАНА

«Мадонна по преимуществу представляет собою богиню луны».

— «Неаполь в девяностые», Э.Н. Рольф.

Во времена весьма стародавние в Четтардо Альто жила как-то девушка красоты несказанной, и была она обручена с юношей, столь же пригожим, как и она сама. Но хотя были эти двое хороши и рождением, и воспитанием, то ли доля, то ли недоля, то ли война, то ли просто злая судьба привели их к великой бедности. И если и был у девушки той какой изъян, так это ее великая гордость. Не стала б она выходить замуж иначе как со всеми приличиями, с роскошью и великими празднествами, в чудесном платье и чтоб непременно было много подружек и все — первостатейного рангу.

И вот для красавицы Рорасы — а именно так ее и звали — стало это такую великою важностью, что она наполовину тронулась на том головой. Знакомые ее девушки, не говоря уже о толпах мужчин, которым она отказала, жестоко над нею за то насмехались и все спрашивали, когда же им ждать обещанной роскошной свадьбы, да и прочие все улыбались да ухмылялись, так что не вытерпела красотка, взбежала в минуту помраченья на вершину высокой башни, да оттуда и скинулась. А еще того хуже, внизу под башнею было ужасное ущелье (*balza*), куда она и упала.

Однако никакого ущерба она через то не имела, потому что когда падала она, явилась ей очень прекрасная женщина, сразу видно, что роду не земного, взяла ее за руку и отнесла по воздуху в безопасное место.

И все, кто видал это своими глазами, или хотя бы слышал о том, подняли крик: «Глядите, чудо, чудо!» — и пошли, и устроили великий пир, и радостно принялись убеждать Рорасу, что спасла ее не кто иная, как сама Мадонна.

Но дама, которая ее вызволила, тайно пришла к ней и так сказала: «Если есть у тебя на то желание, следуй Евангелию Дианы или, как еще его называют, Евангелию Ведьм («Il Vangelo delle Streghe»), которые поклоняются луне».

«Se la Luna adorerai
Tutto tu otterai»

«Если станешь почитать Луну,
Все, чего желаешь, получишь!»

И пошла красавица одна ночью в поля и в древних руинах преклонила колена на камне, и, вознеся хвалу Луне, так призвала Диану:

Diana, bella *Diana*!
Tu che della grande caduta
Mi ai bene salvata!
Ti prego di farmi una altra grazia,
Di farmi far' un bello sposalizio,
Una sposalizio ricco e 'compagnato
Da molte signore...
Se questa grazia mi farai
Sempre il Vangelo delle Streghe
Io asseriro.

Диана, прекрасная Диана!
Ты, кто спасла меня от злой погибели,
Когда упала я в темное ущелье!
Молю, подай мне еще одну милость.
Устрой мне свадьбу преславную,
И чтобы много подружек, красивых и статных;
И если подашь мне еще эту милость,
Буду вечно верна я Евангелью Ведьм!

И вот, пробудившись поутру, оказалась Рораса в другом доме, где все было куда как роскошнее, и встала она, и прекрасная собою служанка повела ее еще в другую комнату, где одели ее в превосходное свадебное платье, все из белого шелка в алмазах,

и было это ее самое настоящее свадебное платье. И появились затем десять молодых дам, все чудесно разодетые, и с ними много сановных господ, и поехала она в церковь в карете. И улицы по пути были полны музыки и народу, и все с цветами.

И там, в церкви, нашла она своего жениха и с ним обвенчалась, как того ее сердце желало, раз в десять более роскошно, чем даже мечтать могла. А после обряда устроили великий пир, где все благородные люди Четтардо были, и даже весь город, и все — богатые и бедные — вместе веселились и пировали.

Когда же свадьба подошла к концу, подружки невесты все до единой поднесли ей роскошные дары: одна — бриллианты, другая — пергамент [исписанный] золотом; после чего испросили позволения удалиться им в ризницу.

Там они оставались, и никто их несколько часов не видел, пока священник не послал, наконец, своего *chierico* спросить, не надо ли им чего. И каково же было изумление отрока, узревшего там не десять подружек невесты, но десять образов или подобий, из дерева и глины сделанных, Дианы, стоящей на полумесяце, и такие они были изумительно сделанные и украшенные, что наверняка стоили ужасно много.

И священник взял эти изваяния в церковь, самую древнюю в Четтардо, и с тех пор во многих церквях можно увидеть Мадонну, на Луне стоящую, но это на самом деле Диана, *la Dea della Luna*¹. Имя же «Рораса», видать, происходит от латинского *ros* — роса, и *rorare* — росой покрываться, и *rorulenta* — окропленная росой — то есть, от богини росы. Великое падение ее и вознесение милостью Дианы указывает на выпадение росы ночной порою и обратное вознесение ее в виде пара под влиянием луны. Весьма возможно, что это древний, еще римский мифический сюжет. Белый шелк и алмазы тоже указывают на росу.

¹ Богиня Луны (ит.).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДОМ ВЕТРА

*Ты слышишь, как свистит и воет ветер?
Ты слышишь грозный рык его и рокот?
На много голосов вещает сила
В свирепом ликование урагана,
И отвечают ей холмы и горы,
И стонет лес на сотни отголосков.
Ты слышишь этот клич? То некий бог
Спускает львов с цепи и диким смехом
Их буйству вторит, оглашая доли!¹*

— Ч.Г. Лиланд

Нижеследующий сюжет не входит в Евангелие Ветдм, но я решил его сюда добавить, ибо он подтверждает тот факт, что культ Дианы существовал долгое время параллельно с христианством. Полное его название в оригинальной рукописи за авторством Маддалены, которая в свою очередь услышала его от одного человека родом из Вольтерры, было «La Pellegrina delta Casa al Vento» — «Паломница из Дома Ветра». Можно еще добавить, что, как гласит легенда, дом этот все еще существует.

Возле подножия холма у дороги, ведущей вверх, в Вольтерру, стоит крестьянский дом, именуемый Домом Ветра. Неподалеку от него некогда тулилась хижина, где обитали муж и жена, и был у них один-единственный ребенок, дочка, в которой они души не чаяли. Если у дочурки всего лишь головка болела, оба они едва не обмирали от страху.

Мало помалу росла девчущка, и все помышления матери — а она была очень верующей женщиной — были лишь о том, чтобы дочь ее стала монахиней. Но той сие пришлось совсем не по нраву, и объявила она, что намерена выйти замуж, как другие. А однажды утром, поглядев из окна, увидала она стаю

¹ Пер. А. Блейз.

птичек в виноградных лозах; и так весело распевали они в листве, что девица прямо так матери и сказала, что, мол, хочет, чтоб и у нее в один распрекрасный день была своя семья из таких вот птичек, вокруг нее щебечущих в полном радости гнезде. На это мать так разгневалась, что, недолго думая, отвесила дочке затрещину. Юная леди тут расплакалась, но, и расплакавшись, храбро заявила, что ежели ее станут бить или так вот плохо с ней обращаться, уж она улучит возможность из дома сбежать и замуж выйти, ибо становиться ей монахиней против воли никак не возможно и все тут.

Мать ее весьма перепугалась, ибо нрав своей дочери знала и опасалась, как бы та уже не завела себе полубовника, и не случился б чрез то большой скандал. И вот она хорошенько обо всем поразмыслила, да и припомнила, что есть одна пожилая дама из семьи доброй, но весьма стесненной, известная своей разумностью, ученостью и силою убеждения; и подумала женщина: «Вот она-то и наставит мою дочурку в благочестии, и набьет ей голову верой, и сделает из нее в конце концов монахиню». И послала она тут же за этой особой, которую тут же, не сходя с места, и назначили гувернанткой и постоянной спутницей девице, а та вместо того, чтобы препираться, стала жить с нею душа в душу.

Однако ничто в этом мире не идет в точности так, как мы задумали, и никогда не знаешь, что за рыба или, допустим, рак прячется в реке под камнем. Ибо получилось так, что гувернантка оказалась совсем не католичкой и отнюдь не досаждала своей воспитаннице ни тяготами монашеской жизни, ни даже достоинствами ее.

И вот как-то раз юная дама, имевшая обыкновение возлечь у себя на постели в лунные ночи и наслаждаться пением соловьев, услышала, как ее бонна в соседней комнате — дверь туда была открыта — встала и вышла на большой балкон. И на следующую ночь такое повторилось. Поднявшись очень тихо и ни для кого не зримо, увидела девица, как она молится или, по крайней мере, стоит на коленях в лунном сиянии, и показалось ей то весьма необычным, тем более, что дама, на коленях стоя, бормотала слова, ей совсем не понятные и к христианской службе отношения никоим образом не имевшие.

Убедившись, что происходят странные эти явления весьма часто, девица с самыми смиренными извинениями подала гувернантке об увиденном. Последняя же, по недолгом размышлении, перво-наперво связала воспитанницу клятвой на жизнь да на смерть, ибо, как она объяснила, все это дело чрезвычайно опасное.

— Смолоду меня, как и тебя, наставляли священники поклоняться незримому богу, — молвила она ей. — Но одна старуха, к которой я имела большое доверие, мне как-то сказала: «К чему поклоняться богу, которого не видать, не слышать, когда вон она, Луна в небесах во всем своем зримом величье? Ей служи. Призывай Диану, богиню Луны, и она ответит на твои молитвы». Так и ты поступай; повинуйся «Vangelo», Евангелью [Ведьм и] Дианы, Царицы Фей и Луны.

Так юная дама была убеждена и обратилась к поклонению Диане и Луне. Молясь всем своим сердцем о возлюбленном (и узнав для того заклинанье богини)¹, она весьма скоро была вознаграждена вниманием и страстью кавалера богатого и храброго — самого восхитительного ухажера, какого только можно пожелать. Однако мать, которую удовлетворение собственной мстительности и тщеславия заботило куда больше, чем счастье дочери, сильно от того прогневалась, и когда сей кавалер пришел к ней, она прогнала его прочь, ибо дочь ее обещана была в монахини, и монахиней ей и быть или пусть умрет.

Девицу немедленно заперли в башне, лишив даже общества гувернантки, и подвергли всяческим мучительным страданиям, и заставили спать на голом каменном полу, и суждено ей было умереть там от голода, если только мать не выпустит ее на свободу.

И вот в такой жестокой нужде взмолилась она Диане, чтобы та освободила ее, и тут увидела, что — вот ведь чудо! — дверь-то темницы не заперта, и с легкостью оттуда бежала. Раздобыв себе где-то платье паломницы, странствовала она там и сям, наставляя и проповедуя религию древних времен, религию Дианы, Царицы Фей и Луны, богини бедняков и угнетенных.

¹ Это заклинание приводится в главе под названием «Чары, чтобы завоевать любовь».

Слава о мудрости ее и красоте разнеслась далеко по стране; люди почитали ее и называли *La Bella Pellegrina*¹. И вот мать, услышав о том, прогневалась еще пуще и, наконец, после долгих стараний сделала так, что снова ее арестовали и бросили в тюрьму. И там во злобе своей спросила мать ее еще раз, будет ли дочь монахиней, на что девушка отвечала, что сие никак не возможно, потому что покинула она католическую церковь и сделалась верующей в Диану и в Луну.

И, в конце концов, мать решила, что нет у нее больше дочери, и предала ее в руки священников на пытки и смерть, которые уготовали они всякому, кто не был с ними согласен или оставил их религию.

Но народ не был тем доволен, потому что любили они девушку за красоту и доброту, и мало было таких, кто не изведal милосердия ее.

Однако ходатайством возлюбленного ее добились для нее последней милости: чтобы в ночь перед тем, как предать на муки и погибель, отпустили б ее под охраною в дворцовый сад помолиться.

Так и сделала она и, стоя у двери дома, который и сейчас все еще там, взмолилась при свете полной луны Диане, чтобы та избавила ее от жестоких гонений, которым ее подвергли, так что даже собственные родители отдали дочь на лютую смерть.

А родители тем временем и священники, и все, кто смерти ее желал, были во дворце и смотрели, чтоб не убежала она.

Как вдруг — гляди-ка! — в ответ на ее мольбу пришла великая буря и сильный ветер, ураган, какого никто доселе не видал, и разрушил и стер с лица земли дворец со всеми, кто в нем был, и не осталось ни камня на камне, ни единой живой души из всех, кто был там. Так ответили боги на молитву девы.

Она же бежала счастливо и благополучно с любимым своим и с ним обвенчалась, а крестьянская хижина, где стояла эта молодая госпожа, по сию пору зовется *La Casa al Vento*, Домом Ветра.

Такова в точности история, как мне ее поведали, хотя я с готовностью признаю, что весьма сжал оригинальный текст, занимавший аж двадцать страниц и демонстрировавший всей

¹ Прекрасная паломница (ит.).

этой ненужной «водой» полную способность его автора накропать и современный модный роман, даже и французский средней руки, в которых всегда слишком много болтовни. В действительности нет в нем никаких подробных описаний пейзажей, небес, деревьев или облаков — а Вольтерра по этой части материалом чрезвычайно богата — но растянут текст так, что к тому видны явные способности. Само повествование, однако же, выглядит странно оригинальным и живым, ибо представляет собою пережиток чистого классического язычества и такой крепкой веры в старую мифологию, с какой рассудочный и вторичный эленизм наших эстетов ни в какое сравнение не идет. Здесь видны подлинный культ и вера в античных божеств, сохранившаяся и поныне в самом сердце папского домена, и факт этот куда как примечательнее даже живого мамонта, если б его вдруг обнаружили в каком-нибудь отдаленном уголке земли, ибо первое есть феномен человеческого происхождения. Предвижу, что настанет день, и в не столь отдаленном будущем, когда ученый мир искренне поразится тому, до какого позднего периода колоссальный корпус античной традиции сохранился в Северной Италии, и сколь безразличен к нему оказался ученый люд, так что в действительности нашелся лишь один — и тот иностранец — кто со всей серьезностью занялся сбором и сохранением ее.

Весьма вероятно, что мучеников за веру языческую, которых вынуждали предать возлюбленных божеств — Диану, Венеру, Граций и прочих — и почитали за красоту, насчитать можно не меньше, чем брошенных львам христиан. Ибо язычники любили своих богов личной человеческой любовью, без мистицизма и страха, как если б состояли с ними в кровном родстве; и многие среди них действительно верили, что именно в этом все дело, когда какая-нибудь дамуазель, совершив *faux pas*¹, выходила из положения, приписав его какому-нибудь богу, фавну или сатиру, что весьма трогательно. И за, и против идолопоклонников, или, как назвала их одна маленькая девочка, куклопоклонников, можно сказать еще очень многое.

1 Проступок, оплошность, прелюбодеяние (фр.).

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ТАНА, ЛУННАЯ БОГИНЯ

Нижеследующий сюжет, первоначально приведенный во «Флорентийских легендах» и записанный мною с изустного источника, не принадлежит Евангелию Введьм, так как не вполне с ним согласуется; совершенно выпустить его, однако, нельзя, так как он посвящен тому же предмету. В нем Диана фигурирует просто как богиня луны и целомудрия, а, следовательно, совсем не как ведьма. Ее там называют Фаной, хотя моя информантка сказала, что это, возможно, Тана, она в том не уверена. Поскольку Тана встречается в другой легенде, а речь идет, разумеется, о Диане, вопросов это совершенно не вызывает.

TANA, LA DEA DELLA LUNA

ТАНА, БОГИНЯ ЛУНЫ

Была Тана девушкой весьма пригожей, но совсем бедной и настолько же скромной и чистой, насколько красивой и смиренной. Ходила она от одного *contadino*¹ к другому, с фермы на ферму, брала работу и жизнь везде вела весьма честную. Был, однако, один молодой хам — собой дурная, грубая скотина — который на свой манер пылал к ней страстью, но она даже взглянуть на него без отвращения не могла и все его авансы отвергала.

Как-то раз поздно ночью, когда возвращалась она с одной фермы, где работала, к себе домой, спрятался этот парень в кустах, а потом как выскочит, как закричит: «*Non mi sfuggerai; sara mia!* Тебе не убежать; будешь ты моей!» И увидав, что помощи ей ждать неоткуда, и одна только полная луна глядит на нее с небес, кинулась Тана в отчаянии на колени и возопила:

¹ Крестьянин (ит.).

Некому на всей земле защитить меня,
Одна ты зришь меня в нужде моей,
Вот тебе я и молюсь, Луна!
Столь же светла ты, сколь и красива,
Сиянье свое струишь ты на весь человеческий род;
Молю, просвети ты разум
Этого бедняги-грубияна, готового оскорбить меня
Самым негодным образом.
Свет свой пролей ему в душу,
Чтобы оставил он меня в покое и дал
Вернуться при свете твоём благополучно домой!

И стоило ей это сказать, как явилась пред нею фигура пресветлая, однако же, как бы из тени — *то ombra bianca*¹ — и сказала:

Встань и иди домой!
Эту милость ты заслужила;
Никто тебя больше не тронет,
Чистейшая на земле дева!
Будешь ты богиней,
Богиней луны станешь,
И царицей всякого колдовства!

Вот так оно и получилось, что Тана стала *dea*², или духом Луны.

Хотя атмосфера тут совсем другая, это стихотворение чистейшей мелодики и совсем такое же, как «Гуди Блейк и Гарри Джилл» Вордсворта. И Тана, и старая Гуди Блейк пребывают во власти изумления и ужаса, обе взывают к вышней силе:

Сияла полная луна.
Поклажу наземь уронив,
Взмолилась Господу она,
В снегу колени преклонив.

1 Белая тень (ит.).

2 Богиней (лат.).

Упав на снег, взмолилась Гуди
И руки к небу подняла:
«Пускай он вечно мерзнуть будет!
Господь, лиши его тепла!»
Такой была ее мольба.
Ее услышал Гарри Джилл —
И в тот же миг от пят до лба
Озноб всего его пронзил¹.

Драматическое действие в обоих стихотворениях одно и то же. Английская баллада трезво сосредоточивается на неизлечимой лихорадке с ознобом, призванной на голову жадного молодого хулигана; итальянская ведьма-поэтесса с ее более тонким вкусом — или с большей симпатией к героине — выводит бандита из сюжета и больше о нем не вспоминает, сосредоточиваясь на апофеозе девы, отождествляемой с луною. Первый вариант практичен и вероятен, зато второй более *поэтичен*.

И здесь как раз самое время заметить, невзирая на уклонение от темы, какое великое большинство народу может воспринимать, чувствовать и ценить поэзию в простых словах или *формах* — то есть, так сказать, объективно — и едва узнает или приметит ее, когда она представлена субъективно или в виде мысли, но не облечена ни в какие рифмы или меры, или в регулярную форму. Весьма любопытный эксперимент и достойный особого изучения. Возьмите фрагмент из какого-нибудь известного поэта, перепишите его чистой простой прозой, сполна отдав должное истинному его смыслу, и если он все еще будет волновать и трогать, подобно поэзии, значит, фрагмент этот первейшего класса. Но если он полностью утратил свое очарование, значит он второсортен или еще того хуже. Ибо ничего первоклассного не извлечь из простых слов, украшенных ассоциациями, будь они от мысли или от чувства.

Все это, впрочем, не столь уж далеко от нашего предмета, как может показаться. Читая и ощущая их субъективно, я часто поражаюсь тому факту, что во всех этих собранных мною ведовских традициях присутствует чудесная поэзия мысли, далеко превосходящая потуги многих современных бардов

¹ Перевод И. Меламеда.

и ждущая лишь помощи какого-нибудь хитроумного мастера-словоплета, чтобы подняться до высшего ранга. Доказательство моему утверждению можно усмотреть в том, что в таких знаменитых стихотворениях, как, скажем, «Обретение лиры» Джеймса Рассела Лоуэлла, или еще то, об изобретении свирели Паном, миссис Браунинг, все, что есть самого утонченного и изысканного в изначальном мифе, было исключено обоими авторами, которые то ли попросту упустили, то ли не восприняли эту его часть. В первом случае поэт ни словом не обмолвился, что именно дыхание бога воздуха (вдохновлявшего душу древней музыки, или же Белларии современной ведовской мифологии), коснувшееся высохших черепашьих жил, подсказало Гермесу конструкцию инструмента, из которого он затем сумел извлечь музыку сфер и звуками которого управлял ходом планет. Миссис Браунинг, со своей стороны, оставляет полностью за рамками Сирингу, то есть, сам голос нимфы, до сих пор обитающий в свирели, бывшей когда-то ее живым телом. И с моей точки зрения, старое прозаическое изложение обоих мифов куда более трогательно и поэтично, куда более напоено красотой и романтикой, чем все хорошо зарифмованные и размеренные, но такие несовершенные версии наших поэтов. И такой именно недостаток интеллекта или восприятия можно обнаружить во всей нашей «классической» поэзии, и не только у Китса, но и почти у всякого поэта нашей эпохи, кого занимали греческие темы.

Поэтам и художникам дозволена великая свобода, но когда они берут какую-нибудь тему, особенно из имеющих глубокие корни традиций, и, оказавшись неспособны уловить ее *подлинный смысл* или суть, предлагают нам нечто очень милое, но далеко уступающее во вдохновенности оригиналу, едва ли можно утверждать, что они сделали все, что смогли, а на самом деле, что должны были сделать. И я нахожу, что этот изъян совершенно отсутствует в итальянских и тосканских ведовских версиях античных сюжетов; напротив, они чрезвычайно тонко утверждают и даже распространяют древний дух. Как мне неоднократно представлялся случай отметить, нет причин отрицать возможность того, что в некоторых случаях народные традиции — даже в том виде, в каком они бытуют

сейчас — сохранились с куда большей полнотой и точностью, чем у кого бы то ни было из латинских авторов.

И, кстати об упущенной сути, позволю себе напомнить кое-каким слишком уж дотошным читателям, что если они обнаружат множество грамматических ошибок, неправильных написаний и еще чего похуже в итальянских текстах этой книги, им не стоит приписывать все это, как сделал некий известный обозреватель, невежеству автора, но лишь несовершенству образования тех, кто собирал их и записывал. Самому мне постоянно напоминает об этом экземпляр моих же «Флорентийских легенд», встреченный как-то в разъездной библиотеке, в которой какая-то добрая (и весьма педантичная) душа взяла на себя труд карандашом выправить все архаизмы. В этом она уподобилась некоему бостонскому корректору, который в другой моей книге переправил все цитаты из Чосера, Спенсера и прочих на чистый (или уж нечистый) Вебстер¹, пребывая в совершенной уверенности, что я по части орфографии — сущий невежда. Что же до черкания в книгах, которые всегда отчасти есть достояние потомков, или дурного с ними обращения, то это грех вульгарности и нравственный порок, демонстрирующий, *что люди собой представляют*, так наглядно, как им и во сне не снилось.

Кто пишет в книге на полях —
И кто страницы гнет —
Болван, забывший Божий страх,
Презренный вор и скот.

¹ Имеется в виду современный словарный английский язык. — Прим. пер.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ДИАНА И ДЕТИ

*И вдруг Диана появилась там:
Охотницей она предстала с луком
И молвила: «Не предавайся мукам!...»
... И вот она из глаз исчезла вдруг.*

— Дж. Чосер, «Кентерберийские рассказы»,
«Рассказ Рыцаря»

Была во Флоренции в древние времена одна семья, благородная, но настолько обедневшая, что *giorni di festa*, праздники, случались у них нечасто и много дней пробегало между ними. Как бы там ни было, жили они все еще в своем прежнем дворце (а стоял он на улице, теперь известной как *La Via Cittadella*) — прекрасном старом здании — и вообще храбро держали лицо перед всем миром, хотя у самих зачастую крошки во рту не бывало.

Кругом дворца был большой сад, в котором стояла античная мраморная статуя Дианы в виде красивой женщины, которая, казалось, так и бежит, а рядом с нею — собака.

В руке она держала лук, на лбу у нее был маленький полумесяц. И поговаривали, что по ночам, когда все замирало в тиши, статуя обретала жизнь и убегала с пьедестала, и не возвращалась, пока луна не сядет, или не встанет солнце.

У отца семейства было двое детей, добрых и разумных. Както раз пришли они домой с грудой цветов, которые им кто-то дал, и девочка сказала брату:

— Надо отнести немножко и той красивой даме с луком!

Сказав так, они положили цветы перед статуей и сделали венок, который мальчик надел ей на голову. Тут как раз великий поэт и маг Вергилий, знавший все о богах и феях, вошел в сад и сказал им, улыбаясь:

— Вы принесли богине в жертву цветы правильно, совсем как в стародавние времена; теперь осталось так же правильно сказать молитву¹ и да будет она такова:

И произнес он...

ПРИЗЫВАНИЕ ДИАНЫ

Bella dea dell'arco!
Bella dea delle frecce!
Della caccia e dei cani!
Tu vegli colle stelle,
Quando il sole va dormir
Tu colla luna in fronte
Cacci la notte meglio del di.
Colle tue Ninfe, al suono
Di trombe — Sei la regina
Dei cacciatori — regina delle notte,
Tu che sei la cacciatrice
Più potente di ogni,
Cacciator — ti prego
Pensa un poco a noi!

Перевод:

О, прекрасная богиня луков!
Стрел прекрасная богиня,
Всех псов и всякой охоты!
Пробуждающаяся в звездных небесах,
Когда солнце погружается в дремоту!
Ты, у кого на челе луна,
Кто ночные погони предпочитает
Дневным охотам,
С нимфами, под пенью рога!
Сама ты охотница
И весьма могущественная — тебе молюсь,
Помысли хотя бы на мгновенье
О нас, молящихся тебе!²

¹ Самое главное в колдовстве — произносить или интонировать заклинания правильным образом, на манер церковного пения или арабских речитативов. Отсюда и якобы прозаическая форма многих заклинаний.

² Необходимо отметить, что призывание представляет собой хвалебный псалом или гимн; *scongitazione* в свою очередь — просьбу или молитву, хотя

Потом Вергилий научил их еще и *scongiurazione* или заклинанию, которое нужно говорить, когда особенно нужна добрая удача или еще что-нибудь.

ЗАКЛИНАНИЕ ДИАНЫ

Bella dea del arco del cielo!
Delle stelle e della luna!
La regina più potente
Del cacciatori e della notte!
A te ricorriamo,
E chiediamo il tuo aiuto
Che tu possa darci
Sempre la buona fortuna!

Перевод:

Прекрасная богиня радуги,
Звезд и луны богиня!
Могущественнейшая царица
Охотников и ночи!
Молим тебя о помощи,
Поддай нам
Самую лучшую на свете долю!

А потом добавил в заключение:

Se la nostra scongiurazione ascolterai,
E buona fortuna ci darei,
Un segnale a noi lo darei!

Если услышишь наше призывание
И пожелаешь послать нам хорошую долю,
То поддай нам в доказательство знак!¹

оно и принимает время от времени форму угрозы или зупгивания. Подобное существует только в классическом ведовстве.

¹ Тут что-то явно опущено, но фрагмент легко восстановить по множеству других похожих заклинаний. Возможно, здесь было что-то вроде:

Если будешь ты благосклонна
И мольбу мою удовлетворишь,

И научив их тому, Вергилий удалился.

Дети тут же побежали к родителям рассказать им все, что с ними случилось, и те велели им хранить все в тайне и ни слова никому не выдать, ни намек. И каково же было их изумление, когда на следующее утро они обнаружили перед статуей свежееубитого оленя. Это обеспечило им превосходные обеды на много дней. И с тех пор никогда они не нуждались во всевозможной дичи, стоило только правильным образом произвести молитву.

А был у того семейства сосед, сам священник, ненавидевший богов прежних времен и всех, им поклонявшихся, и вообще все, что к его религии отношения не имело; и вот, проходя однажды через сад, увидел он статую Дианы, увенчанную розами и всякими прочими цветами. Ужасно разозлился он и, приметив подле гнилой кочан капусты, выкатал его весь в грязи и швырнул, весь склизкий, прямо в лицо богини с такими словами:

Bene, bene! Tu mi hai fatto
L'offrando — tu avrai
La tua porzione
Della mia caccia. Aspetta!

Ну-ну! Я тебя предупредил,
Раз уж ты подарки делаешь,
Я тебе тоже отплачу;
Утром получишь свою долю.

Всю ту ночь страдал священник от злых сновидений и страха, а когда, наконец, заснул, часа в три утра, пробудился внезапно посреди кошмара, в котором словно бы что-то тяжелое

То пусть я услышу
Лай собаки,
Ржание лошади,
Кваканье лягушки,
Щебет птицы
Или песнь цикады
и т.д.

Выбиралось обычно три-четыре подобных звука. Список может так или иначе варьироваться, но обычно незначительно. Иногда запрашивались зримые знамения, как, например, молния. Увидать белую лошадь значило, что молитва будет удовлетворена, но после некоторого промедления. Также это знамение означает победу.

лежало у него на груди. И, правда ведь! Что-то упало с него и по полу покатилося. Встал он и подобрал это, и поглядел на него при свете луны — и увидал человеческую голову, наполовину сгнившую¹.

Другой священник услышал его крики и вошел к нему в комнату, и, поглядев, сказал:

— Знакомо мне это лицо! Человека этого я исповедовал, а потом ему отрубили голову, и было то три месяца назад в Сиене.

А еще через три дня священник, оскорбивший богиню, взял да и умер.

Эта сказка была мне дана помимо Евангелия Вельдм, но как часть великой количеством серии преданий, связанных с Вергилием как магом и волшебником. Ей, однако, нашлось должное место в этой книге, потому что в ней содержится призывание и заклинание Дианы, сами по себе примечательно красивые и оригинальные. Если вспомнить, что «гимны» эти хранились и передавались изустно старухами, и как бы от такой передачи они ни искажались, менялись и портились, невозможно не удивиться, сколько классической красоты в них до сих пор осталось — как хотя бы в этих строках:

Прекрасная богиня луков!
Прекрасная богиня стрел!
Держащая путь свой в звездных небесах!

Роберт Браунинг был великим поэтом, но если сравнить все эти старые итальянские ведовские стихотворения, обращенные к Диане или от ее лица сказанные, с его всеми превозносимой речью Дианы-Артемиды, то и самым неподвзятым критикам придется признать, что заклинания эти во всем равны этим вот строкам барда:

Богиня благовонного чертога,
Я после Геры, Гордости Царицы,
Первейшая из всех, кому во славу
Белеют храмы в этом мире дольнем;

¹ «La testa d'un uomo piena di verme e puzzolente.» Что-то вроде пародии на гнилую капусту, куда более полная, чем в конце немецкой сказки с похожим сюжетом.

Я по небу влеку свой ясный лунный светоч,
Я озаряю тьму в глубинах преисподней
И на земле храню покой всего живого:
Я берегу щенков лисицы и волчицы,
И хрупкое гнездо любой пернатой твари,
И зелень милых рощ, и мир уединенья¹.

Оно, конечно, очень мило, но это всего лишь имитация, и ни формой, ни духом не равна заклинаниям, полным искренней веры. И придется с прискорбием, но, увы, с совершенной объективностью отметить, что в большинстве современных поэтических переложений классических мифических сюжетов авторы, невзирая на весь свой художественный гений, громоздят явное рококо, которое именно таким и будет выглядеть для грядущего поколения — просто потому, что они упустили суть или из чистого невежества выбросили нечто жизненно важное, что тот же фольклорист, вероятно, не утратил бы. Ахилл может быть великолепно изображен — я одного такого видел — в парике а-ля Людовик XIV и с турецкой саблей, но почему-то хочется, чтобы художники были чуть лучше знакомы с греческим одеянием и вооружением.

¹ Пер. А. Блейз.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ГОБЛИНЫ НА ПОСЫЛКАХ

У МЕРКУРИЯ И ДИАНЫ

Эта сказка тоже досталась мне вне всякой связи с Евангелием Вейдм, но так как в ней фигурирует Диана, да и в целом сюжет посвящен Диане и Аполлону в другой его форме, я решил включить ее сюда.

Много веков назад жил да был *folletto*, гoblin, или дух, или демон-ангел — *chi sa? кто его знает?* — и Меркурий, сам бог быстрый и скорый, будучи весьма доволен этим бесом, даровал ему дар бегать быстрее ветра с такою еще привилегией, что кого бы он ни преследовал — духа, человека или зверя какого — он его непременно догонял или ловил. Так вот, у этого *folletto* была красотка-сестра, которая, как и он, состояла на побегушках, но только не у бога, а у богини (на каждого бога ведь приходится по богине, и так вплоть до самых малых духов); и Диана в тот же самый день дала этой фее такую силу, что кто бы за нею ни гнался, никогда ему было ее не поймать.

Как-то раз увидел брат, как сестра его мчится через все небеса со скоростью молнии, и испытал внезапно странное желание ее догнать и в том победить.

И вот когда пронеслась она мимо, ринулся он за нею, но хотя судьба его была все ловить, ей судили боги никогда не быть пойманной, так что волю одного верховного божества уравновесила воля другого.

И вот эти двое так и носились по краю неба, и боги сначала все помирали со смеху, но когда поняли, в чем дело, тут же стали серьезны и принялись спрашивать друг друга, как бы им с этим покончить.

И тогда великий бог-отец так и сказал:

— Узрите землю, которая вся сокрыта во тьме и мгле! Превращу я сестру в луну, а брата ее — в солнце. И будет она вечно от него ускользать, а он — вечно уловлять ее своим светом, освещающим лик ее издалека; ибо лучи солнца суть

огненные руки его, тянущиеся к ней, но хватки их она всегда будет избегать.

И говорят, что гонка эта начинается заново первого числа каждого месяца, когда луна замерзает и *надевает множество одежек, как слоев мякоти у луковицы*. Когда же уже побежали они, согревается она и скидывает одно одеяние за другим, пока не раздевается совсем донага и прекращается погоня, и начинается снова, когда оденется луна.

И подобно тому, как обширная туча разражается дождем сверкающих капель, так и великие мифы древности разбиваются на крошечные осколки сказок; и как затем капли собираются воедино

En rivière ou sur l'estang, —

В молчанье озера или в стремнинах рек..

Как там сказано у Вийона, так и малые мифы составляют снова из павших с небес вод. И в этом сюжете со всей ясностью присутствуют сделанный Вулканом пес и преследуемый им волк: Юпитер разрешил проблему, обратив их обоих в камень — прочтите о том у Юлия Поллукса в пятом томе или в любой другой книге по мифологии.

Is canis fuit postea à Jove in lapidem conversus.

«Юпитером пес тот в скалу обращен».

Любопытно, что в этой истории луна уподобляется луковиче. «А луковица, — пишет Фридрих у себя в *«Symbolik der Natur»*¹, — была из-за многочисленных ее одежек у египтян эмблемой и иероглифом многочисленной обликами луны, чьи разнообразные фазы столь ясно видны в ней, если разрезать ее пополам, а также в том, что рост ее и уменьшение соответствуют таковым у планеты. А потому посвящена она была Исиде, лунной богине». И по этой причине лук считался настолько святым, что в самом нем усматривали что-то от божества. Ювенал, помнится, замечал, как, мол, счастливы египтяне, что у них боги прямо в огородах растут».

¹ «Природный символизм» (нем.).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ЛАВЕРНА

Следующая прелюбопытная сказка вместе с заклинанием отсутствует в тексте «Vangelo», но совершенно очевидным образом принадлежит к циклу непосредственно связанных с ним легенд. Диана в ней объявляется защитницей всех отверженных, чей день — наша ночь, а, следовательно, и ночь воров; Лаверна же, как можно узнать из Горация (Письма 16, 1) и Плавта, преимущественно как раз и покровительствовала мелкому воровству и прочим мошенствам. В этом сюжете она фигурирует также как ведьма и шутница.

Мне он достался в рамках традиции Вергилия, который в подобного рода источниках часто знаком с удивительными и тайными искусствами древних времен.

Случилось так, что некогда Вергилий, ведавший все, что есть на свете тайного и волшебного, и сам бывший поэтом и магом, услышал речь некоего оратора, известного, но пустоголового, и был спрошен, что он о ней думает?

Вергилий ответил:

— Мне представляется невозможным сказать в точности, было ли это сплошь введение или заключение: в любом случае корпуса в ней никакого не имелось, это точно. Она была похожа на ту рыбу, про которую никогда не скажешь, состоит ли она сплошь из головы или из хвоста, или голова у нее переходит в хвост; или вот еще на богиню Лаверну, про которую не знаешь только ли это одна голова или только тело, или ни то, ни другое, или то и другое сразу.

Тут император заинтересовался, что это за богиня такая, потому что он о ней не слышал.

И Вергилий на это ответил:

— Среди богов и духов, сущих с древнейших времен — да будут они вечно к нам благосклонны! — так вот, среди них [была] одна, женского полу, самая из них всех лукавая и озорная. Звали ее Лаверною. Слыла она воровкой, и мало кто ее знал из прочих богов, таких честных и достойных, ибо нечасто можно было ее встретить на небесах или в стране фэй.

Почти все время проводила она на земле, среди воров, карманников и сводней — во тьме обитала она. И вот как-то раз отправилась она [к смертному], великому жрецу в обличье весьма прекрасной собою и статной жрицы [какой-то богини], и так ему сказала:

— Есть у тебя земля, которую я хочу купить. Возведу я на ней храм [нашему] богу. Клянусь тебе телом моим, что уплачу тебе в течение года.

Землю ей в собственность жрец передал.

Лаверна же ничтоже сумняшея распродала все хлеба, зерно, скотину, дерево и птицу. И на четыре фартинга там не осталось имущества!

И, конечно, в назначенный для расплаты день никакой Лаверны на месте не оказалось. Далеко была она и оставила своего кредитора *in asso* — то есть, в весьма тяжелом положении!

Тем временем явилась богиня к великому владыке и купила у него замок, хорошо обставленный внутри и окруженный богатыми землями снаружи.

На сей раз поклялась она своей головой, что выплатит все целиком за шесть месяцев.

И вот как она поступила со жрецом, так же точно обошлась и с владетельным господином: украла и продала каждый пруттик, каждый стул, коровку, человечка и мышь — там и мухе носок подточить не осталось!

А жрец и властитель меж тем стали дознаваться, кто она была, и обратились к богам, жалуясь, что богиня обокрала их.

И вскоре прознали все, что была это не кто иная как Лаверна.

И призывали ее на суд пред лицом всех богов.

Когда же спросили ее, что она сделала с собственностью жреца, которому телом своим поклялась произвести выплату в назначенный срок [и с какой стати обет свой нарушила], отвечала она странным поступком, немало их всех позабавившим: исчезло тело ее, и голова одна осталась, и голова эта возопила:

— Смотрите! Я телом своим поклялась, говорит он, но тела-то нет у меня!

И хохотали все боги.

И после жреца вышел пред ними владыка, которого она тоже обманула и которому клялась головой. И в ответ открыла им Лаверна все тело свое безо всякого жеманства, и было оно красоты несказанной, но только вот без головы; и из шеи его изошел голос, который сказал:

Смотрите все: Лаверна перед вами,
Пришла ответить я на тяжбу лорда.
Клянется он, что сделку заключила И денег не дала,
хоть минул срок,
И что воровка я, поскольку *головой*
Я поклялась ему, что долг верну. Но, боги,
Как видите вы все, не стала бы я клясться
Тем, чего совсем я не имею.

Тут боги расхохотались так, что случилась буря, и приказали голове воссоединиться с телом, и повелели Лаверне выплатить целиком свои долги, что она послушно и сделала.

Затем заговорил Юпитер и так им молвил:

— Вот перед вами плутоватая богиня без обязанностей [и верующих], а между тем в Риме полно воров, мошенников, плутов и жуликов — *ladri, bindolini, truffatori e scrocconi* — которые живут обманом.

У этого доброго народца нет ни храма, ни бога, и это очень жаль, ведь и у демонов есть господин и глава семейства, зовомый Сатанюю. И потому повелеваю я, чтобы Лаверна отныне и впредь была богиней обманщиков и бесчестных торговцев, всех отбросов рода человеческого, над которыми не стояло доселе ни бога, ни дьявола, ибо слишком уж они были презренны что для тех, что для других.

Так Лаверна стала богиней всего бесчестного и подлого люда.

И всякий раз, как кто-то из них замысливал какое мошенство или злое дело, он шел в храм и призывал Лаверну, которая являлась ему в виде женской головы. Если дело удавалось ему плохо и неискусно, в следующий раз он видел одно лишь тело; но если был он умен и ловок, то видел всю богиню — и голову, и тело.

Лаверна была не более добродетельна, чем честна, и много имела возлюбленных и детей. Поговаривали, что, так как сердцем не была она ни дурна, ни зла, часто каялась она в грехах

и в беспутной своей жизни; но как бы она ни старалась, не могла она измениться, так как страсти ее были совсем закоренелые.

И если мужчина какой делал женщине ребенка, или дева вдруг оказывалась *enceinte*¹, и желали они скрыть это от мира и избежать скандала, каждый день им надобно было призывать Лаверну². И когда наставал просительнице срок разрешиться, Лаверна забирала ее к себе в храм и погружала в сон, а после родов — снова в сон и относила обратно в постель к ней домой, и поутру была она в превосходном здравии и не чувствовала никакого недомогания, и все казалось ей просто сном³.

К тем, однако, кто желал со всеменем отыскать и принять детей своих, Лаверна была милостива, только если вели они приятный ей образ жизни и верно ей служили.

И вот вам церемония и заклинание, которое каждую ночь надо читать Лаверне.

Должно быть особое место, посвященное богине, будь то комната, погреб, или роща, но непременно уединенное место.

Возьмите небольшой столик, размером как если бы разложить на нем колоду из сорока игральных карт плотно одна к другой, и спрячьте его в этом месте.

Отправляйтесь туда ночью, возьмите сорок карт и разложите их на столе, так чтобы получилась прямо сплошная скатерть.

Возьмите травы *Pauro* и *Concordia*⁴ и сварите их вместе, поворяя меж тем такие слова:

SCONGIURAZIONE

Fa bollire la mano della concordia,
Per tenere a me concordo,
La Laverna che possa portare a me
Il mio figlio, e che possa

1 Обрюхачена (фр.).

2 Это также относится и к Диане, занимавшейся похожими вещами. Я опустил тут большое количество совершенно ненужного велеречия и повторений, имеющих место в оригинальной рукописи, а также сократил нижеследующее.

3 Все это безошибочно и во многих отношениях указывает на аутентичную традицию. В руках искусных жрецов оно чрезвычайно способствовало популярности богини.

4 «Страх» и «Согласие» (ит.).

Guardarmele da qualun pericolo.
Bollo questa erba, man non bollo l'erba.
Bollo la *rauta* che possa tenere lontano
Qualunque persona e se le viene
L'idea a qualchuno di avvicinarsi,
Possa essere preso da *rauta*
E fuggire lontano!

ЗАКЛИНАНИЕ

Варю пучок конкордии я ныне,
Дабы в согласии со мной и мире
Была Лаверна, чтоб мое дитя
Мне возвратила бы и чтоб хранила
Своею милостью меня от бед всю жизнь!
Варю траву, но не трава кипит,
Варю я страх¹, чтоб он держал подале
Любого чужака, а если все ж придет,
[Подглядывать мой ритуал] пусть поразит его,
И в ужасе бежит он прочь!²

Сказав это, налейте травяной отвар в бутылку и разложите карты на столе одну за другой, говоря так:

Battezzo queste quaranta carte!
Ma non batezzo le quaranta carte,
Battezzo quaranta dei superi,
Alla dea *Laverna* che le sue
Persone divengono un Vulcano
Fino che la *Laverna* non sara
Venuta da me colla mia creatura,
E questi dei dal naso dalla bocca,

1 Я прихожу к выводу, что это дикий мак-самосейка. Мак был посвящен Церере, но также и Ночи и ее ритуалам, а Лаверна — ночная богиня.

2 Этот фрагмент напоминает культ греко-римской богини Павор, или Страх, спутницы Марса. Ее часто призывали, как и в данном примере, для отпугивания и приведения в ужас врагов или чужаков. У Эсхила семеро вождей у Фив клянутся Страхом, Марсом и Беллоной. — У Эсхила семеро вождей клянутся не римскими богами Марсом и Беллоной, а Аресом и Энио (богиней войны, спутницей Ареса, эквивалентом римской Беллоны), а также Деймосом (Ужасом, еще одним спутником Ареса). — *Примеч. перев.*

E dal' orecchio possino buttare
Fiammi di fuoco e cenere,
E lasciare pace e bene alla dea
Laaverna, che possa anche essa
Abbracciare i suoi figli
A sua volonta!

ЗАКЛИНАНИЕ

Я сорок карт перед собою разложу,
Но то не сорок карт передо мной лежат:
А сорок то богов, верховных над Лаверной,
И всяк и каждый пусть горит огнем вулкана,
Пока Лаверна не вернет дитя мне;
И всяк и каждый мечет пусть в нее
Горячий пламень и горящий уголь
Из носа, рта, ушей, [пока не сдастся];
Тогда и лишь тогда ее оставят в мире:
Пускай идет ласкать своих детей.

Лаверна была римской богиней воров, карманников, лавочников и торговцев, плагиаторов, плутов и притворщиков. Близ Рима в роще стоял храм, где грабители собирались делить добычу. Там была статуя богини. Идол ее представлял собою, говорили одни, голову без тела; другие — тело без головы; но эпитет «прекрасная», данный ей Горацием, указывает, что богиня, обеспечивавшая своим верующим маскировку, не обидела ею и себя. Поклонялись ей в совершенном молчании. Это подтверждает опять же Гораций («Письма», 16, lib. 1), у которого проходимец, едва отваживаясь шевелить губами, произносит следующую молитву или заклинание:

О, богиня Лаверна!
Подай мне искусство обманывать и жулить,
Заставлять других верить, что я честен,
Свят и невинен! Простри свою тьму
И глубокий мрак на преступленья мои!

Интересно сравнить это бесспорно древнее классическое призывание Лаверны с тем, что я уже приводил раньше. Богиня эта была особенно популярна в низах общества, и у Плавта повар, у которого украли его утварь, взывает к ней, прося отомстить за него.

Хочу обратить особое внимание на тот факт, что здесь, как и в великом множестве итальянских ведовских заклинаний, призываемому божеству или духу, будь то Лаверна или сама Диана, угрожают пытками со стороны высшей силы, пока оно не окажет запрашиваемую милость. Этот элемент носит совершенно классический, то есть, греко-римский или ориентальный, характер; во всех источниках подобного рода маг полагается не столько на милость, помощь или силу, данную ему Богом или Сатаной, сколько на то, что он лично сумел выжать и выкрутить у бесконечной природы или изначального источника покаянием и учением. Я говорю здесь об этом потому, что некий обозреватель изволил упрекнуть меня в чрезмерном подчеркивании того, насколько мало дьяволизм — изобретенный церковью в 1500 году — слабо развит в Италии. На самом деле среди ведьм высшего ранга и в их традициях его следы вообще вряд ли возможно найти. В христианском дьяволопоклонничестве ведьма никогда не дерзнет угрожать Сатане или Богу, или кому-нибудь из троицы, или ангелам, так как вся эта система основана на концепции церкви и повиновения ей.

Трава конкордия, по всей вероятности, получила имя от богини Конкордии, изображаемой с ветвью в руках. После вербены и руты она играет в ведовстве чрезвычайно значительную роль.

ПРИЛОЖЕНИЕ

КОММЕНТАРИЙ

К ВЫШЕПРИВЕДЕННЫМ ТЕКСТАМ

Тому назад в 1886 году мне стало известно о существовании манускрипта, содержащего учение итальянского ведовства. Мне пообещали, что если будет такая возможность, мне его добудут. Время шло; ожидание было тщетно. Наконец, постоянно упрашивая Маддалену, мою собирательницу фольклора, кочевавшую в то время по Тоскане, постараться отыскать что-нибудь вроде этого, 1 января 1897 года я получил от нее рукопись под названием «Арадия, или Евангелие ведьм».

Здесь следует заметить, что всякая ведущая тема, образующая сюжет «Vangelo», — Диана как царица ведьм; как сподвижница Иродиады (Арадии) в колдовстве; рождение ею ребенка от собственного брата, Солнца (здесь, Люцифера); связь ее как лунной богини с Каином, обитающим в заключении на Луне; то, что ведьмы древности были из тех, кого подавляли феодалы, вот они им и мстили, как только умели, и устраивали оргии Диане, которые Церковь считала служением Сатане, — все это, повторяю, было рассказано мне изустно или записано пофрагментно Маддаленой (не говоря уже о ее начальниках), как если бы представляло собой хроники Хорста или Мишле; следовательно, все это в настоящем документе имеет второстепенное значение. Все это я вполне ожидал получить, а вот чего я совсем не ожидал и что оказалось для меня внове, так это та его часть, которая передана стихотворениями в прозе и которую я переложил поэтическим метром. Она совершенно традиционна и получена непосредственно от колдунов; часть эта чрезвычайно любопытна и интересна, так как в ней явственны многочисленные остатки знания, дошедшего до нас, как подтверждают хроники, со времен глубоко незапамятных.

Сама Арадия — с достаточной очевидностью есть Иродиада, изначально связывавшаяся с Дианой как госпожой над ведьмами. Насколько я могу заключить, образ этот никак не восходит к Иродиаде Нового Завета, но, скорее, к ранней ипостаси

Лилит, носившей то же имя. В действительности это обозначение или отражение индоевропейской и семитской Царицы Небесной или владычицы Ночи и колдовства, и это, вполне возможно, было известно ранним мифотворцам. Еще в VI веке в египетской культа Иродиады и Дианы был осужден Церковным Собором в Анкире. Пиперн и прочие авторы неоднократно отмечали очевидную идентичность Иродиады и Лилит. Обеим им предшествовала Исида.

Диана с чрезвычайной живостью и даже драматизмом преподносится в этом стихотворении как богиня оставленного богом и ему неугодного люда — воров, шлюх и прочих истинных «приспешников луны», как с радостью поименовал бы их Фальстаф. В Древнем Риме — как и в современной нам Индии — считали, что никакой человек не может быть настолько зол или дурен, чтобы утратить всякое право на божественное покровительство того или иного сорта, и такую защитницей им была как раз Диана. Возможно, стоит здесь также заметить, что среди всевозможных свободомыслящих философов, образованный парий и цыган от литературы бытовала крайне неправовая тенденция полагать, что пороками своими и ошибками человечество в большей степени (если не совершенно) обязано неким неизбежным причинам, с которыми ничего поделать мы не можем — как, например, наследственности, то есть, бытности дикарем или бедняком, или злодеем по рождению, или избыточным «ханжеству и добродетельности», или инквизиторству — иными словами, мы настолько обременены врожденным и первородным грехом, что никакая свободная воля не может нас от него освободить¹.

Именно в период так называемых Темных Веков, или с падения Римской Империи и до XIII века все, что есть худшего в человеке, было обязано своим происхождением чудовищным преступлениям и тирании Церкви и Государства. Ибо тогда на каждом повороте жизненного пути огромное большинство людей сталкивалось с неприкрытым, бесстыдным, явным неравенством и несправедливостью, где для слабых и лишенных покровительства нет вообще никакого закона.

¹ Отсюда и поговорка, что все знать, значит все простить. В этом девять десятых истины, но ведь остается еще и одна десятая разумной вины.

Такое положение дел вело широкие неудовлетворенные массы к бунту, а так как в открытых военных действиях преуспеть они никак не могли, ненависть принимала форму скрытой анархии, густо перемешанной с суевериями и фрагментами старых традиций. На этом фоне достаточно естественно выделялся культ Дианы-защитницы, так как предполагаемое поклонение Сатане, которое по сию пору так и не сумело занять в итальянском ведовстве лидирующих позиций, церковь выдумала гораздо позднее. Иначе говоря, чисто диаволическое ведовство не имело широкой популярности вплоть до конца XV века, когда его, можно сказать, нарочно изобрели в Риме, чтобы дать Церкви средства борьбы с еретической угрозой Германии.

Чем активнее мысль, тем горше страдания. Человек начинает по-настоящему страдать, только когда выясняет, как несправедливо с ним обошлись, и воображает, что видит впереди призрак грядущей свободы. В эпоху античности даже рабы страдали куда меньше и при куда худшем обращении, так как искренне верили, что родились для жизни в подобных прискорбных условиях. Самые лучшие реформы чреваты муками, а великие пробуждения всегда сопровождаются скорбями, многие из которых не миновали нас и по сей день. Пессимизм порождается избытком культуры и интроверсии.

От взора и внимания многих историков странным образом ускользает тот факт, что страдания великого большинства людей поработенных и бедных в период раннего христианства или в целом до конца Средних веков и ликвидации рабства были гораздо значительнее, чем во все предшествующие эпохи. И причина этому в том, что в прежние «языческие» времена простой люд не знал и даже не мечтал о том, что все могут быть равны перед богом и что у него есть какие-то (и довольно многочисленные) права — даже здесь, на земле и в рабском состоянии. Ибо вся моральная тенденция Нового Завета совершенно противоположна рабству и даже жесткой зависимости как таковой. Каждое изреченное Христом слово о любви и прощении, о смирении и милосердии было в действительности горьким упреком не только всякому светскому властителю, но и самой Церкви с ее надменными прелатами. И то, что многие муки действительно облегчались и благосклонные святые действительно встречались, никак не влияет на общее

положение дел: люди очень долго жили гораздо хуже, чем прежде, и главную причину их страданий вполне можно было бы назвать умозрительной, и состояла она в новорожденном осознании того, каких прав человек лишен, а это само по себе всегда мука. И ощущение это еще стократ усиливалось бесконечными проповедями о том, что долг его — страдать и терпеть угнетение и тиранию; о том, что права всевозможных властей столь велики, что в целом оправдывают любые и самые наихудшие злоупотребления. Ибо проповедуя легитимность власти нобилитета, Церковь утверждала свою собственную.

Результатом стало появление огромного количества бунтовщиков, отверженных и неудовлетворенных, которые ударились в ведовство или колдовство как религию с колдунами в качестве жрецов. Они тайно собирались в уединенных и пустынных местах, в горах и в древних проклинаемых священниками руинах, где еще обитали злые духи и древние языческие боги. Даже и сейчас путешественник по Италии нередко может обнаружить такой укромный уголок среди старых ореховых рощ, скал и полуобрушенных стен — отличное место для шабаша; иногда местные предания гласят, что он до сих пор используется по назначению. Я убежден, что в Евангелии Ведьм содержится вполне достоверный очерк доктрины и хотя бы некоторых ритуалов, отправляемых на подобного рода собраниях. Ведьмы поклонялись запретным богам и вершили запретные деяния, вдохновляемые в той же степени протестом против общества, в какой и собственными страстями.

Однако в Евангелии Ведьм очевидным образом делается попытка провести различие между от природы злыми и испорченными людьми с одной стороны и угнетенными изгоями с другой, как это явствует из следующего фрагмента:

Но ты не станешь Каиновой дочерью
Или одной из тех, кто от страданий
Озлобились, покрыв себя позором,
Подобно иудеям и цыганам —
Сплошь ворами и плутами; нет, им подобной
Тебе не стать...

Вечеря ведьм, печенья из муки, соли и меда в форме полумесяцев известны всякому исследователю античности. Пирожки в виде месяца или рога бытуют и в наши дни. Я ел их прямо сегодня, и хотя встретить их можно по всему миру, думаю, облик их имеет сугубо традиционный характер.

В заклинании муки просматривается очень интересная традиция — а именно то, что *spige* — глянцеви́тые пшеничные зерна, из которых, как солнечные лучи, произрастают колосья, обязаны своим блеском сходством со светлячками, которые и подарили им свой свет. Здесь, я в этом ничуть не сомневаюсь, присутствует какой-то классический античный образ, но выявить его я не могу. Здесь «Vangelo» явно цитирует чуть ли не детскую песенку, которая сама по себе, возможно, уходит корнями в сказку, но, как и прочие их элементы, черпает вдохновение из ведовского фольклора, где *lucchiola*¹ сажают под стекло и закливают отвечать на вопросы своим светом.

Заклинание муки или хлеба, питающего наше тело и буквально им являющегося, носит глубоко сакральный характер, ибо зерно успело полежать в земле, где сокрыты самые темные и удивительные тайны; оно проливает новый свет на христианское таинство евхаристии. Это воскресение из земли, нашедшее отражение в мистериях и Тайной Вечери; зерно возвращается причастным к хтоническим тайнам, к тому, что сокрыто под землей в темноте. В современном ведовстве считается, что даже земляные черви ведают темные тайны, а пастушья свирель, чтобы обрести орфические силы, должна пролежать три дня в земле. Все в ведовстве было (и остается) такой вот дикой, неукротимой поэзией, замешанной на символах, перетекающих друг в друга: свет и тьма, светлячки и зерно, жизнь и смерть...

Очень странными, но вполне согласными с античной магией, как ее описывали классические авторы, выглядят угрозы Диане на тот случай, если она вздумает не ответить на молитву. В ведьмовских заклинаниях они встречаются на каждом шагу. Маг или ведьма поклоняется духу, но утверждает, что обладает полученным от еще более высокой силы правом заставить даже саму Царицу Небес, Земли и Ада выполнить просимое. «Дай

1 Светлячка (ит.).

мне, что прошу, и будут тебе почет и жертвы; откажи, и я стану досаждать тебе всяческими мучениями». Так Канидия и иже с нею похвалялись, что могут заставить богов явиться пред ними. Это все сплошь классика. Никто еще не слышал о ведьме-сатанистке, вызывающей Святую Троицу или Христа, или хотя бы ангелов или святых и угрожающей им. На самом деле они не в состоянии заставить повиноваться даже дьявола с его бесами и работают исключительно с его соизволения доброй воли как покорные рабы. Но в древней итальянской традиции колдун с ведьмой — либо все, либо никто, и цель их — безграничная воля и власть.

О древней вере в силу камня с дыркой рассказывать нет никакой нужды. Зато стоит обратить внимание, что в инвокации ведьма идет в поля самым ранним утром, чтобы найти вербену. В древней Персии маги, или, вернее, их дочери, поклонялись восходящему солнцу, размахивая свежесорванной вербеной¹, которая была одним из семи самых могущественных магических растений. Во время этого ритуала персидские жрицы были наги, и нагота их символизировала истину и искренность.

Погашенные огни, нагота, оргии символически соответствовали опусканию тела в могилу, посадке зерна в землю, уходу в царство тьмы и смерти, чтобы возродиться в новой форме, воскреснуть в свете. Это был способ выйти из круговорота повседневной жизни.

Евангелие Ведьм представляет собой в действительности лишь первую часть собрания церемоний, «чар», заклинаний и традиций, бытующих в братстве, или, вернее, сестричестве ведьм. Полный их корпус можно найти в моих «Этрусско-Римских древностях» и «Флорентийских легендах». Большое их количество пока не опубликовано, и еще большее — даже не собрано, но могу сказать, что святое писание этих колдуний, все его основные положения, формулы, методы и мистерии можно найти в найденных и напечатанных мной материалах. Понадобится еще какое-то время, чтобы организовать и издать эти материалы в рамках одной работы, которая составит большую ценность для всех, кто изучает археологию,

¹ Friedrich, *Symbolik*, p. 283.

фольклор или историю. В прошлом во все это верили миллионы; оно отразилось в бесчисленных традициях, которые заслуживают лучшего, чем теперь, понимания, и я с радостью принял бы за этот труд, если бы знал, что публика окупит издержки и муки издателя.

Могу честно сказать, я не отношусь к этому Евангелию и даже к самому предмету ведовства только и исключительно как к фольклору в узком значении и бытовании этого термина, то есть просто как к факту в рамках традиции, более или менее отличающейся от всяких прочих традиций, который можно занести в таблицу и сдать в архив как справочный материал. Нет, все это сделать было бы крайне полезно и разумно; ставшие результатом моего интереса поиски, сбор и сохранение информации трудно переоценить. Но вот что непременно нужно сказать — и я вижу, что некоторые благосклонные умы уже начинают открываться этому знанию — так это что чистое изучение источников данного направления привело к развитию колоссального безразличия к ее духу, способного временами дойти, подобно реализму в изобразительном искусстве (которому оно сродни), даже до презрения к сути и смыслу, как первоначально и полагалось.

Не так давно меня чрезвычайно поразил тот факт, что в одной ученой работе по музыке автор, обсуждая искусство античности и Востока и будучи до крайности аккуратным в определении пентатоники и прочих звуковых шкал, а также чистой техники и истории композиции, демонстрировал при этом полнейшее невежество относительно той фундаментальной идеи, что ноты, аккорды, такты и мелодии сами собой тоже представляют идеи или мысли. Говорят, Конфуций написал в свое время мелодию, являвшуюся его автопортретом. Если не понять этого, мы не сможем понять и самую душу древней музыки; фольклорист, не умеющий выйти за рамки источника и мнящий себя «ученым», совершенно подобен музыканту, который не имеет никакого понятия, как и зачем в древности писали музыку.

Странная и таинственная глава «Как Диана сотворила звезды и дождь» есть и во «Флорентийских легендах» (том. 2, стр. 229), но здесь приводится в расширенном виде, разработанная до космогонически-мифологического этюда.

И на этом в голову приходит идея, самая, возможно, значительная из всего, что содержится в этом Ведовском Евангелии. Во всех прочих Писаниях всех времен и народов вселенную творит мужчина — Иегова, Будда или Брахма; в ведовстве же в роли изначального принципа выступает женщина. Всякий раз как в истории случается период радикального интеллектуального бунта против консервативных устоев, иерархии и тому подобного, ему сопутствует попытка утвердить женщину как вполне равный другому, а на самом деле превосходящий пол. В выдающейся войне конфликтующих элементов, причудливых школ колдовства, неоплатонизма, каббалы, еретического христианства, гностицизма, персидской магии и дуализма, с остатками древних греческих и египетских теологий в III и IV веках в Александрии и в Каирском Доме Света в IX-м, равенство женщины занимало в доктринах весьма важное место.

Истинным Христом, спасителем рода человеческого, была тогда София или Елена — Освобожденная.

Когда Просвещение и Иллюминизм в компании с мистицизмом и магией, вооруженные решимостью возродить общество в соответствии со стандартами крайней свободы мысли, заставили тамплиеров поверить, что они в состоянии возобладать над Церковью и всем миром, равенство женщины, уходящее корнями в каирскую традицию, снова оказалось в фокусе всеобщего внимания. И да будет вам известно, что на протяжении Средних веков и даже вплоть до волнений, вдохновивших французских гугенотов, янсенистов и анабаптистов, женщина выступала куда более ярко и играла в социальной и политической жизни гораздо более значительную, чем раньше, роль. Сюда же следует отнести и спиритуализм, начало которому положили сестрицы Фокс из Рочестера, Нью-Йорк, и который проявляется самыми разными способами в нынешнюю эпоху *Fin de Siècle*¹, которая, по Нордау, есть также нервный хаос. Женщина сейчас со всей очевидностью рыба — и играет она больше во взбаламученной воде:

О, Женщина, в часы приволья...

¹ Конец эпохи (фр.).

Читатель сам, без сомнения, припомнит остальное. Не мешает нам припомнить и то, что в прошлом подавляющее большинство народа, угнетаемого слишком большой властью Церкви и Государства — или слишком значительными ее злоупотреблениями — как-то проявляло себя лишь в такие периоды бунта против отживших свое форм и идей. И с каждым таким новым бунтом, с каждым выплеском, *debâcle*¹, с каждым неукротимым, переливающимся через все границы потоком, человечество с одной стороны и женщина с другой добивались чего-то нового, какой-то новой справедливости в отношении своих прав и обязанностей. Ибо как каждый новый паводок разливаётся шире по полям, делая их тем самым более плодородными, так и мир получает крупную прибыль с каждой революции, сколь бы ужасной и отвратительной она во время оно ни казалась.

Эмансипированная женщина, сторонница Женских Прав, в приливе энтузиазма обычно считает мужчину косным и ограниченным, а саму себя — призванной повелевать им. В древние времена превалировал иной, прямо противоположный взгляд на вещи, и оба они, как показало будущее, ошибочны. В действительности оба пола по природе своей прогрессивны, и прогресс в данном случае означает не конфликт мужского и женского принципов, подобный тому, что лег в основу Махабхараты, но постепенное выяснение их истинных возможностей, настройку взаимоотношений и координацию сил, и если проделывать все это на научной основе, любые конфликты прекратятся.

Подобные ремарки вполне соответствуют моему тексту и предмету, так как именно изучая эпохи, когда женщина добивалась выдающегося и влиятельного положения в обществе, мы получаем шанс узнать, в чем же на самом деле заключаются способности и возможности женского пола. И среди них ведовство в своем подлинном виде — а не в том, в каком его обычно и совершенно ошибочно воспринимают — представляет равный и глубочайший интерес.

Ибо ведьма — оставим в стороне все, что касается магии, ее существования или несуществования — некогда представляла собой реальную и значительную силу в повстанческой социальной жизни, и по сей самый день — как свидетельствует

¹ Крахом, разрушением старого (фр.).

большинство произведений романической литературы — в женщине остается что-то жуткое, что-то таинственное и непостижимое, чего ни сама она, ни мужчина объяснить оказывается не в состоянии.

Ибо каждая в сердце своем колдунья.

Мы уже покончили с метлами, котами и чудесами, с шабашами и договорами с дьяволом, но тайна, загадка никуда не делась; никто из живущих не знает, куда приведут его нити судьбы. И разве чары любви всякого вида и рода, разве наслаждение красотой во всех ее формах по сути своей не тайна, не чудо и магия?

Всем, кого интересует вопрос женского влияния и возможностей, это Евангелие Введьм окажется полезным, так как оно свидетельствует, что и в прежние времена случались странные вольнодумцы, рассматривавшие творение как проявление женского принципа, как партеногенез, от которого родился уже принцип мужской. Люцифер, Свет, пребывал сокрытым во тьме Дианы, подобно тому, как сердце сокрыто в груди. Возродительницей, мессией этой необычной доктрины стала женщина, Арадия, хотя обе они, мать и дочь, в разных сюжетах оказываются перепутаны и смешаны, как смешаны Яхве и Элохим.

Остается лишь сказать, что о-Каин-ные и дъ-Ева-лические адамитские сборища, о которых неоднократно идет речь в Колдовском Евангелии, не так уж и часто устраиваются — если и вообще имеют место — нынешними немногочисленными и редкими ведьмами, хоть молодыми, хоть старыми, и их почтенными колдунами. По крайней мере, насколько мне известно, в центральной и северной Италии ничего подобного нет. Однако среди *roués, viveurs*¹ и дам нестрогих нравов Флоренции и Милана — которые там несколько более часты, чем солнечные затмения — такие ассамблеи зовутся *balli angelici*, или балы ангелов. Да и во всех крупных городах нашего мира они не то чтобы совсем неизвестны. Несколько лет назад воскресная газета некоего американского города поме-

¹ Повес, бонвиванов (фр.).

стила подробнейший рассказ о таких мероприятиях в местных «домах для танцев», проводимых там, по словам автора, весьма часто, что впоследствии подтвердили мне хорошо с ними знакомые джентльмены.

Весьма важный момент для тех, кто считает открытие древних традиций делом достаточно ценным, состоит в том, что глубокое и обширное исследование собранных мною итальянских ведовских обычаев и сравнение их между собою, а также в целом со сходными мотивами в писаниях Овидия и прочих мифологов, приводит к убеждению (которое я выражал неоднократно, но все же не слишком часто), что в этих позднейших источниках сохранилось немало от античного римского и этрусского знания, и с весьма высокой степенью вероятности — полные списки стихов, сказок и заклинаний, перекочевавшие туда напрямик из древнего наречия. Если это действительно правда и если наступит день, когда ученые прочтут эту книгу с должным интересом, это, без сомнения, даст нам возможность критического изучения и верификации этих самых античных элементов и покажет, какие чудеса фольклорной традиции живы в нашей культуре по сей день.

О том, что ведьмы и сейчас образуют пусть фрагментарное, но тайное общество или секту; что они называют ее Древней Религией; и что в Романье существуют целые деревни, все жители которых язычники и почти целиком управляются *Settimani*, или «детьми седьмого месяца»¹, можно прочесть в романе с тем же названием, а также в некоторых документах, опубликованных в разных журналах, или же поверить мне на слово. Само наличие религии предполагает существование Писания, и в данном случае вполне можно признать — и даже почти без суровой верификации — что Евангелие Ведьм действительно представляет собою очень старый источник. Часто бывает так, что там, где традиция зиждется на изустной передаче, старухи повторяют слова, предложения и даже целые главы текста, которые когда-то услышали и запомнили, но совершенно не обязательно при этом полностью поняли. Их непременно нужно проверять по корреляции или прямому сравнению с другими сюжетами и текстами. Самым тщатель-

¹ Так в оригинале. См. также примечание 4.

ным и критическим образом — то есть, придирчиво, но все же беспристрастно — принимая все это во внимание, мы опять же приходим к убеждению, что Евангелие Введьм — книга, представляющая собой, по всей вероятности, перевод какого-нибудь раннего или позднего латинского источника, ибо всякое закрепившееся верование рано или поздно фиксируется в литературе. Даже среди индийских париев встречаются грамотные люди; были они, вероятно, и среди приспешников луны, ночных почитателей Дианы. На самом деле я надеюсь, что исследователи еще найдут в трудах какого-нибудь давно позабытого еретика или мистика темных веков параллели многим местам из этого текста, если даже не всему ему в целом.

Всего несколько лет, читатель, и это знание исчезнет в среде итальянцев под напором газет и железных дорог, как легкое облачко под порывами ветра, как снежинка на озерной глади. Древние традиции исчезают сейчас с невысказанной скоростью — я уверен в этом на основании вполне авторитетных источников и того, что вижу сам — и собранные мною и записанные для меня с весьма профессиональной помощью десять лет назад в Романье и Тоскане материалы в наши дни уже вообще никому бы не достались просто потому, что они больше не существуют нигде, разве что в памяти немногочисленных старых колдунов, каждый день покидающих этот мир, не оставляя по себе ни следа. Они исчезают... исчезают и уже почти совсем исчезли; я на самом деле часто думаю, что еще на моем преклонном веку (я уже двенадцать лет как перешел границу крайне преклонного возраста, как определил его герцог Мальборо в свою защиту) мне доведется услышать скороговорку Времени — безжалостного аукционера, приговаривающего к смерти последнего подлинного латинского колдуна. Возможно, он подбивает счета как раз сейчас, когда я пишу эти строки. Женщины-ведьмы (я имею в виду, традиционной разновидности) протянут несколько дольше — в них больше жизненной силы; ибо, как показывают естественная история развития ведовства и чистый обычай, колдуньи будут при нас всегда — как и бедняки — пока все мы вместе не оставим сию юдоль.

Необычайно интересен — вплоть до того, что его трудно понять — тот факт, что столь древняя традиция сохранилась у крестьянства со столь малыми изменениями. Легенды

и заклинания в семьях наследственных ведьм куда долговечнее течений в искусстве, хотя даже последние сохраняются в неизменности по две тысячи лет. Как пишет Э. Невилл Рольф, «покойный синьор Кастельяни, первым точно воспроизведший драгоценные украшения из захоронений Этрурии и Греции, понял, что какие-то остатки этого древнего и изысканного ремесла должны еще сохраняться где-то в Италии. В соответствии с этим он предпринял самые тщательные поиски <...> и в какой-то богом забытой деревеньке обнаружил золотых дел мастеров, изготавливавших для крестьянок украшения, всем своим обликом свидетельствующие о живых традициях раннего этрусского искусства»¹.

Здесь мне надлежит заметить, что там, где я с излишней, быть может, горечью пишу о безразличии ученого мира к интереснейшим традициям, сохраняемым колдунами и ведьмами, я имею в виду Рим и особенно Северную Италию. Ж. Питре сделал все, что было в человеческих силах, для Южной. Уже после того, как была написана эта книга, я получил «Неаполь в девяностые» бакалавра искусств Э. Невилла Рольфа, где глубокий интеллектуальный интерес к предмету опирается на обширные знания. Читателей моей книги особенно заинтересует объем информации, приводимой мистером Рольфом относительно связи Дианы с колдовством, а также того, как много атрибутов Дианы перекочевало потом к Мадонне. «Культе Дианы, — пишет он, — распространен был весьма широко <...> так что когда христианство вытеснило язычество, весьма многое из языческого символизма нашло себе применение в новых ритуалах, и переход от культа Дианы к культу Мадонны совершился сравнительно легко». Мистер Рольф пишет о таких

1 Мне тут по странному совпадению напомнили о чрезвычайно древнем и уже утраченном китайском искусстве изготовления бутылок и ваз, на которых надписи и картинки проявляются, только если налить в них вина — заново открытым мною. Там же, на месте, я рассказал о своем открытии брату синьора Кастельяни; там был еще сэр Остин Лэйард, который и послал за Кастельяни-младшим, чтобы тот все услышал и оценил. Последний был куратором стеклянного производства в Мурано, где я свое открытие и сделал. Он сказал, что слышал об этих китайских вазах и всегда считал историю невероятной или же просто выдумкой, но что при помощи предложенного мной процесса их можно в совершенстве изготовить. Правда, он добавил, что стоить они при этом будут столько, что ни о какой прибыли не приходится и мечтать. Признаюсь, в утраченные и не поддающиеся восстановлению искусства я не верю. Об этом рассказывается в моей (пока еще не опубликованной) книге «Сто малых искусств».

символах Дианы, как ключ, рута и вербена; ко всем ним у меня есть заклинания, по всей видимости, очень древние и так или иначе связанные с Дианой. Рута часто встречалась мне во флорентийских домах; мне давали ее в знак особого расположения. Она всегда прячется в каком-нибудь темном углу, так как забрать руту, значит забрать удачу. Другим символом Дианы была бронзовая лягушка, откуда и латинская поговорка: «Кто лягушку любит, видит в ней Диану». Вплоть до недавнего времени такая лягушка считалась амулетом. Сейчас одна такая красуется передо мной на столе в качестве пресс-папье. Заклинание, обращенное к лягушке, также имеется.

Мистер Рольф, таким образом, неявно и неосознанно подтверждает написанное мною, а именно самое, что ни есть примечательного вот в этой моей работе — что волшебники в Италии образуют совершенно определенный класс, все еще обладающий огромным влиянием в Неаполе и на Сицилии и даже владеющий весьма интересными магическими документами и каббалистическими таблицами, одну из которых (знакомую тем, кто видал ее в книгах арабских колдунов в Каире) Рольф у себя и приводит. Происходят они, по всей вероятности, с Мальты. Иными словами, читателя вряд ли удивит, что Евангелие Введьм сохранилось ровно в том виде, в каком я его здесь привожу. Чистая правда, что я не нашел его в действительно старом списке, но нет сомнений, что написано оно было во времена незапамятные и до сих пор, я уверен, отдельными частями передается из уст в уста¹.

Великим наслаждением для меня послужило бы, если б кто-то из тех, в чьи руки может попасть эта книга, буде он обладает какой-то информацией, подтверждающей изложенное здесь, любезно согласился бы поделиться ею или опубликовать в какой-то форме, чтобы она не оказалась утрачена.

¹ В весьма недавней работе господ Ничефоро и Сигеле «*La Mala Vita a Roma*» («Жизнь зла в Риме») есть глава, посвященная ведьмам Вечного Города, о которых авторы говорят, что они образуют сословие столь тайное, что «большинство римлян пребывают о его существовании в совершеннейшем неведении». Это в полной мере относится к настоящим *Strege*, но не к простым гадалкам, которые достаточно широко распространены.

ДЕТИ ДИАНЫ, или КАК НА СВЕТ ПОЯВИЛИСЬ ФЕИ

Все на свете было сотворено Дианой: великие духи звезд, люди — вовремя и на своем месте, великаны, что исстари были, и гномы, обитающие в горах и единожды в месяц приносящие ей в жертву печенья.

Жил некогда молодой парень, совсем бедный и без родителей, но добрый.

Сидел он как-то ночью в некоем месте, уединенном, но очень красивом, и вдруг увидел тысячи маленьких фей, сияющих белым, танцующих в свете полной луны.

— Стал бы с радостью я, как вы, феи, — воскликнул он. — Свободные от забот и в еде не нуждаетесь. Но кто же вы такие?

— Мы — лунные лучики, дети Дианы, отвечала одна из них.

Мы — дети луны;
Мы рождены от света;
Когда луч испускает луна,
Феей становится он.

— А ты — один из нас, потому что ты родился, когда Луна, мать наша, Диана, была полна; да, братец наш, родня, кругу нашему принадлежащий.

— И если голоден ты и беден... и вдруг завелась у тебя в кармане деньги, вознесись мыслями к Луне, к Диане, от которой ты был рожден и скажи такие слова:

Luna mia, bella Luna!
Più di una altra stella;
Tu sei sempre bella!
Portatemi la buona fortuna!

Луна, Луна, красавица Луна!
Ты любой звезды прекрасней,
Луна, Луна, если только можно,
Дай мне счастья и удачи.

— И тогда, если деньги у тебя в кармане были, станет их вдвое больше.

— Ибо детки, родившиеся в полнолуние, суть сыновья и дочери Луны, особенно если родились они в воскресенье и во время прилива.

Alta marea, luna piena, sai,
Grande uomo sicuro tu sarei.

Луна полна, море высоко,
Великим человеком будешь ты!

И тогда парень, у которого в кармане был лишь один паоло¹, прикоснулся к нему и сказал:

Luna mia, bella Luna,
Mia sempre bella Luna!

Луна, Луна, красавица Луна,
Будь всегда моей милой Луной!

И стал тот парень с тех пор покупать и продавать, и делать деньги, и удваивать каждый месяц свое состояние.

Но вот случилось так, что в какой-то месяц он не сумел ничего продать, так что ничего и не получил. И сказал он тогда Луне ночью порой:

Luna mia, Luna bella!
Che io amo più di altra stella!
Dimmi perche e fatato
Che io gnente (niente) ho guadagnato?

Луна, Луна, люблю тебя
Превыше любой звезды,
Скажи, почему так было суждено,
Что в этом месяце не получил я ничего?

¹ Римская монетка, эквивалентная пяти пенсам.

И явился пред ним крошечный сияющий эльф и сказал ему так:

Денег я никогда не даю, ясное дело.
Только тебе помогаю, мой милый.

И тогда тот юноша понял, что Луна, как и Бог, и Судьба, делает больше всего для тех, кто делает больше всего для себя самого.

«Come l'appetito viene mangiando,
E viene il guadagno lavorando e risparmiando.»

Как аппетит приходит от время еды,
Так и деньги — от труда и экономии.

Родиться на полной луне, значит иметь просвещенный ум, а прилив означает возвышенный разум, полный всяких мыслей. Но всего этого недостаточно, чтобы наслаждаться благосклонностью Фортуны.

Bisogna anche lavorare
Per farla bene andare.

Должен храбро ты грести,
Чтобы лодка сдвинулась с места.

Ben faremmo e ben diremmo,
Mal va la barca senza remo.

Делай, что можешь, или болтай,
Но чтобы грести, тебе надобно весло.

Как говорится,

La fortuna a chi dà
A chi toglie così sta,
Qualche volta agli oziosi
Ma il più ai laboriosi.

Судьба дает и забирает,
Состояние может сделать
И тот, кто от работы увиливает,
Но чаще — тот, кто трудится на славу.

ДИАНА, ЦАРИЦА ЗМЕЙ,

ПОДАТЕЛЬНИЦА ДАРА ГОВОРИТЬ НА ЯЗЫКАХ

В длинной и причудливой легенде о Меламбо, волшебнике и великом враче божественного происхождения, есть призывание Дианы, которому самое место в этой книге. Приводится оно в следующем сюжете.

Однажды Меламбо спросил свою мать, как так получилось, что ему обещали знание языков и наречий всех живых существ на свете, и вот, он их пока не знает. И ответила ему мать:

— Терпение, сын мой. Только ожидая и наблюдая за собой, мы узнаем, как нужно учиться. Внутри тебя есть учителя, которые и наставят тебя во всем, если ты только будешь их слушать. О, да, они такие профессора, что за несколько минут научат тебя большему, чем другие — за всю жизнь!

И вот как-то вечером играл себе Меламбо с целым гнездом молодых змеек, которое нашел ему слуга в дупле старого дуба, да думу думал, и так сказал:

Хотел бы я с вами говорить;
Знаю, что у вас есть язык,
Изящный, как ваши движенья,
И яркий, как ваши краски.

И тут он заснул, а змейки вплелись ему в волосы и принялись вылизывать уста его и глаза, а мать их тем временем пела:

«Diana! Diana! Diana!
Regina delle streghe!
E della notte oscura,
E di tutta la natura!

Delle stelle e della luna,
E di tutta la fortuna!
Tu che reggi la marea,
Che risplendi il mare nella sera!
Colla luce sulle onde,
La padrona sei del oceano,
Colla tua barca, fatta,
Fatta à mezza luna,
La tua barca rilucente,
Barca e luna crescente;
Fai sempre velo in cielo,
E in terra sulla sera,
E anche à navigare
Riflettata sulla mare,
Preghiamo di dare a questo,
Questo buon Melambo,
Qualunque parlare
Di qualunque animali!”

ПРИЗЫВАНИЕ ДИАНЫ КАК ЗМЕИНОЙ МАТЕРИ

Диана, Диана, Диана!
Царица колдуний
И тьмы ночной,
И всей природы,
Звезд и луны,
Судьбы и доли благой!
Ты, кто правит приливами,
Кто сияет ночью порой над морем
И льет свет на воды;
Владычица океана,
Плывущая в полумесяце-лодке,
В сияющей лодке-месяце,
Улыбающаяся в небесах,
Плывущая над землей,
Отраженная в океанских водах;
Молим тебя, подай этому спящему,
Этому доброму Меламбо
Великий дар понимания
Всего, что говорят живые твари.

В этой легенде есть множество интересных элементов: помимо всего прочего, призывание светляков, Мефитии, богини малярии, и длинное поэтическое пророчество о судьбе героя. Она очевидным образом полна старого латинского мифологического знания самого примечательного характера. Всю ее целиком можно будет найти в ожидающей выхода работе автора этой книги под названием «Неопубликованные легенды Вергилия» (Лондон, «Эллиот Сток»).

ДИАНА, ПОДАТЕЛЬНИЦА КРАСОТЫ И ВОССТАНОВИТЕЛЬНИЦА СИЛ

Диана обладает силой делать всякие вещи, возвеличивать простых, давать богатство бедным, радость сокрушенным, красоту безобразным. Если ты веришь в нее, не печалься; будь ты во тьме или в заключении, она подаст свет; и много тех, кого она низвергла, чтобы затем вознести еще выше.

Был в старину в Монтерони один парень, уж такой безобразный, что случись какому путнику проезжать через город, ему показывали этого Джанни — это так его звали — навряде достопримечательности. И был он собой нехорош, зато богат, хотя и происхождения никакого; себе цену знал и храбро надеялся заполучить в жены какую-нибудь молодую красотку из общества.

А тут приехала в Монтерони жить одна чудо какая прекрасная *biondina*, то бишь, девушка светловолосая, благородная да обходительная, в которую Джанни со всем его привычным бесстыдством тут же храбро влюбился и получил, как обычно водилось, от ворот поворот.

Только вот на этот раз был он околдован куда больше прежнего, потому что в ход пошли силы, о которых он не ведал; обезумел парень от страсти, стал, как одержимый, и торчал у дома той дамы день и ночь и все искал возможности туда ворваться и завладеть ею или какой-нибудь хитрой уловкой схватить ее и увезти.

Но все его планы успеха не имели, потому что была у той дамы всегда при себе особая кошка, и разуму в ней — поболе

иного человеческого, и всякий раз, как Джанни приближался к ней или к дому ее, кошка за ним следила и поднимала тревогу, ужасно шумела. В облике ее было что-то такое неземное и что-то такое жуткое — в громадных зеленых глазах, сверкавших, как факелы, что и самый храбрый храбрец устранился бы.

Как-то вечером решил Джанни, что глупо бояться какую-то там кошку, которая только детей пугать способна, да и ринулся на штурм со всей своей отвагой. Взял он лестницу, принес и приставил к дамочкиному окну. И вот поставил он уже ногу на ступеньку, как вдруг, откуда ни возьмись, рядом с ним старуха, и принялась она умолять его не упорствовать в своем намерении.

— Потому что ты хорошо знаешь, Джанни, — говорила она, — что дама такая — не про твой сказ; такие, как ты, ее пугают, да и только. Беги домой да в зеркало глянь: вот и она будто на смертный грех в человечьем обличье глядит.

И закричал на нее Джанни страшным криком: я, мол, сам себе голова и как сказал, так и будет, а тебя, чертову бабу, старуху, я прибую, да и девку с тобой тоже!

И, сказав так, кинулся он к лестнице. Но прежде чем открыл окно и влез в него, уже наверху, почувствовал он, что как будто бы сам собой обратился в камень или в деревяшку, и шевелиться боле не способен.

И стало ему тут ужасно стыдно, и сказал он:

— Скоро тут весь город будет, поглядеть на мой позор. Но есть у меня одна последняя мольба.

И закричал:

— О, *vecchia!* Ты хотела мне больше добра, чем мог я постичь. Прости же меня, прошу тебя смиренно, и из этой напасти меня вызволи! А если, как я смекаю, ты и вправду колдунья, и если я, став колдуном, освобожусь от всех невзгод своих, то, молю, научи меня, как мне все это сделать, чтобы заполучил я эту даму, потому что я вижу теперь, что она твоего племени, и я должен тоже таким быть, чтобы стать ее достойным.

И тут увидел Джанни, что старуха, будто свет от фонаря, поднялась с земли в воздух и полетела к нему, и сняла его с лестницы, а свет-то — гляди-ка! — это уже кошка, которая ведьмой была, и сказала она ему:

— Отправишься ты вскорости в далекий путь и встретишь по дороге едва живую клячу, и тогда так ей скажи:

“Fata Diana! Fata Diana! Fata Diana!

Io vi scongiuro

Di dare un po di bene,

A quella povera bestia!”

E poi si trovera

Una grossa capra,

Ma un vero caprone,

E tu dirai:

“Bona sera, bel caprone”,

E questo ti risponderà

“Buona sera galantuomo

Sono tanto stanco, io

Che non mi sento —

Di andare più avanti”.

E risponderai al solito,

“Fata Diana vi scongiuro,

Di dare pace e bene

A questo caprone!”

Фата-Диана! Фея-Диана! Фата-Диана!

Заклинаю тебя подать немного блага

Этой бедной твари.

Потом найдешь ты большого козла,

Настоящего такого козла, мужеска пола, и тогда ска-

жешь: «Добрый вечер, честной козел!» И ответит он:

«И тебе вечер добрый, честной господин! Так устал я,

что не несут меня дальше ноги». И ответишь ты, как

обычно:

Фея Диана, заклинаю тебя

Подать этому козлу мир и покой!

И тогда войдем *мы* в великий зал, и увидишь ты там множество прекрасных дам, которые попытаются тебя очаровать, но пусть каждой будет твой ответ: «Та, что люблю я, теперь в Монтерони».

— А теперь Джанни, к коняге: садись верхом да помчали!

И сел он верхом на кошку, которая понеслась быстрее мысли, и нашел ту кобылу, и сказал над ней заклинание. А она оборотилась женщиной да и сказала ему:

In nome della Fata Diana!
Tu possa divenire
Un giovane bello
Bianco e rosso!
Di latte e sangue!

Во имя феи Дианы!
Стань же ты отныне
Пригожим юношей,
Алым да белым,
Как кровь с молоком.

И после встретил он козла и заклинал его тем же образом, и сказал козел:

Во имя феи Дианы!
Будь же ты разряжен почище принца!

А потом был и зал, где красавицы-дамы его обольщали, но всем им он отвечал, что любовь его в Монтерони.

А потом он ничего уже не знал и не помнил, а только проснулся и был воистину в Монтерони, да сам уже превратился в пригожего юношу, так что никто его не признал. Женился он на своей красавице, и жили они с того дня тайной жизнью колдунов и ведьм, а ныне они в Стране Фей.

ПРИМЕЧАНИЕ

В качестве любопытной иллюстрации к тому факту, что вера в Диану и прочих божеств Римской мифологии в связи с дивинацией до сих пор бытует у итальянцев «из народа», могу упомянуть, что уже после того, как работа эта отправилась в типографию, я за два сольди (то есть, один пенни) приобрел небольшую брошюру, где речь шла о том, как при помощи заклинания или эвокации, а также работы с числами не только Диану, но и еще тридцать одно божество можно заставить давать ответы на некоторые вопросы. Содержание ее, вероятно, было почерпнуто из какого-нибудь старого манускрипта, так как нашел и перевел ее, по утверждению издателя, П.П. Франческо де Вилланова Монтелеоне. Книжка делилась на две части, одна из которых называлась «Цирцея», а вторая — «Медея».

Так как в работах подобного рода непременно должны быть картинки, Цирцею предворяло изображение на редкость безобразной старухи в абсолютно современном одеянии с шалью и домашним чепцом, украшенным лентами, держащей в руке простой подсвечник. Перед нами совершенный идеал обычной гадалки-предсказательницы, так что возможно для составителя данной книги слова «*Maga Circe*» означали просто-напросто персону вот такого рода. Медея, впрочем, оказалась довольно правильной и даже художественной: колдунья изображалась за приготовлением магического омовения и была, вероятно, взята из какой-нибудь книги по мифологии. Оно всегда так в Италии, где самые гротескные и современные переложения классических тем перемешаны с не менее корректными и прекрасными — многие примеры которых как раз и содержатся в настоящей работе.

МАРГАРЕТ ЭЛИС МЮРРЕЙ

БОГ ВЕДЬМ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Так как эта книга предназначена и для широкой публики, и для тех, кто специально изучает антропологию, источники цитат в тексте приводятся не всегда. Для желающих исследовать данный предмет более углубленно в конце книги приводится библиография по всем главам¹. За полным списком английских источников обратитесь к работе Уоллеса Нотенштейна «История ведовства в Англии» (Вашингтон, 1911). В моей книге «Ведовской культ в Западной Европе» (Оксфорд Университи Пресс, 1921) библиография охватывает преимущественно Британские острова, Францию, Бельгию и Швецию.

Хотя предметом моего интереса является бытование первобытной религии в период Средних веков исключительно в Западной Европе, нет сомнений, что культ этот в давние времена был распространен также в Центральной и Восточной Европе, а еще на Ближнем Востоке. Там он прекрасно пережил, хотя и в скрытой форме, официальную религию региона: в Европе это было христианство, а на Востоке — ислам и иногда тоже христианство. Образованные люди этих стран пребывали в лоне господствующей религии, и, как следствие, Древняя Вера редко находила себе дорогу в летописи и хроники, так как язычество там — как и здесь — оставалось достоянием бессловесных неграмотных масс, которых Новая Вера в течение многих веков никак не касалась. Я даже не пыталась привести здесь все известные примеры верований и ритуалов «ведьм», но хотела лишь представить читателям достаточно полный обзор культа с опорой на современные ему источники. Кроме того, я по мере возможности сравнивала ведовской культ с прочими религиями древности и нынешних дней.

Мне хотелось бы выразить благодарность моей сестре, миссис М.Э. Слейтер, и мистеру Дж. Э. Уэйнрайту за любезную помощь и многочисленные ценные замечания; а также мистеру Ф. Раттеру, секретарю Городского Совета Шефтсбери, за столь отзывчиво предоставленную им информацию касательно Призовой Метлы.

¹ В настоящем издании библиографические ссылки приведены в постраничных примечаниях. — *Примеч. ред.*

И в заключении у меня есть одна просьба к читателям. Со времени выхода «Ведовского культа в Западной Европе» я получила множество писем с критикой этой книги как положительной, так и крайне отрицательной. Если мои корреспонденты сделают мне честь, прислав в частном порядке критические суждения относительно этой новой работы, я прошу их подписывать свои письма, даже если в них выражается мнение, противное моему. Анонимные послания — а их я получаю в больших количествах — не вызывают никакого доверия к отправителю.

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы весьма много было написано об изменениях, эволюции и преемственности материальной культуры с палеолитического периода и до Римской эпохи, когда появились первые письменные источники о том, что мы теперь называем Западной Европой. Миграция племен, рост торговли и развитие цивилизации были прослежены историками с известной точностью. Конец палеолита в Европе связывают с Капсиейской культурой, имевшей африканское происхождение и способствовавшей быстрому наведению мостов через пропасть между палеолитической и неолитической цивилизациями. Наибольшее внимание уделялось материальной стороне жизни, так как предметов быта древнего человека с тех времен сохранилось очень много. Изобразительное искусство и пластика самых отдаленных от нас во времени периодов также подверглись тщательному изучению, так как именно по произведениям искусства и ремесла ученые смогли проследить ментальное развитие человека эпохи палеолита и неолита. Однако религия той эпохи до сих пор оставалась в совершеннейшем небрежении, за исключением немногочисленных упоминаний богинь-матерей и погребальных обычаев. Изучающие древние религии возводят свой предмет к раннему бронзовому веку на территории Ближнего Востока и полностью игнорируют Европу каменного века; в качестве последнего рубежа они ставят возникновение христианства, а исследование этой религии уже относится к сфере ведения теологии. Существует, тем не менее, непрерывная последовательность верований и ритуалов, которые можно проследить от палеолитического периода и вплоть до наших дней. Между тем, успешно изучать религии — будь они древними или новыми — можно только антропологическими методами.

Постхристианскую эпоху в Европе, и особенно Средние века, все авторы описывают с позиций служителей церкви, историков, художников, филологов либо экономистов. Антрополог в итоге оказывается ограничен дохристианским периодом или уже современными дикарями. А ведь средневековая Европа представляет собой одно из великолепнейших полей исследования для всякого, кто изучает Человека. В этой

книге я работала только с одной линией, решив проследить антропологически бытование исконного европейского религиозного культа и его взаимоотношения с экзотической привнесенной религией, которая, в конце концов, над ним возобладала. Я рассмотрела феномен поклонения Рогатому Богу на протяжении ряда веков, начиная с палеолитических прототипов, и показала, что своим выживанием этот культ обязан выживанию поклонявшихся данному богу племен, так как эта вера не сумела бы сама устоять против нашествия других племен и других религий, если бы ее собственная страта не было достаточно сильна, чтобы сохранить и поддержать в ней жизнь.

При тщательном изучении исторических данных, становится ясно, что страта эта состояла из потомков палеолитических, неолитических и «бронзовых» народов, первые из которых были охотниками, а вторые и третьи занимались скотоводством и земледелием. У всех них культ Рогатого Бога занимал совершенно исключительное положение, так как и охота, и скотоводство были жизненно важны. Даже после повсеместного развития сельского хозяйства Рогатый оставался великим богом и не утратил своего трона даже с наступлением железного века. И только с подъемом христианства, в рамках фундаментальной доктрины которого все нехристианские божества сразу попадали в разряд дьяволов, культ Рогатого Бога начал приобретать дурную репутацию.

Сама идея разделения некой высшей силы на две — злую и добрую — есть достояние религии, достаточно продвинутой и утонченной. В более примитивных культах божество само по себе есть источник всего — как хорошего, так и дурного. Монотеизм ранних религий — сам по себе явление примечательное, так как у каждого небольшого поселения — ну, хорошо, у группы поселений — было свое собственное божество, мужского или женского пола, чья сила была неразделима с силой его верующих. Политеизм, судя по всему, возник при слиянии племен в единое целое. Когда племя, поклонявшееся богу-мужчине, объединялось с племенем богини, союз людей на религиозном плане символизировался браком богов. Когда при мирной ассимиляции новый бог вытеснял старого, он становился сыном предшественника. Когда же вторжение имело военный характер, бог-завоеватель наделялся исключительно

благими свойствами, в то время как бог побежденных занимал подчиненное положение и считался победителями отцом всякого зла — подчас более устрашающим, чем собственный их законный бог. В Древнем Египте процесс «понижения ранга» верховного бога до «дьявола» прекрасно иллюстрирует бог Сет, который в былые времена являлся подателем всяческих благ не в меньшей степени, чем потом, после него — Осирис, а затем впал в такую немилость, что повсюду, за исключением его культового города, даже имя и образ его суровейшим образом уничтожались. Изучая Рогатого Бога, следует все время держать в голове это низвержение от божественного достоинства до дьявольского.

Очень немного дошло до нас от палеолитического человека, кроме его кремневых орудий, покрытых росписью и скульптурами пещер, резных костей и нескольких черепов. В ледниковый период он жил в пещерах, как о том свидетельствуют найденные вместе с ним животные. И у него были определенные ритуалы, религиозного или магического характера, в которых ведущую роль играл рогатый человек, по всей вероятности — бог. Точно так же несомненно, что должно было иметь место и поклонение женскому началу, однако, культ Рогатого Бога как такового появляется лишь на куда более позднем этапе развития.

О религии неолитического периода в Западной Европе не известно ничего, кроме погребальных обрядов. Боги не оставили в них никакого приметного следа, хотя некоторые женские фигурки, вполне возможно, могли изображать богинь. Но с наступлением бронзового века Рогатый Бог внезапно начинает встречаться по всей Европе, от востока до запада. Неистовые племена, принесящие железный век, уничтожили большую часть предшествовавшей цивилизации, а, возможно, и тех племен, что обитали в этом регионе до них — за исключением немногочисленных потомков неолитических и «бронзовых» народов, которых вытеснили в низины и на болота, где возделывать землю в те времена было крайне неудобно и куда жители долин соваться боялись. Сколь бы ни были бессильны болотные жители против нового оружия, они каким-то образом вселяли ужас в завоевателей. Если между двумя народами и велась война, это были партизанские вылазки, в которых Малый Народ имел очевидное преимущество перед

медлительными землепашцами. Впрочем, в конце концов, между ними должны были установиться какие-то отношения. И то ли благодаря торговле и межплеменным бракам культ Рогатого Бога вновь занял свое место среди возделывателей земли, то ли, что более вероятно, люди железного века принесли его с собственной родины или нашли в процессе медленной миграции через европейские территории, ясно одно: Рогатый сохранил положение верховного бога.

Вполне вероятно, что в этот период завоеватели использовали крест как магический метод устрашения и отпугивания жителей холмов. Крест уже был в ходу в качестве священного символа в Восточной Европе бронзового века. Железным веком датируется Уайтлифский крест, вырезанный в мелу Чилтернских холмов, откуда он простирает свои защитные силы на жителей нагорий. Известно, что когда речь заходит о ведьмах или фейри, один только крест может выстоять против них, в то время как другие священнейшие христианские предметы и эмблемы никакого действия не имеют. Даже в XVII веке Синистрари д'Амено пишет: «Чудеснейший и необъяснимейший факт, что инкубы не слушаются экзорцистов, ничуть не боятся экзорцизмов, не питают никакого почтения к святым предметам, присутствие которых не внушает им ни малейшего благоговейного страха. <...> Все эти испытания «(изгоняющие прочь всех злых духов)» инкубы выдерживают, даже не пытаются спастись бегством и не выказывая никакой робости; иногда они смеются над экзорцизмами, бьют самих экзорцистов и рвут священные облачения»¹. Из всего этого он делает вывод, что инкубы смертны и обладают душами, подобно людям. Данное свидетельство убеждает нас в том, что глубоко укоренившийся страх креста не имеет отношения к христианской символике, но восходит к периоду за несколько веков до христианства.

Римская религия не привилась на Британских островах и не пользовалась особым вниманием в Галлии. Римляне называли британских и галльских богов римскими именами, но сама религия романизирована не была, и ни один латинский бог не сумел прочно пустить корни на западе Европы. Старые

¹ Sinistrari de Ameno, L.M., *Demoniality*, pp. 35, 131, ed. 1879. — *Здесь и далее примечания автора, если не указано иное.*

боги продолжали властвовать, ничуть не затронутые иностранным влиянием. Храм, возведенный на вершине Пюи де Дом, был посвящен богу, которого римляне называли Меркурием, а верующие в него — Думусом; Кернуннос, невзирая на свое латинизированное имя, встречался во всех частях Галлии. Из подлинных имен местных божеств Великобритании до нас дошли очень немногие, а ритуалы их заслужили лишь весьма беглое и пренебрежительное внимание римских хронистов.

Когда христианство впервые явилось на британские берега, оно пришло с запада и утвердилось, прежде всего, в народе, а не среди властителей страны. Столетия спустя другие миссионеры явились с востока. К этому времени христианская церковь уже стала более организованной, более догматичной, более склонной к прозелитизму. Основной удар потому пришелся не на простой люд, а на царствующие семейства и, в особенности, на королей, пользовавшихся огромным и всем известным влиянием. Последовательные вторжения пришлых язычников — датчан, норвежцев, англов, ютов и саксов, которые затопляли страну и брали ее под свою руку, только усиливали язычество местное. Рассуждая о ранней истории христианства в Британии, следует все время помнить, что принесшие его на восточное побережье люди были иностранцами, которые так никогда и не слились с местным населением. Августин происходил из Италии, и в течение более чем века ни один уроженец Британии не сумел занять в Церкви высокого поста. Теодор Тарский с помощью мавра Адриана в VII веке утвердил в Англии церковь, высшие посты в которой занимали итальянцы и прочие выходцы из чужих земель. Миссия Августина и ее последователи сосредоточили свои усилия в основном на властителях страны и уже через них навязывали свою пришлую, экзотическую религию упрямому и сопротивляющемуся народу. Ситуация выглядит очень наглядной, особенно в правление Кнута, обратившегося в христианство всего за пару поколений до норманнского завоевания. Охваченный рвением неопита, он пытался искоренить язычество при помощи законодательных актов.

Но как бы того ни хотели сторонники теории Полного и Законченного Обращения, ни одна религия не способна испустить дух эффектно и в одночасье. Постоянный приток

язычников на протяжении нескольких веков более чем уравновешивал и без того небольшое количество иммигрантов-христиан. Страна в итоге, скорее всего, была вполне языческой при христианских правителях и христианской же аристократии. Примерно так же обстояло дело в Испании при мусульманах. Власти там были одного вероисповедания, а народ другого, и народная религия постоянно получала приток сил из-за границы. Однако в испанском примере народная религия, организованная светской властью, успешно сбросила привнесенный извне культ. В Англии же окончательная победа осталась за норманнами, чей повелитель был той же веры, что и побежденный им король; сами норманны, как и англичане, в массе своей оставались приверженцами Старой Религии, так что завоевание ничего в целом не изменило в относительном паритете двух вер. И так, несмотря на то, что властители проповедовали христианство, широкие народные массы по обыкновению следовали старым богам, и даже в высших церковных эшелонах духовенство нередко служило одновременно языческим божествам и христианскому богу и преспокойно отправляло «нечестивые» ритуалы. Так в 1282 году священник в Инверкейтинге самолично исполнил танец плодородия вокруг церковного двора¹; в 1303 году епископ Ковентри вместе с другими духовными лицами своей епархии поклонялся некоему божеству в облике животного²; в 1453 году, за два года до реабилитации Жанны д'Арк, приор Сен-Жермен-ан-Лэ отправлял те же обряды, что и помянутый епископ³. И уже в 1613 году де Ланкр сообщал, что в Нижних Пиренеях «большая часть священников — колдуны»⁴, а мадам Бургиньон в 1661 году в Лилле писала: «Город не видал более многолюдных ассамблей, чем эти шабаши, куда собирается люд всех сословий и положений, стар и млад, бедные и богатые, благородного и низкого происхождения, но в особенности всевозможные монахи и монахини, священники и прелаты»⁵. Политический

1 *Chronicles of Lanercost*, p. 109, ed. Stevenson, 1839.

2 Rymer, T., *Foedera*, II, p. 934, ed. 1704.

3 Chartier, Jean, *Chronique de Charles VII*, III, pp. 40—45, ed. Vallet de Viriville, 1858.

4 De Lancre, P., *Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges*, p. 56, ed. 1613.

5 Bourignon, Antoinette, *La Farole de Dieu*, pp. 86—87, ed. 1683.

аспект организации получил весьма наглядное освещение в материалах процесса над Норд-Бервикскими ведьмами, которые по наущению своего Великого Магистра пытались умертвить короля Иакова VI Шотландского. Еще один пример можно обнаружить в елизаветинских государственных бумагах: «Имена заговорщиков супротив Ее Величества, разнообразно и многократно злоумышлявших на жизнь ее и ежедневно супротив нее сообщавшихся — Старый Биртлс, великий дьявол; Дарналли-колдун; Мод Ту — хорошая колдунья, да старая ведьма из Рамсбери»¹.

Вильгельм Завоеватель опустошил и разорил чуть ли не половину своего нового королевства; восстановление популяции диких местностей, судя по всему, во многом осуществлялось за счет потомков неолитических и «бронзовых» культур, которых от массовой резни спасли единственно отдаленность и малодоступность мест их обитания. Именно там процветала Старая Вера, и внешнее, формальное подчинение христианству устанавливалось очень медленно и понемногу и только посредством компромиссов, на которые пришлось идти Церкви, разрешая кое-какие практики и сохраняя кое-какие священные изображения пусть даже под другими именами.

Реформация, вероятно всего, оказала на Британию примерно такое же воздействие, как магометанское завоевание — на Египет. Мусульмане обнаружили, что в городах долины Нила утвердилось христианство, в то время как среди сельскохозяйственного населения благополучно процветает низвергнутое со своего пьедестала язычество. Ислам пронесся через всю страну, как лесной пожар; новообращенные были в основном из язычников, а не из христиан. И в Великой Британии призыв Реформации, как и призыв еще более фанатичного ислама, был обращен именно к языческому населению, но с той разницей, что в Англии на него — уже по политическим причинам — ответили еще и высшие классы. Именно тогда водораздел между христианством и язычеством обозначился более четко; Старая Вера постепенно стала достоянием низших классов общества, а также тех, кто жил вдали от любых центров цивилизации.

¹ *Calendar of State Papers*, 1584.

Средневековые хроники доказывают, что древнего бога все еще помнили в разных частях страны, но для христианского летописца он теперь был врагом новой религии, что отождествляло и уравнивало его с самим Принципом Зла, то есть, иными словами, с дьяволом. Этот ход — что любой бог отличный от общепринятого, должен непременно быть злым — не является исключительной прерогативой ни христианства, ни Средних веков. Святой Павел в первом Послании к коринфянам выражает ту же самую точку зрения: «[Нет], но что язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу. Но я не хочу, чтобы вы были в общении с бесами. Не можете пить чашу Господню и чашу бесовскую; не можете быть участниками в трапезе Господней и в трапезе бесовской» (I Кор. 10:20—21). Автор Книги Откровения не менее категоричен, когда называет великолепный алтарь Зевса в Пергаме тронем врага рода человеческого: «Знаю твои дела, и что ты живешь там, где престол сатаны» (Откр. 2:13). Себастьян Михаэлис в 1613 году выражается не менее определенно: «Боги турок и боги язычников суть все дьяволы». В Индии индуисты, мусульмане и христиане все зовут богов аборигенных племен «дьяволами». Мирных и кротких йезидов современной Месопотамии, чей бог воплощен в павлине или в черной змее, соседи-мусульмане клеймят «дьяволопоклонниками». Даже в XIX веке христианские миссионеры всех деноминаций, отправлявшиеся обращать язычников в любую часть света, называли людей, среди которых работали, не иначе как демонопоклонниками, а многие искренне верили, что те, кому они проповедуют, обречены адскому пламени, если только не обратятся к христианскому богу. Боги язычников часто наделялись вредоносными, злыми магическими способностями, мистическим образом передававшимися жрецам. Супротив этих адских сил христианские миссионеры укрепляли себя силой небесной; вера в то, что диавол был побежден архангелом Михаилом, за которым стояла вся мощь Всемогущего, придавала им храбрости в этой битве.

Антропологические исследования во многом изменили этот незрелый подход к религиозным верованиям других народов и стран. В наши дни считать ислам, буддизм или индуизм изобретением Нечистого было бы уже совершенно нелепо,

и даже к фетишам и идолам более дикарских народов относятся с уважением — как к объектам, священным для их почитателей.

Но хотя сейчас ни у кого уже не вызывает трудностей понимание того факта, что за пределами Европы существуют «языческие» религии, христиане все еще уверены в том, что их религия — настолько сущностно европейское явление, что после ее проникновения в этот регион в нем просто не могло остаться никакой другой веры. Все свидетельства, однако, приводят к совершенно другим выводам. Вплоть до периода норманнского завоевания правовые документы свидетельствуют, что хотя правители страны могли и быть номинальными христианами, народ оставался открыто языческим.

Весьма возможно, что церковный запрет изображения Распятия как агнца на кресте объяснялся стремлением провести различие между христианским богом и языческим. Агнец, будучи животным рогатым, мог легко оказаться перепутан с рогатым божеством язычников.

Разорение страны Завоевателем никак не увеличивало привлекательность христианства в глазах несчастного народонаселения, и Старая Вера вполне могла сохраниться хотя бы в качестве протеста против ужасов, навлеченных на страну поклонником нового бога. И то, насколько часто, по слухам, дьявол являлся людям в правление Вильгельма Рыжего (Руфуса), в этом отношении весьма показательно.

В XIII веке Церковь положила начало своему затянувшемуся конфликту с язычеством в Европе, объявив «ведовство» сектой и ересью, и только в XIV-м эти две религии сошлись в открытой схватке. Епископ Ковентри в 1303 году сумел избежать наказания, по всей вероятности, потому, что принадлежал к обеим верам, но уже следующий процесс был победоносно доведен до конца. В 1324 году епископ Оссорский привлек даму Алису Кителер к церковному суду за почитание бога, который совершенно не был христианским. Обвинение подтверждалось свидетельствами, которые дама как бы и не отрицала; дело, однако, было в том, что обвиняемая оказалась слишком высокого ранга и сумела ускользнуть из лап епископа. Не так повезло ее сообщникам, которые сполна заплатили на костре за отмежевание от Церкви. Следующим шагом стало расследование по делу о Старой Вере в Берне, дошедшее

до нас в виде «Формикария» Иоганна Нидера. Но и здесь Церкви достались лишь беднейшие члены «секты» — богатые были слишком могущественны для смертного приговора и потому ушли невредимыми.

XV век ознаменовался первыми большими победами Церкви. Начиная с лотарингских процессов 1408 года Церковь двинулась победоносным маршем сначала на Жанну д'Арк и ее последователей в 1438-м, затем на Жиля де Ре и его общину в 1440-м и на ведьм из Брешии в 1457-м. К концу века власть христианства утвердилась уже так прочно, что Церковь сочла момент подходящим для организованной атаки: в 1484 году папа Иннокентий VIII издал буллу против «ведьм». На всем протяжении XVI и XVII веков бушевала битва. Язычники вели вежливую, хотя и проигрышную кампанию против безжалостного и неразборчивого в средствах врага, оспаривая у него каждый дюйм поля боя. Поначалу фортуна время от времени склонялась на сторону язычников, но церковная политика распространения влияния духовенства на правителей и законодателей оказалась беспроигрышной. *Vae victis*¹ тоже было у христиан на вооружении. Священники-паписты радостно обрекали тысячи огню, а пасторы Реформированной Церкви наседали на законодателей, дабы те примерно наказали «дьяволопоклонников». С какими чувствами злосчастные жертвы взирали на хваленого Бога любви, Подателя Мира, чьи жрецы предавали их на страдания и смерть? Удивительно ли, что они цеплялись за свою прежнюю веру и предпочитали скорее умереть в несказанных мучениях, чем отречься от своего бога?

¹ Горе побежденным (лат.).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОГАТЫЙ БОГ

Бог старой религии всегда становится дьяволом новой.

Самое раннее известное нам изображение божества найдено в пещере Троих Братьев в Арьеже и датируется поздним палеолитом. Это фигура мужчины, одетого в шкуру оленя и с его же рогами на голове. Шкура животного покрывает все его тело; руки и ноги словно бы видны сквозь прозрачный материал. Таким образом зрителя оповещают, что перед ним все же замаскированный человек. Лицо окаймлено бородой, глаза большие и круглые, однако, не совсем понятно, намеревался ли художник изобразить этого человека-зверя в маске или же с открытым лицом.

Рогатый человек изображен в верхнем регистре стены пещеры; под ним и вокруг нарисованы животные — с мастерством, характерным для палеолитического искусства. Из взаимного расположения всех фигур явствует, что человек тут главный и что он отправляет некий ритуал, в котором участвуют также и животные. Состоит ритуал, по всей видимости, из танца, подразумевающего определенные движения ног и рук. Обращает на себя внимание следующий факт: хотя животные расположены так, что зрителю они хорошо видны, рогатый человек оказывается в поле зрения, только если наблюдатель стоит в самой труднодоступной части пещеры. Остается заключить, что изображение это считалось особенно священным и намеренно было помещено там, где его не касались взгляды простых людей.

Время создания этой картины настолько отдалено от нас, что сейчас уже невозможно сделать никаких выводов относительно его значения и смысла иначе как по аналогии с другими историческими и современными примерами. Впрочем, примеры эти достаточно многочисленны, чтобы утвердить нас во мнении, что это воплощение божества, которое посредством священного танца вызывает природу поголовья животного, в облике которого выступает.

Хотя человек-олень — самый значительный из рогатых персонажей палеолитического периода, существует великое множество более мелких изображений людей в масках и с рогами на небольших предметах из кости и рога. Эти фигуры обычно нарисованы с рогами козла или серны и в процессе сольного или группового танца. Есть один пример, где рогатый человек не просто пляшет, но и аккомпанирует себе на некоей разновидности смычкового инструмента. Единственное палеолитическое изображение человека, найденное в Англии (Пинхоул-кейв, Дербишир), — это весьма известная резьба по кости, где персонаж носит маску в виде лошадиной головы.

Искусству палеолита внезапно и окончательно пришел конец еще до наступления неолитической эпохи. В Европе оно полностью сошло на нет и, судя по всему, не оказало никакого влияния на более поздние периоды. От неолитических людей в плане искусства осталось очень немного; из человеческих фигур это почти исключительно женщины, мужчина в маске совершенно отсутствует. Но как только наступает бронзовый век, он возникает снова — и прежде всего на Ближнем и Среднем Востоке, то есть, в Египте, Месопотамии и Индии. На Ближнем Востоке фигуры могли быть как женскими, так и мужскими, с бычьими, бараньими или козлиными рогами¹. Оленьих среди них не встречается — вероятно, по той причине, что олень совсем не водился в этих землях или был настолько редок, что промыслового значения не имел.

В Месопотамии рогатые боги были распространены достаточно широко, как в Вавилоне, так и в Ассирии. Медная голова, найденная в одном из погребальных кладов Ура, — весьма ранний пример; возможно, она старше самой первой египетской династии. Она примерно в половину натурального размера, а стиль и мастерство демонстрируют продвинутую стадию металлообработки. Белки глаз были первоначально инкрустированы известняком или перламутром, а радужки — ляпис-лазурью. Голова увенчана двумя рогами. В чуть более поздний период это число будет указывать на то, что носитель их — божество низшего порядка, ибо на протяжении многих веков о положении бога в иерархии вавилонского пантеона

¹ Много примеров рогатых богов можно найти в любом хорошем учебнике по истории религии в Древнем Египте, Вавилонии и Греции.

свидетельствовало количество его рогов: великие боги и богини носили по семь рогов, по какой-либо причине и божественный Агнец из Книги Откровения обладает семью рогами. Двурогие божества Вавилонии столь многочисленны, что были, по всей вероятности, богами первобытных аборигенов, которым пришлось занять подчиненное положение после введения в пантеон великих богов; этим последним дали побольше рогов, чем малым богам, в знак их более высокого положения. Рога сами по себе были признаком божественности. Когда царь или верховный жрец выступал в роли бога Ашура, а его царица или верховная жрица — в роли супруги бога, Иштар, их головные уборы должны были нести правильное количество рогов, дабы царственная чета воспринималась как боги во плоти. Когда Александр Великий возвысился превыше всех царей земных и провозгласил себя богом, в знак этого он должен был надеть рога — отсюда и прозвище, которым его именуют в Коране — Зул-Карнайн, Двурогий. В Египте рога его почитались атрибутом Амона, верховного божества.

Малое божество, встречающееся во всех частях Вавилонии и во все периоды ее истории, носило имя Энкиду и выглядело как мужчина с двумя рогами. Его изображают сражающимся с животными или с посохом в руках, однако, основная его обязанность — быть стражем дверей. Голова у него украшена двумя рогами, тело — человеческое, а ниже пояса он — бык. Иногда ноги выглядят тоже человеческими, но копыта всегда изображены достаточно четко, а хвост прямо-таки бросается в глаза. Короче говоря, данный персонаж вполне отвечает описанию христианского дьявола — рога, копыта и хвост на месте. Но в глазах жителей Вавилонии раннего периода никаким дьяволом он не был, а его изображение — иногда целую фигуру, иногда одну только голову — носили в качестве амулета против всякого зла и неудачи. Считалось, что оно обладает великими охранительными силами, и амулеты такие были в ходу по всей Вавилонии. Это доказывает, что великий семирогий храмовый бог, покровительствовавший прежде всего царской семье, не был в особой чести у простого народа, и настоящими защитниками и помощниками в делах повседневной жизни выступали малые двурогие божества.

В Египте рогатые боги встречаются на всем протяжении бронзового и железного века. У самого раннего из известных примеров женское лицо и рога коровы — это изображение на палетке Нармера¹, ассоциируемой обычно с первым историческим правителем Египта. Стоит обратить внимание, что за исключением бога Монту, коровьи рога носят исключительно богини, в то время как боги украшают себя бараньими. Главным из рогатых богов Египта был Амон — первоначально локальное фиванское божество, а впоследствии верховный бог всей страны. Обычно его изображают в человеческом облике и с изогнутыми рогами фиванского барана. Геродот упоминает, что на великом ежегодном празднестве в Фивах изваяние Амона заворачивали в баранью шкуру — вероятно, точно так же, как танцующего бога из Арьежа. Атрибутом божественности были рога двух пород овец: у фиванской были изогнутые рога, в то время как обычная древнеегипетская рога имела волнистые и горизонтальные. Именно горизонтальные рога чаще всего и встречаются у египетских богов. Одним из самых важных среди них был Хнум, бог местности, прилегающей к первым порогам Нила. Это был бог-творец, изображавшийся в виде человека с головой барана и горизонтальными рогами. Но величайшим из всех рогатых богов Египта считался, конечно, Осирис; его имя носил каждый фараон в своей ипостаси воплощения бога на земле. Венец Осириса, важной частью которого были горизонтальные рога, представлял собой царскую корону, свидетельствующую перед всеми, кто понимал священные символы, что царь-бог является подателем всего плодородия.

Египетские фараоны рождались на свет божественным путем. Будущий отец божественного дитяти являлся к царице в обличье Амона, при всех регалиях и в том числе при рогах. В этой связи следует отметить, что вплоть до заката истории фараонов в роли божественного отца властителя всегда выступал рогатый Амон.

Есть и еще две параллели между Египтом и танцующим богом из Арьежа. На шиферной палетке, датированной периодом, непосредственно предшествующим началу [письменной] египетской истории, изображен человек с головой и хвостом

¹ Quibell, J. E., *Hierakonpolis*, I, plate xxix.

шакала¹; точно как в Арьеже, у него человеческое тело, руки и ноги; он играет на флейте и, подобно палеолитическому богу, окружен животными. Вторая — церемониальное одяние фараонов, которые по большим праздникам носили бычий хвост, прикрепленный к поясу. Сед-хеб, или Праздник хвоста, когда царь действительно надевал хвост, был одной из самых значительных дворцовых церемоний. Судя по сохранившимся изображениям, фараон с хвостом плясал священный танец в храме перед изваянием бога Мина, ведавшего родом и потомством. Поклонение рогатым божествам сохранялось в Египте вплоть до христианских времен — особенно в связи с культом рогатой Исиды.

Индийские фигурки рогатого бога, обнаруженные археологами в Мохенджо-Даро, относятся к самому раннему бронзовому веку. Их сохранилось довольно много, и в каждом случае совершенно ясно, что изображен человек либо в маске, либо с рогами. Иногда у фигуры человеческое тело с бычьей головой, иногда голова и тело покрыты мохнатой шкурой, видимо, бычьей. Особенно примечательно, что человек с бычьими рогами на голове обычно сидит со скрещенными ногами и, подобно фигуре из Арьежа, окружен животными. Уже в исторические времена такая иконография считалась одной из ипостасей Шивы и носила имя Пашупати («Владыка зверей»). На рельефах Пашупати изображается с тремя лицами, а в круглой скульптуре — с четырьмя. Такой образ — наивная попытка показать всевидящего бога; в Европе таким был четырехликий Янус. До сих пор не вполне понятно, появились ли четырехликие формы в Европе и Индии независимо друг от друга, или перешли из одного региона в другой. Если верна вторая гипотеза, индийский вариант, судя по всему, древнее.

Хотя представляется совершенно невозможным точно датировать возникновение самых ранних легендарных сюжетов Эгейского бассейна, очевидно, что и там Рогатый Бог процветал на всем протяжении бронзового и железного веков.

Лучше всего известен — благодаря связанным с его культом эффектным легендам — минойский бык, Минотавр с острова Крит. Он обладал человеческим телом, бычьей головой

¹ Ibid., II, plate xxviii, ed. 1902.

и рогами; его чествовали священными танцами и человеческими жертвоприношениями. Говорили, что он отпрыск иностранного «быка» и критской царицы, которая на брачной церемонии являлась под видом коровы — иными словами, носила одеяние и маску животного, подобно пляшущему богу из Арьежа. Изображения битвы Тесея с Минотавром показывают последнего в совершенно человеческом обличье и маске быка. Тесея в свою очередь иногда изображают с длинными вьющимися локонами критского атлета. Это предполагает, что данное убийство могло носить на Крите ритуальный характер: человека в маске Минотавра неизбежно убивали в сражении, так как он в таком виде не мог быть достойным противником своему врагу. Фрэзер указывает, что царь Минос каждые девять лет отправлялся к Зевсу, и высказывает предположение, что это просто эвфемизм, обозначающий принесение каждого правителя в жертву в конце отведенного ему срока. В мифе о Тесее фигурирует семилетний интервал, но зато весь остальной сюжет так сильно напоминает другие примеры жертвоприношения царя в битве, что списывать его со счетов было бы неправильно. Тесей отнюдь не положил конец этому обычаю, а просто освободил афинян от многолетней необходимости посылать своих сынов и дочерей в жертву, чтобы они, подобно похищенным феяри детям, «платили десятину преисподней» своими жизнями.

Святость барана в Эгейском регионе в начале бронзового века доказывает легенда о Фриксе и Гелле. Они были детьми семейства, к которому обращались всякий раз, как требовалась человеческая жертва. Геллу умертвили посредством утопления, но Фрикс сумел спастись при помощи божественного животного, которое затем заклал на алтаре — возможно, как замену себе самому. История Ясона предполагает, что руно, вероятно, обладало какими-то божественными свойствами и стоило куда больше, чем соответствующая мера золота.

Из рогатых богов материковой Греции современному миру лучше всех известен Пан, но, тем не менее, он — всего лишь один из многих рогатых богов восточного Средиземноморья. Об его универсальности свидетельствует имя, намекающее, что некогда он был единственным богом в своей местности. Все его изображения достаточно поздние — после V века

до н.э. — но даже в самых ранних формах черты его остаются неизменными: длинное узкое лицо, остроконечная борода, небольшие рожки и козлиные ноги. Культовые сцены изображают его в сопровождении целой процессии пляшущих сатиров и нимф; сам бог при этом играет на свирели, носящей его имя. Облик его интересно сравнить с маленьким танцующим богом палеолита с одной стороны и с Робинот Добрым-Малым с другой. Как любимое людьми малое божество он во многом подобен Энкиду, с которым его объединяют еще и копыта. Хотя все, что мы о нем знаем, датируется концом железного века, сам его культ, без сомнения, чрезвычайно древний и является для Греции исконным.

Еще один рогатый греческий бог — Дионис-бык, закланный, подобно критскому Минотавру. Диониса, говорят, привезли в Грецию откуда-то с севера; культ его, следовательно, иностранного происхождения, а это доказывает, что и за пределами Греции, в тех странах, от которых до нас не дошло никаких письменных источников, в железном веке и, возможно, ранее бытовала вера в рогатое божество.

Немногочисленные наскальные рельефы Скандинавии показывают, что и там в бронзовом веке рогатый бог был хорошо известен. Лишь когда Рим вплотную приступил к своим завоевательным кампаниям, у нас появились какие-то источники о местных богах Западной Европы, и источники эти демонстрируют, что рогатый бог, которого римляне называли Кернунном, был в Галлии одним из величайших, если не верховным. Это самое имя, данное ему римлянами, означает просто «Рогатый». О его статусе и положении на севере Галлии можно судить по изображениям на алтаре, обнаруженном под собором Парижской Богоматери. Датируется он уже христианскими временами; по трем сторонам располагаются малые боги в виде существ небольшого размера, а на четвертой — голова Кернунна, по сравнению с прочими фигурами — громадных пропорций. Голова эта человеческая и, как у арьжского бога, увенчана оленьими рогами, которые в свою очередь украшены кольцами. Это могут быть обручи из ивняка или бронзовые денежные кольца. Как и его палеолитический прототип, бог этот бородат. Алтарь демонстрирует, что, в соответствии с римскими художественными идеалами, божественный персонаж не носит

маски, зато украшен рогами, закрепленными у него на голове. Судя по всему, алтарь принадлежал храму настолько священному, что его местоположение было впоследствии использовано для возведения святилища новой веры. Образ Кернунна присутствует в скульптуре и письменных источниках южной Галлии, то есть, в том самом регионе, где обнаружили соответствующую наскальную живопись. Весьма маловероятно, чтобы культ Рогатого Бога вымер в юго-западной Европе в неолитическую эпоху и пребывал в забвении на всем протяжении бронзового и железного веков, чтобы затем возродиться ровно перед римским вторжением. Было бы логичнее предположить, что культ этот функционировал в качестве одной из важнейших галльских религий и в не отраженный в источниках период — вплоть до христианских времен. Укорененность подобного рода культа среди верующих, вероятно, была достаточно велика; среди необразованного большинства народонаселения и в труднодоступных районах страны он мог сохраняться много веков уже после повсеместного утверждения новой религии.

Рассматривая британские свидетельства, необходимо принимать во внимание близость Галлии и постоянную миграцию народа с одного берега на другой. То, что правда для Галлии, будет правдой и для Британии — при скидке на отличия, являющиеся результатом воздействия на национальный характер и условия жизни других климатических условий.

Большая часть того, что нам известно о рогатом Боге на Британских Островах, происходит из церковных и правовых источников. Поскольку записи обоего рода велись исключительно христианами и в основном представителями духовного сословия, религиозный уклон в них всегда очень силен. Сами верующие были необразованны и не оставили никаких материалов о своих верованиях за крайне немногими исключениями. Раньше всего рогатый человек в маске появляется в Англии в так называемой «*Liber Poenitentialis*»¹ Теодора, архиепископа Кентерберийского, занимавшего этот пост с 668 по 690 год и правившего английской церковью с помощью Адриана-мавра. В это время, если верить церковным хронистам, Англия была практически окончательно христианизиро-

¹ «Уложение о наказаниях» (лат.). Thorpe, B., *Monumenta Ecclesiastica*, II, pp. 32—34, ed. 1840.

рована, а между тем Теодор обрушивается на тех, кто «выступает оленем или быком; сиречь обращает себя в животное дикое и облачается в шкуру домашнего, и головы звериные надевает; тем, кто тако принимает обличье дикой твари, епитимья на три года положена, ибо это диавольщина». Три века спустя король Эдгар¹ обнаружил, что на землях его Старая Вера куда распространеннее официальной религии, и принялся уговаривать «каждого христианина со всяческим рвением приучать детей своих к христианству».

Огромный приток норманнов-язычников при Свейне и Кнute в Англию и при Ролло во Францию, должно быть, явился ужасным ударом по христианству во всей Западной Европе, несмотря на так называемое обращение правителей. Хотя Новая Вера упорно и постепенно захватывала власть, нередко «обращенные» благополучно возвращались в Старую; многие властители крепко держались за религию своих отцов. Именно так обстояло дело у восточных саксов — то есть, в самом влиятельном и могущественном королевстве VII и VIII веков нашей эры. Короли восточных саксов, должно быть, особенно раздражали христианских миссионеров; попеременные приливы и отливы обеих религий в этом отношении весьма показательны. В 616 году умер христианский король Себерт; ему наследовали три его сына, все — приверженцы Древней Религии, которые выбили из страны христиан. Впоследствии новая вера все же обрела почву под ногами, так как в 654 году их наследник снова был «обращен». Еще через десять лет, в 664-м, король Сигер и великое множество его людей снова свергли христианство и вернулись к Древней Вере. Даже когда король и не был явным противником христианства, он действовал в крайне дезориентирующей манере и пытался служить двум господам сразу. Так, согласно Беде Достопочтенному, король Редвальд «в одном и том же храме имел алтарь для принесения Христовой жертвы, и другой, меньшего размера, — для совершения приношений диаволам». К концу IX века целое могущественное королевство Мерсия пребывало под рукой датчан-язычников; Пенда, один из величайших его правителей, отказался изменить своей вере и умер, как жил, правоверным язычником.

¹ Ibid., II, p. 249.

С подобными трудностями Церковь сталкивалась повсеместно. В Нормандии Ролло после обращения сделал богатые подарки христианским храмам и тут же принес своих пленников-христиан в жертву своим старым богам. Скандинавия, которая всегда поддерживала контакты с Британией (Норвегия вплоть до 1263 года удерживала Гебриды), успешно оставалась христианской до XI века. Свейн, сын Гарольда Синезубого, крещенный во младенчестве, вырос и, вернувшись к прежней вере, развязал религиозную войну против своего отца-христианина. В конце XIII века короля Норвегии называли «врагом священников».

Нет никаких сомнений, что исторические источники далеко не полны, и если бы летопись случаев отступничества от христианства велась столь же тщательно, как и обращений в него, стало бы ясно, что правители Западной Европы много веков после прибытия миссионеров христианами являлись разве что по названию. До самого норманнского завоевания христианство лишь тончайшим налетом покрывало толщу язычества. За все предшествующие века христианские епископы и архиепископы сумели добиться от вождей и властителей страны лишь чисто внешнего послушания, в то время как народ и некоторые вроде бы христианские клирики оставались несомненными язычниками.

То, что верующие считали так называемого «дьявола» настоящим богом, явствует даже из тех источников, авторами которых были их самые фанатичные враги. Не в одном случае присутствует ремарка, что «ведьма отказывалась называть его дьяволом», а во многих случаях обвиняемые недвусмысленно называли его богом. Нижеследующие примеры отнюдь не исчерпывающи; они охватывают примерно столетие и почерпнуты из подлинных материалов процессов над ведьмами, а также из сводок и обобщений тех, кто самолично слушал допросы и рассматривал достаточно много дел. Одним из таких авторов был Даней¹. В 1575 году он писал, что «ведьмы считают дьявола своим богом, взывают к нему, молятся и верят в него», а отправляясь на шабаш, всякий раз «повторяют обет, который ему дали, признав его своим богом». Одной из абердинских ведьм,

¹ Danaeus, L., *Dialogue of Witches*, ed. 1575.

преданных суду в 1596 году¹, Агнесс Вобстер, предъявили обвинения в сношениях с Сатаной, «которого ты называла твоим богом». Марион Грант призналась, что имя божественного существа было Христоснадень (Christonday): «Христоснадень повелел тебе называть его Господом и поклоняться ему на коленях как Господу Богу твоему». Инквизитор Боге², благочестиво похвалявшийся, что пытал и казнил множество ведьм во Франции в 1608 году, писал: «Прежде чем приступить к еде, ведьмы благословляют стол свой, но словами, полными богохульства, где Вельзевул провозглашается творцом и хранителем всех вещей». Де Ланкр³, инквизитор Пеи де Лабур (Нижние Пиренеи), в 1613 году замечал, что у ведьм есть «великий Дьявол, господин всего сущего, которому они все поклоняются»; согласно показаниям одной из его жертв, «дьявол заставил их поверить, что он есть Бог истинный»⁴. При этом де Ланкр обобщает: «Наши ведьмы по большей части держат этих демонов за богов»⁵. В 1614 году в Орлеане «говорили они диаволу: признаем тебя владыкой нашим, нашим Богом и создателем»⁶. В Эдмонтоне в 1621 году Элизабет Сойер призналась: «Он приказал мне не молиться больше Иисусу Христу, а только ему, Диаволу»⁷. В Ланкашире в 1633 году некая Маргарет Джонсон «повстречала духа или дьявола, одетого в платье черное с шелковой шнуровкой», который приказал именовать его Мамильоном, «и во всякой беседе и сообщении называла она сказанного Мамильона богом». Гоул, обобщая ведовские верования и практики в 1646 году, сообщает, что ведьмы «обещали почитать его своим богом, поклоняться ему, призывать, повиноваться ему»⁸. Суды над эссекскими и саффолкскими ведьмами произвели большой шум в 1646 году. Ребекка Уэст «призналась, что мать ее постоянно молилась (и как все

1 *Spalding Club Miscellany*, I (1841), pp. 171—172.

2 Bogue, H., *Discours des Sorciers*, p. 137, ed. 1608.

3 De Lancre, P., *Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges*, p. 404, ed. 1613.

4 *Ibid.*, p. 126.

5 *Ibid.*, p. 23.

6 *Wonderfull Discoverie of Elizabeth Sawyer*, C4 rev.

7 Baines, E., *History of the County Palatine and Duchy of Lancaster*, I, p. 607 note, ed. 1836.

8 Gaule, J., *Select Cases of Conscience*, p. 62, ed. 1646.

думали, весьма истово), но она сказала, что это дьяволу, говоря такие слова, О, Господь мой, *Господь мой*, имея в виду его, а во все не бога». Элен Гринлиф также «призналась, что когда молилась, молилась она дьяволу, а не богу»¹. Вдова Коман «в самом деле признала, что заключила с ним соглашение, что он господин над нею и сидит одесную Бога»². Автор «Любезного трактата о ведьмах», чья яростная ненависть к этим злосчастным созданиям может сравниться по ядовитости лишь с инквизиторской, писал в 1673 году, что на шабаше «они воздают ему обычные почести, поклоняются и возглашают его богом своим». В том же самом году в Ньюкасле-он-Тайн Энн Армстронг показала, что слышала, как Энн Бейтс «называет его временами своим защитником, а еще временами благословенным спасителем своим»; а также что «он был защитником их, которого звали они богом»³. Салемская ведьма Мэри Осгуд в 1692 году утверждала, что «дьявол сказал ей, что он ее бог, и ей надлежит служить ему и повиноваться»⁴.

Подобное изобилие свидетельств доказывает, что вплоть до конца XVII века Старая Религия все еще насчитывала немало приверженцев. Дело изрядно запутывали — и, вероятно, со стороны авторов это было намеренно — навязчивое использование термина «дьявол» в христианском контексте как имени бога и клеймение его последователей как ведьм. Следствием этого стал тот факт, что язычников по сию пору считают поклонниками Злого Начала, хотя в действительности они всего лишь отправляют культ нехристианского божества.

Первое документальное доказательство тому, что поклонение Рогатому Богу в Англии благополучно сохранилось, относится к 1303 году, когда епископа Ковентри обвинили перед Папой Римским в воздаянии почестей дьяволу в облике барана⁵. Если человека столь высокого ранга смогли обвинить в следовании практикам Старой Религии, это доказывает, что культ рогатого Бога на тот момент не только не погиб, а, напротив, по всей вероятности, являлся основным для весьма

1 Stearne, J., *Confirmation and Discovery of Witchcraft*, pp. 28, 38, ed. 1648.

2 Gilbert, W., *Witchcraft in Essex*, p. 2, ed. 1909.

3 *Surtees Society*, xl (1861), pp. 191, 193.

4 Howell, T.B., *State Trials*, vi, 660, ed. 1816.

5 Rymer, T., *Foedera*, II, p. 934, ed. 1704.

большого количества народу. Тут следует также отметить, что это один из первых британских источников, где средневековый христианский автор называет прежнего бога дьяволом.

Возможно, высокое положение епископа Ковентри в христианской церковной иерархии спасло его от наказания; то же самое произошло и с леди Алисой Кителер, привлеченной в 1324 году к суду епископом Оссорским за отправление языческих обрядов¹ и избежавшей кары благодаря своему благородному происхождению. В этом случае у епископа, однако, хватило улик и власти, чтобы доказать обвинение и сжечь более бедных единоверцев дамы — хотя до нее самой он так и не добрался.

В правление Генриха VIII эрл Суррейский видал в Виндзорском лесу рогатого Херна-Охотника. Позднее это стало излюбленным обвинением против политических врагов: они-де якшаются с «врагом рода человеческого, отцом всякой скверны», являвшимся им в человеческом облике, но с рогами, как у быка или оленя. Даже Джон Нокс, говорят, беседовал с дьяволом прямо в церковном дворе в Сент-Эндрюсе². До нас дошел источник, где говорится, что Оливер Кромвель в ночь перед битвой при Вустере заключил в дьяволом договор сроком на семь лет и не только одержал в этом сражении ошеломительную победу, но и умер ровно в этот самый день семь лет спустя во время самой ужасной бури на человеческой памяти. В глазах роялистов это выглядело неопровержимым доказательством правдивости всей истории³. В то же время о шотландских роялистах ходили слухи, что и они продали души дьяволу. Епископы, якобы, имели копыта на ногах и не отбрасывали тени, а мировых судей, назначенных вести дела политических заключенных нередко заставляли за дружеской беседой с Сатаной⁴.

Эта непрерывная летопись веры в Рогатого Бога доказывает, что под покровом официальной религии правителей страны древний культ и его ритуалы сохранялись, практически, в полной неприкосновенности.

1 Camden Society, *Dame Alice Kyteler*, ed. 1843.

2 Rogers, C., *Scotland Social and Domestic*, p. 276, ed. 1869.

3 Cowan, S., *The Royal House of Stuart*, 11, p. 189, ed. 1908.

4 Sharpe, C.K., *Historical Account of Witchcraft in Scotland*, pp. 146—147, ed. 1884.

Из показаний ведьм явствует, что на больших собраниях Рогатый Бог играл весьма значительную роль. Рога и вообще животное обличье служили «выходным костюмом», в то время как в повседневном общении со своей паствой Воплощенный Бог одевался сообразно моде. Конгрегация не видела особой разницы между своими священнослужителями и христианскими, которые тоже надевали особые одеяния для отправления религиозных церемоний. Эту смену костюма отмечает де Ланкр: «Весьма примечательно, что всякий раз, как некто собирается заключить с ним [дьяволом] договор, он является пред ними в обличье человека, дабы не отпугнуть их и не привести в ужас; ибо как заключить пакт с козлом, если он куда больше похож на дикую тварь, чем на разумное существо. Но когда договор уже заключен, принимая поклоняющихся ему, он уже обычно предстает пред ними как козел»¹.

Упоминания о том, что потенциальному новообращенному дьявол является в человеческом облике, встречаются сплошь и рядом; совершенно очевидно при этом, что речь идет именно о человеке. В 1678 году дьявол явился под видом человека мистеру Уильямсону, начальнику школы в Купаре; он накормил Уильямсона ужином, затем встретился ему еще раз в Лондоне и снова его угостил². В 1682 году Сюзанна Эдвардс, ведьма из Девоншира, утверждала, что «года два назад действительно встречалась с неким джентльменом в месте, именуемом Пасторский Двор, в городке Биддифорд. Говорит, что одежда его была вся черная, она же надеялась получить от него денег. Когда сей джентльмен приблизился к допрашиваемой, она сделала ему *ревранс* или реверанс, как она всегда делала джентльменам. Будучи спрошена, кто и что такое был сей джентльмен, о котором она говорит, указанная допрашиваемая отвечала и сказала, что это был дьявол»³.

И это только два случая из великого множества.

Среди личин, в которых являлся своим верующим бог, были бык, кот, пес, козел, конь, баран и олень. Любопытно, что козел и баран в британских источниках не фигурируют — за исключением случая епископа Ковентри, норманна

1 De Lancre, P., *Tableau*, p. 69.

2 Howell, T.B., *op. cit.*, vi, 684—685.

3 *Ibid.*, viii, 1035.

по происхождению — и ограничиваются почти исключительно Францией и Германией. В Англии, Шотландии и на юге Франции обычным животным обликом бога был бык или олень. Нигде не встречается данных о том, чтобы глава религии являлся в виде осла или зайца, хотя сами ведьмы очень часто превращались в зайцев. В более поздний период во Франции и Германии он время от времени показывался свиньей. В Гернси есть запись о редкой личине: в 1617 году некая Изабель Бекет отправилась на шабаш в замок Роквейн и там видала дьявола, имевшего обличье собаки, на голове у которой торчали два больших рога. «Одной из лап своих (которые ей показались руками) он взял ее за руку, и назвал по имени, и сказал, что ей здесь рады»¹.

Во всех случаях явления дьявола как животного по показаниям ведьм понятно, что это, без сомнения, маскировка. Помимо рогатой собаки с человеческими руками, упомянутой выше, есть и многочисленные другие примеры. В Анжере в 1593 году «Черный Человек» превратился сначала в козла, а затем в молодого бычка²; в Гернси в 1563 году он предстал как громадный черный кот, который еще и возглавил танцы³; в Бреси в 1616 году он был черным псом, ходившим на задних лапах и проповедовавшим⁴; в Пуатье в 1574 году это был козел, разговаривавший человеческим языком⁵; в Авиньоне в 1581 году, взобравшись на алтарь принимать поклонения, «он мгновенно обратился в огромного черного козла, хотя во всех прочих случаях имел обыкновение предстать в форме человека»⁶. В Олдеарне в 1662 году «временами он обретал подобие теленка, быка, оленя, косули или собаки»⁷.

Достаточно посмотреть на фигуру танцующего бога из Аржежа, чтобы понять, что во всех средневековых примерах мы имеем дело именно с человеком в том или ином обличье. Сделанное Агнесс Сэмпсон, одной из главных ведьм

1 Goldsmid, E., *Confessions of Witches under Torture*, p. 12, ed. 1886.

2 De Lancre, P., *L'Incredulité et Mescreance du Sortilège*, p. 769, ed. 1622.

3 Неопубликованная запись из архивов канцелярии Гернси.

4 De Lancre, P., *L'Incedulité*, p. 805.

5 Bodin, J., *Fléau des Demons et Sorciers*, p. 187, ed. 1616.

6 Michaelis, S., *A Discourse of Spirits*, p. 148, ed. 1613.

7 Pitcairn, R., *Criminal Trials*, III, p. 613, ed. 1833.

Норд-Бервика, описание так называемого дьявола ее ковена прекрасно подошло бы и арьежскому богу. «Лицо его было ужасно; нос, как клюв у орла; большие горящие глаза; ноги и руки волосатые, с когтями на руках и ногах, как у грифона»¹. А между тем наскальную фреску и словесный портрет разделяют, по всей вероятности, не менее восьми тысяч лет. На египетском папирусе XXII династии (примерно X век до н.э.) изображена сцена поклонения: женщина молится своему богу. К ней отлично подходит описание церемонии, проведенной Изабель Гоуди и ее ковеном в 1662 году: «Когда дьявол сказал нам все эти слова, мы все пали на колени, укрыв волосами плечи и глаза и воздев руки, устремили взор на дьявола и сказали ему трижды указанные слова»². Распущенные волосы, воздетые глаза и очи, не говоря уже о самом Рогатом Боге, чрезвычайно роднят между собой Египет и Шотландию. Всякий сегодня без колебания скажет, что эта египетская дама поклоняется своему богу, которого для нее символизирует козел, но при этом большинство содрогнется от ужаса при мысли, что не больше трех веков назад сходные ритуалы «языческого» бога все еще отправлялись и на Британских островах.

Обряды, в рамках которых воплощенный бог или его жрец выступал в маске, встречаются во многих культурах уже после палеолита. Помимо пляшущего бога были и другие, меньшие фигуры в масках и при рогах. Я уже пыталась привлечь к ним ваше внимание в географическом и хронологическом порядке, но при этом важно отметить, что и фигуры в масках, и сами маски сохранились по сию пору. На так называемой Охотничьей палетке из додинастического Египта³ фигура человека в обличье шакала и играющего на флейте могла бы служить портретом европейского дьявола в привычном ему образе черной собаки. Маска шакала времен XXVI династии (примерно VII век до н.э.) сделана из глины; она закрывает всю голову. Такой метод ношения маски показан также в процессии жрецов Дендеры, где жреца в маске ведет один из его коллег. Сравните эту шакалью маску с «Дорсетским Оссером», которого украли у его дорсетсширских владель-

1 Melville, Sir J., *Memoirs*, Bannatyne Club (1827), pp. 393—396.

2 Pitcairn, R., *op. cit.*, III, pp. 609—610.

3 Quibell, J. E., *op. cit.*, II, plate xxviii.

цев где-то в пределах последних тридцати лет. Эта маска была сделана из раскрашенного дерева и, подобно египетским, закрывала всю голову; одновременно ее носителя заворачивали в бычью шкуру. Сочетание рогатой маски и шкуры животного слишком напоминает палеолитический прототип, чтобы его можно было счесть случайным. Оссер представляет собою последний остаток древнейшей из всех оставивших хоть какие-то источники религий — культа Рогатого Бога.

Имя этого великого языческого божества, конечно, варьировалась от страны к стране. На Ближнем Востоке имена вообще фиксировались с очень раннего периода; имя индийского бога исследователи пока никак не могут прочесть, но традиционное его наименование сохранилось; надписи Греции и Крита моложе египетских и вавилонских. В Западной Европе, однако, письменные источники появились только после римского завоевания. Имена Рогатого Бога стали нам известны лишь благодаря традиции и случайным римским записям. Великого галльского бога римляне называли Кернунном; в английском языке он превратился в Херна, или в просторечии в «Старого Хорни (Рогача)». В Северной Европе древний Нек или Ник (что означает просто «дух») пользовался таким народным расположением, что Церкви пришлось канонизировать его под видом Николая, который в Корнуолле сумел сохранить даже рога. Наш Пак — не кто иной как валлийский Бука, который то ли напрямую происходит от славянского «Бог», то ли просто от того же самого корня. Слово «бог» — отличный пример низведения верховного божества до более подлого состояния, так как у нас он превратился в *боги*, а в Шотландии — в *богла*. И то, и другое — уменьшительные формы оригинального названия, подразумевающие теперь малого, а, следовательно, злого духа.

Многие из имен дьявола представляют собой уменьшительные формы. У эльзасских ведьм, оказавшихся под судом между 1585 и 1630 годами, дьявола, то есть их бога, звали Хаммерлин, Петерлин и Кохлоффель¹. Первые два из этих имен могут обозначать овсянку обыкновенную (*yellowhammer*), которую всегда считали дьявольской птичкой; но так как имя это ино-

¹ Bapst, E., *Les Sorcières de Bergheim*, ed. 1929.

гда звучит и просто как Хаммер («молот»), оно может восходить к одному из эпитетов Тора. Петерлин вполне может быть христианизированной формой местного божества, что же до Кохлоффеля («поварешки»), объяснения этому имени у меня нет. Возможно, это неправильное написание какого-то традиционного имени. По де Ланкру, имя баскского бога было Жона или Жанико¹. Последнее он рассматривает как уменьшительную форму и утверждает, что означала она «маленького Жана» и использовалась ведьмами Нижних Пиренеев в качестве имени Христа; один колдун из Орлеана тоже называл своего хозяина «красавчиком Жанико»². Вполне возможно, уменьшительным от «Жоны» это имя не является, а произошло от него посредством добавления окончания «кот» — «god», бог — как в норвежском Ирминкот. В нынешние времена этот бог, уже деградировавший до духа, известен у басков под именем Баса-жон — эквивалент *Hotte de Vouc*, «Человека-козла»³, который связывает всю раннюю религию басков с образом Рогатого Бога. Де Ланкр также указывает, что «оказавшись в руках правосудия», ведьмы использовали для обозначения не то своего собственного, не то христианского бога имя Баррабон⁴ — точно так же звался бог ведьм в Бельгии⁵.

Есть еще одно интересное имя, которое встречается и в Британии, и во Франции — Симон. Им называли либо Великого Магистра, либо духов-фамильяров (другим наименованием последних было «дьяволы»). Это, возможно, уменьшительная форма, подобно Мамильону из «Брута» Лайамона (ll. 16790–5) или Амаймону и Барбазону, о которых Фальстаф говорит, что они — «дьяволы прибавления, имя врагов». Есть, впрочем, и еще одно возможное объяснение. Ранние отцы Церкви поминают статую некоего Симона, установленную в Риме народом в эпоху правления Клавдия. Археологи нашли постамент этой статуи, а на нем — посвящение древнему богу сабинян Семо Санкусу. Это важнейшее божество покровительствовало плодородию, как подразумевает его имя, Семо;

1 De Lancre, P., *Tableau*, p. 67.

2 De Lancre, *L'Incredulité*, p. 803.

3 Webster, W., *Basque Legends*, p. 47, ed. 1877.

4 De Lancre, *Tableau*, p. 465.

5 Cannaert, J.B., *Olim procès des Sorcières en Belgique*, p. 44, ed. 1847.

в таком качестве оно вполне могло перекочевать в Галлию и Британию вместе с римскими завоевателями. Позднее, когда иностранные миссионеры принесли на английские берега христианство, тонзура британского христианского клира была заклеяна последователями Августина «тонзурой Симона-Мага». Крайне маловероятно, чтобы библейский Симон-Маг когда-либо побывал на наших берегах, но дело в том, что тонзура действительно была языческим обычаем еще до того, как ее взяли на вооружение христиане, и данное ей в Англии название намекает на имя языческого бога.

Абердинские ведьмы, привлекавшиеся к суду в 1597 году, называли своего Великого Магистра «Христоснадень»¹. Андро Мэн показал, что «Христоснадень являлся ему в облике светлого ангела, облаченного в белые одеяния, и сказал, что он ангел и что он должен поверить в него и называть его Богом и Королем». И вот еще: «Дьявол, господин твой, которого называешь ты Христоснадень и почитаешь ангелом и Божьим сыном-богом, хотя отринут он Богом и отвержен Королеве Эльфов, поднимается произнесением слова “*Benedicite*” и назад кладется произнесением слова “*Maikpeblis*”. Также ты подтверждаешь, что Королева Эльфов имеет власть надо всем колдовством, Христоснадень же есть хозяин и обладатель всей власти под Богом». Полагаю, что имя Христоснадень (*Christonday*) есть искажение *Christus Filius Dei*, то есть, Сын Божий, где «Деи» («божий») было воспринято невежественными верующими как имя собственное. Точно так же дьявол дамы Алисы Кителер именовался в латинских источниках то Робинотом Артиссоном, то *Robinus Filius Artis*. Магическое слово «*Maikpeblis*», подобно Кохлоффелю, представляет собой, возможно, неправильное написание какого-то традиционного имени.

В Гернси бога звали Ху. Это ясно доказывает текст ведьмовской песни или гимна, цитируемого Бодэном в 1616 году², где «дьявол» эквивалентен гернсийскому Ху. У Бодена текст выглядит так: «*Har, har, diable, diable, saute ici, saute là, joue ici, joue là*»³; текст из Гернси: «*Har, har, Hou, Hou, danse ici, danse là,*

1 *Spalding Club Miscellany*, I (1841), pp. 120, 127.

2 Bodin, op. cit., p. 190.

3 «... скачи тут, скачи там, играй тут, играй там» (фр.). — *Примеч. перев.*

joue ici, joue là»¹. Названия множества малых островов в группе Нормандских включают имя этого таинственного и полузабытого божества: Лиху, Джет[х]у, Брек[х]у — вот лишь несколько примеров. Весьма вероятно, что валлийский бог Ху Гадарн, Ху Могучий, неким образом связан с гернсийским божеством. Имя это не встречается раньше XV века, когда оно впервые фигурирует в гимне, в котором он открыто именуется богом. Учитывая, что это имя «дьявола», входящее составной частью наряду с другими элементами в уже упомянутые топонимы, тот факт, что бог Древней Религии сумел выжить в Уэльсе, где христианская Церковь не особенно свирепствовала с гонениями, удивления не вызывает. Есть любопытное предположение, что слово «хар» в ведьмовской песне — то же самое, что клич «*харо!*» из гернсийского диалекта, используемый как зов о помощи в случае причинения несправедливости.

Самое интересное из имен бога — Робин, которое в случае Пака превращается в Робина Гудфеллоу, Робина Доброго Малого. Этим именем настолько часто обозначали дьявола, что оно превратилось почти в родовое наименование: «Какой-нибудь Робин Дьявол или еще какой дух воздуха»². Дама Алиса Кителер и сомерсетские ведьмы, выкликая своего Великого Магистра на сборище или собираясь совершить какое частное заклятие, звали его по имени — «Робин!»; во втором случае они добавляли еще: «О, Сатана, дай мне, что прошу!» О результате гадали по появлявшемуся после этого животному³.

Интересный факт, известный многим авторам, но так до сих пор и не получивший объяснения — связь между Робинот Добрым Малым и Робинот Гудот. Гримм упоминает его, никак свое мнение при этом не обосновывая, хотя связь между этими персонажами вполне очевидна. Культ Робина Гуда был распространен очень широко, как географически, так и во времени, а это само по себе предполагает, что он был не просто локальным героем в тех местах, где бытовала легенда о нем. В Шотландии Робин Гуд был известен так же хорошо, как в Англии, и ассоциировался именно с народом, а не с благородным сословием. Его всегда сопровождали двенадцать

1 «... пляши тут, пляши там, играй тут, играй там» (фр.). — *Примеч. перев.*

2 Day, A., *The English Secretary*, II, p. 23, ed. 1625.

3 Glanvil, J., *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, pp. 296, 304, ed. 1726.

друзей — весьма напоминает Великого Магистра с ковром. Одним из них непременно был Малыш Джон — имя, сопоставимое с баскским Жанико. Робин Гуд и его ребята были непременными участниками празднований Майского дня: у них имелись специальные танцы, и носили они всегда традиционный цвет фейри — зеленый. Образ этот был настолько тесно связан с майскими ритуалами, что даже в 1580 году Эдмунд Эштон писал Уильяму Фаррингтону о необходимости «искоренения Робина Гуда и Майских игрищ как занятий похотливых и непристойных, иной цели не имеющих, кроме как ввергнуть слабую нашу натуру во всякий разврат»¹. Во всех сюжетах и преданиях о Робине Гуде неизбежно подчеркивается его ненависть к Церкви: аббат или приор обязательно оказываются законной добычей Робина. В одной из древнейших баллад об этом популярном герое рассказывается, как он отправился к своей кухне, настоятельнице монастыря, чтобы пустить себе кровь; коварная женщина оставила рану неперевязанной, и Робин истек кровью до смерти. Сюжет, впрочем, показывает, что смерть его была вполне ожидаема, так как по обеим сторонам дороги в аббатство стояли люди, оплакивавшие близкую гибель героя. Близкое сходство с траурными процессиями Жанны д'Арк и Жиля де Ре прямо-таки бросается в глаза: молящееся и рыдающее местное население присутствует во всех трех вариантах.

Вездесущность этого персонажа можно было бы объяснить, если бы в разных частях страны одновременно было несколько Робинов Гудов. Имя его в таком случае означало бы просто «Робин в капюшоне» (Robin Hood; Robin with a Hood) и служило бы общим названием для бога. В главе второй я говорю о том, какое огромное значение имеет покрытая голова у фейри. Согласно материалам многих судов над ведьмами, дьявол носит капюшон. Самым знаменитым историческим Робинот Гудом был эрл Хантингтон в правление Ричарда I, который, будучи по крови Плантагенетом, принадлежал, тем не менее, к Старой Вере. В моей книге «Ведовский культ в Западной Европе» я уже указывала, что дьяволов было больше, чем один, но в ранний период истории идентификация осложняется тем, что церковные авторы фиксировали

1 Chetham Society, xxxix (1856), *Farington Papers*, p. 128.

далеко не все факты. Весьма вероятно, что спутники Робина Гуда как воплощенного божества тоже носили особые имена: известна индульгенция капеллану, датируемая XV веком, формулировка которой предполагает такую возможность. «Прощение Роберту Стаффорду из Линдефелда, графство Сассекс, капеллану, за то что не явился к королю ответить на иск Ричарда Уэйкенхерста о нарушении границ»¹.

Бытование языческой религии на протяжении всего Средневековья невозможно отрицать, если принять во внимание, что она жива до сих пор. Я приведу цитату из статьи преподающего Джона Реймонда Кросби, доктора богословия, доктора канонического права, доктора философии, помещенной в выпуске «Живой церкви» от 2 марта 1929 года, где утверждается, что ритуалы ведьм до сих пор встречаются в Пенсильвании и практикуются людьми, чьи предки прибыли в Америку пять поколений назад. Ведьма «живет одна, с традиционной черной кошкой, в маленьком домике, набитом травами, талисманами и прочими атрибутами ее профессии. Соотечественники ее твердо убеждены, что она вместе со своими предками в неисчислимых поколениях заключила определенный договор с дьяволом, который самолично становится отцом всех детей в семье. Кое-кто из других членов секты, Избранные, напротив, проникнуты Духом Божиим и являются воплощениями Божественной Сути. Все верят, что ведьмы регулярно собираются вместе, творят магические ритуалы и поклоняются Злому Началу. Говорят, они принимают форму животных, обычно черных, и возвращаются в изначальное свое обличье с восходом солнца. Собрания эти освещаются свечами, сделанными из человеческого жира, которые скрывают происходящее от взоров всех, кроме посвященных».

1 *Calendar of Patent Rolls, 1429—1436, p. 10.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕРУЮЩИЕ

Под конец сбора урожая, в канун Дня Всех Святых, выезжают на прогулку Добрые Соседи. Кто едет верхом на рогатине, кто — на бобовом стручке. Отряд за отрядом скачет в сумерках; все облачены в зеленое. Кто — верхом на обезьяне, кто — на конопляном стебле. Весь двор Короля Фей и его Королевы проезжает по земле той ночью, и с ними — превеликое множество инкубов из рода эльфов.

— Монтгомери, 1515

Хотя современному читателю, воспитанному на волшебных сказках нынешних времен, любая связь между ведьмами и фейри покажется нелепой и притянутой за уши, дабы понять одних, крайне важно принять к рассмотрению и других. Даже при совершенно поверхностном изучении сходство между ними очевидно. В сказках о крещении королевского дитяти злая фея, то ли от природы злонаправленная, то ли ситуативно обиженная, дарит вредные подарки или заколдовывает несчастного ребенка, и в этом совершенно ничем не отличается от ведьмы. Традиционное платье феи-крестной в точности подобно одеяниям ведьмы. Обе женщины вооружены палками — одна волшебным жезлом, другая клюкой — при помощи которых творят магию, обе умеют превращать людей в животных, обе могут появляться и исчезать, когда им заблагорассудится. Короче говоря, единственная подлинная разница между ними заключается в том, что одна из них — элегантная пожилая леди, а другая — неопрятная старуха.

Но если фея-крестная и ведьма настолько похожи друг на друга, вопрос о фейри обретает особую важность. Настоящая трудность в понимании данной проблемы для наших современников заключается в их железной уверенности в том, что

фейри — это крошка-эльф, «человечек ростом в пару дюймов», малюсенькое существо, способное «забраться в желудевую шляпку» или прокатиться на бабочке. У этих хрупких созданий прозрачные крылышки; они разъезжают на лунных лучиках, резвятся среди цветов, танцуют на весенних лугах. Все у них настолько миниатюрное, что вряд ли смертному опасно будет повстречать фейри — человечка, которого можно смять и растереть двумя пальцами. Так почему же предки наши так боялись фейри? Кромешный ужас перед ними виден во всех протоколах судилищ, где ведьм обвиняли в сношениях со страной фейри.

Страх этот нашел себе выражение в многочисленных народных стихах и сказках, равно как и в авторской поэзии. Ночную порой против них надобно говорить такое заклинание:

Свят Франциск и Бенедикт,
Всякой твари супротив,
Дом вы сей благословите,
И от зла уберегите:
От ночной кобылы и гоблина,
От Доброго Малого Робина;
От злых духов и фей,
Ласок, крыс да хорей —
Со звона вечернего
До рассветного!

В 1600 году Фейрфакс, переводя Тассо, объединил фейри с фуриями и привидениями:

Куда, визжа, вопя, все гоблины умчались,
Рев фурий, кличи призраков и фей...

Шведский епископ Олаф Магнус в 1555 году писал, что «были такие, бродящие по ночам, что окружали и всячески престранно беспокоили крестьян, приглядывающих за своими полями, многочисленными и причудливыми видениями разного рода, окрестные жители называют эти ночные игрища чудищ эльфийскими плясками»¹.

1 Olaus Magnus, *Compendious History of the Goths*, ed. 1658.

В сказках о фейри часто упоминается, что смертных пугают встречи с Маленьким Народцем: «И была она немало перепугана, увидав, хотя стоял полдень, кого-то из старых эльфов в голубых юбках»¹. Но самым опасным среди всех фейри был Робин Добрый Малый — пока Шекспир не сделал его слугой Оберона. Источники указывают, что Робин Добрый Малый — не фейри, а бог Маленького Народа, как я уже отмечала в предыдущей главе. Согласно Кейтли, его называют Паком, Робинот Добрым Малым, Робинот Гудом, Хобголином. Вышеприведенный заговор свидетельствует, что его относили к злым духам и вредоносным тварям и именовали даже «каким-нибудь Робинот Дьяволом или еще каким духом воздуха»².

Сейчас повсеместно считается, что нынешним представлением о фейри мы обязаны Шекспиру. До него английские фейри выглядели так же, как в тех странах, которые его влияние затронуло в меньшей степени. В Северной Шотландии, в Ирландии и Франции, особенно в Бретани, фейри ростом с обычного человека и обладают всеми теми же качествами. Сам Шекспир в «Виндзорских проказницах» не только наряжает Энн Пейдж в фею, но и подразумевает, что за нее она и будет принята, несмотря на то, что это молодая леди совершенно нормального роста. В литературе XVII века содержится масса указаний, что фейри можно принять за простого смертного. Лишь после выхода «Сна в летнюю ночь» фейри в литературе съезжились до нынешнего малого росточка. Литература, особенно драматическая, изменила популярное видение старой традиции, и сказочный малютка-эльф вытеснил своего человеческого прародителя.

Описания фейри из первых рук — сделанные теми, кто видел их своими глазами — во множестве встречаются в Средние века и чуть позднее. XVI век особенно изобилует такими материалами. Джон Уолш, колдун из Незерберри, что в Дорсете, имел обыкновение совещаться с фейри между двенадцатью и часом пополудни и в полночь, всякий раз отправляясь для этого «в холмы»³. Бесси Данлоп из Эйршира как-то повстречала восьмерых дам и четырех кавалеров, «муж-

1 Sikes, W., *British Goblins*, p. 60, ed. 1881.

2 Day, A., *The English Secretary*, II, p. 23, ed. 1625.

3 *Examination of John Walsh*, ed. 1566.

чины были одеты, как джентльмены, а женщины были все закутаны в пледы и выглядели весьма пригожими»; ей сообщили, что они все «от эльфийского двора». Ее уже раньше посещала Королева Эльфов, хотя Бесси и не знала, кто была ее гостя. Королеву она описывала как «статную женщину, которая вошла к ней и села рядом, и спросила пить, и она подала»¹. Элисон Пейрсон из Файфшира «обвинили в том, что ей часто являлись и посещали ее добрые соседи и Королева Эльфов, и было у нее много хороших друзей при том дворе, которые были ее собственной крови и хорошо с Королевой Эльфов знакомые»². В Лите некая Кристиана Ливингстон утверждала, что «дочь ее забрал эльфийский народ; и что все [тайные] знания, которые у нее были, — от дочери, которая зналась с фейри»³. Абердин прямо-таки кишел людьми, неплохо знакомыми с фейри. Одна женщина заявила судьям, что «все умения, какие у нее когда-либо были, она получила от матери, а мать ее училась у одного мужчины из эльфов»⁴. Андро Мэн, судя по всему, был супругом Королевы Эльфов, с которой прожил тридцать два года, прижив от нее семерых детей. В XVII веке друзей фейри тоже хватало. Джонет Дривер с Оркнеев была «обвинена и признана виновной в том, что отдала дитя на воспитание фейри в уэйстрейский холм; последних же она звала нашими добрыми соседями. И имела общение с фейри прошедшие двадцать шесть лет в соответствии с собственным ее признанием». Обвиняемая сумела остаться в живых, приговор же ей был таков: «Прогнать ее плетьюми из одного конца города в другой, после чего изгнать из страны и воспретить возвращаться под страхом смерти»⁵. Джин Уэйр, сестра знаменитой ведьмы, Старшей Уэйр, утверждала, что «когда она держала школу в Далкейте и учила детей, некая женщина высокого росту пришла к ней в дом, когда дети были там; и был у нее, как ей показалось, на спине ребенок и еще один-два подле нее; и указанная женщина желала, чтобы заявительница наняла ее говорить за нее перед Королевой Эльфов

1 Pitcairn, R., *Criminal Trials*, I, pt. ii, pp. 52—53, ed. 1833.

2 Pitcairn, op. cit., I, pt. ii, p. 163.

3 Pitcairn, op. cit., II, p. 25.

4 *Spalding Club Miscellany*, I, pp. 199, 121, 125, 177, ed. 1841.

5 *Maitland Club Miscellany*, II, p. 167, ed. 1840.

и сражаться за нее с указанной Королевой (таковы ее собственные слова)»¹. Архив Эдинбургского Высшего уголовного суда содержит отчет о том же происшествии, но куда более краткий и зловеющий: «Джин Уэйр взяла в услужение женщину, чтобы та говорила за нее с Королевой фейри, сиречь, с дьяволом»². Практически в каждом случае так называемого колдовства, от процесса над Жанной д'Арк в 1431 году до середины или даже конца XVII века, самым опасным для подсудимых обвинением было знакомство с фейри; будучи доказанным, такое знакомство за крайне немногими исключениями, означало костер. И эти фейри были отнюдь не крошечными цветочными феями с прозрачными крылышками, вышедшими из детских сказок, но существами из плоти и крови, внушавшими несказанный ужас и страх почтенным городским бюргерам и вызывавшими у священников и пасторов христианской Церкви навязчивое желание немедленно их уничтожить.

Количество упоминаний о браках между смертными и фейри — еще одно доказательство тому, что фейри того же размера, что и нормальные люди, и что они — антропоморфные существа. У королей династии Плантагенетов были предки из фейри; Конн, король Тары, взял себе второй женой женщину из фейри; Бертран де Геслен был женат на фейри, как и сьер де Бурлемон, в чьих владениях росло Дерево Фейри, вокруг которого в детстве плясала Жанна д'Арк. Когда смертный мужчина женился на женщине из фейри, дети, судя по всему, родились в отца и вообще ничем не отличались от детей двух смертных. Браки между смертными женщинами и мужчинами-фейри, впрочем, тоже были нередки; если девушку не похищали и не держали пленницей в доме фейри, она жила себе благополучно в родной деревне, а супруг заходил к ней в гости. Дети в этих случаях тоже от смертных ничем не отличались. Потомство людей и фейри, таким образом, меньше бросалось в глаза, чем, скажем, дети белой и цветной расы.

Когда обо всем этом рассказывали те, кто по тем или иным причинам избежал влияния Шекспира, фейри у них выглядят совсем как люди, возможно, меньше ростом, чем сами составители источников, но не слишком. Они жили в диких,

1 Law, R., *Memorials*, p. 27 note, ed. Sharpe, 1818.

2 *Records of the Justiciary Court of Edinburgh*, II, p. ii, ed. 1905.

невозделанных частях страны — не обязательно потому, что вторгшиеся в их исконные земли люди вытеснили их прочь, но, скорее, потому что изначально вели пасторальный образ жизни и с сельским хозяйством знакомы не были. Хотя временами их и можно было встретить в лесу, они в целом предпочитали пустоши и равнины, где могли выпасать скот. Подобно некоторым диким племенам современной Индии, они скрывались от чужаков, были быстры на ногу и настолько совершенно владели мастерством маскировки, что увидеть их, если они того не желали, удавалось чрезвычайно редко. Жилища их были выстроены из камня, ивняка или торфа и формой походили на ульи. В них целые семьи жили вместе, как эскимосы в своих иглу. Возможно, дома эти использовались только зимой, а летом фейри жили все время на свежем воздухе. По условиям жизни наилучшей параллелью здесь будут жители азиатских степей.

Как и степняки, фейри, по всей видимости, питались преимущественно молоком от своих стад, время от времени устраивая мясной пир. В этом они кардинально отличались от сельскохозяйственных народов, населявших более плодородные части страны. Колоссальная разница в физиологии, причиной которой было введение в повседневный рацион человека зерновых культур, еще не очень хорошо понята учеными — за исключением тех немногих, кто действительно изучил этот предмет. Весьма вероятно, что меньший в сравнении с человеком размер фейри, низкорослость подмышечной и истощенность смертных пленников фейри объясняются именно рационом питания.

Данные о фейри, сохранившиеся в юридических и фольклорных источниках, показывают народ, параллели которому можно найти в Западной Европе в эпоху неолита и в бронзовом веке. Останки в неолитических погребальных курганах доказывают, что жители тогдашней Британии были довольно низкого роста: мужчины примерно пяти футов пяти дюймов¹, а женщины — еще пропорционально меньше. Они относились к долихоцефальному типу и, вероятно, были довольно смуглы (откуда, возможно, и произошло ласковое наименование дружественных домашних фейри — *брауни*).

¹ Около 1,64 метра. — *Примеч. перев.*

В Британии люди неолита и бронзового века обитали в холмистых местностях и на пустошах; занимались они в основном скотоводством и изредка практиковали земледелие. Они больше не жили в пещерах, подобно человеку эпохи палеолита, но строили дома или хижины. Эти жилища были круглы в плане и утоплены в землю на глубину двух-трех футов. Полы в них мостились камнем, из него же складывалась нижняя часть стен. Верхняя часть стены была из обмазанного глиной ивняка или из торфа, а крыша — тоже из торфа; поддерживал ее деревянный столб, возможно, несущий некую деревянную конструкцию. Очаг, если он вообще был, располагался в середине единственного круглого помещения; дым уходил через дыру в крыше. Такие дома стояли группами. Когда они зарастали травой, папоротниками и мелким кустарником, снаружи их можно было принять за курганы или небольшие холмы. Останки таких жилищ бронзового века, известных как «хижины круглого типа», не встречаются в долинах или лесистых частях страны, а только лишь на открытых, поросших травой местностях. Там же археологи находят кремневые наконечники, в народе называемые «эльфийскими стрелами» и также датируемые бронзовым веком.

Существует изображение хижины такого типа, названной в источнике «домом фейри». Поскольку двое ее основных жителей носят короны, это, возможно, дворец короля и королевы фейри. Дом этот круглый, частично утопленный в землю и перекрытый торфяной крышей, на которой растут деревья. Это лишь одно из группы похожих жилищ, снаружи чрезвычайно напоминающих небольшие холмы или курганы. Возможно, именно их имел в виду Джон Уолш, когда говорил, что советовался с фейри в холмах¹. Обитатели их меньше ростом, чем говорящий с ними человек, но они, безусловно, не гномы и не карлики. Это ясно доказывает, что в период, которым датируется картинка, то есть, около 1555 года, люди верили в эльфов и фейри, и что эти последние обладали вполне человеческой внешностью и природой и весьма походили на неолитических людей. Кроме того, это доказывает, что люди неолита и бронзового века и их цивилизации сохранялись в Англии даже в XVI веке.

¹ *Examination of John Walsh*, ed. 1566.

Из всего этого следует, что фейри были потомками древних жителей Северной Европы. Они занимались скотоводством, но не кочевали и жили в безлесных частях страны с хорошими пастбищами для скота. Для изготовления орудий труда и оружия в неолитический период они пользовались камнем, а в бронзовом веке — металлом. Позднее, когда неистовые племена железного века, кельты, хлынули в Западную Европу и в значительной степени уничтожили народности и цивилизацию бронзового века, жители наиболее диких частей страны избежали резни и научились тому, что самый лучший способ защиты — вселить ужас в сердца своих дикарей-соседей. Новый металл был для них частью вооружения блистательных врагов; они боялись его, но при этом так хорошо обрабатывали бронзу, что их бронзовым мечам завидовали даже захватчики. Именно от предков железного века мы унаследовали страх перед фейри — хитрым и безжалостным врагом; страхом этим буквально пронизаны все рассказы о фейри вплоть до мастерски рассеявшего его Шекспира. Несомненно, что по мере прогресса цивилизации и распространения сельского хозяйства на все большее количество земель, фейри все больше смешивались с оседлым населением. Многие перебирались в деревни, пока не стали, наконец, совершенно неотличимы от «смертных». Это тот же самый процесс ассимиляции, поглощения, который в наши дни можно наблюдать у цыган в Европе и бедуинов на Ближнем Востоке.

Тот факт, что фейри, то есть, ведьмы, селились в деревнях, зафиксирован в источниках того периода. Шпренгер в «Молоте ведьм» пишет: «Нет такого малого прихода, где не нашлось бы множества ведьм»¹. В 1589 году Ремигий утверждает, что, насколько хватает его памяти, не менее восьми сотен ведьм было осуждено за шестнадцать лет в бытность его уголовным судьей в Лотарингии; и что, по меньшей мере, такое же их число бежало или продолжило жить, не признавшись ни в чем даже под пытками². Де Ланкр сообщает, что «мерзость» эта распространилась по всей Европе, так что ею были охвачены и переполнены Франция, Англия, Италия, Германия и Испания³. Боден

1 Sprenger, F., *Malleus Maleficarum*, ed. 1620.

2 Remigius, N., *Daemonolatria*, pt. I, ch. xv, 75, ed. 1693.

3 De Lancre, P., *L'Incredulité et Mescreance du Sortilège*, p. 648, ed. 1622.

отмечает, что «у Сатаны есть ведьмы всякого качества. Есть у него короли, принцы, священники, проповедники, а во многих местах и судьи, врачи, короче говоря, есть они у него всех профессий»¹. Позднее епископ Холл упоминает о некоей деревне в Ланкашире, где количество ведьм превышало даже количество домов². Вот доказательство тому, что эта религия не ограничивалась одними лишь бедными и невежественными, но считывала среди своих приверженцев и людей самых высоких рангов. Наследственный характер этой веры доказывает ее универсальность; Боден делал особый акцент на том, что культ этот переходит от родителей к детям, и подстрекал судей использовать эту информацию для выявления тайных ведьм, на которых в иных случаях подозрение бы не пало, а также рекомендовал отлавливать юных девиц и уговорами или запугиванием добиваться, чтобы они оговаривали своих родственников и друзей³. Единственным объяснением невероятного количества ведьм, отданных под суд и приговоренных к смерти в Западной Европе, может послужить тот факт, что мы здесь имеем дело с религией, распространенной по всему континенту и имевшей приверженцев во всех социальных стратах, от самых высоких до самых низких.

Полное растворение первобытного населения, видимо, произошло в Англии после Черной Смерти, когда дефицит рабочих рук настолько вырос, что поддерживать крепостное право стало уже невозможно, и феодальная система благополучно рухнула. Землевладельцы, у которых была земля, но не было людей, чтобы ее обрабатывать, сдавали фермы арендаторам, а эти последние из-за высокой стоимости труда переходили на овцеводство. Торговля шерстью процветала, количество стад увеличивалось пропорционально спросу, владельцы их обогащались, пока, к великому возмущению старой аристократии, *nouveau riches* при Тюдорах не начали получать пэрство. Для овцеводства нужно меньше народу, чем для разведения крупного рогатого скота или землеобработки; в результате работы не хватало, безработица превратилась в реальное бедствие и угрозу, что и привело, в конце концов, к Крестьянскому Восстанию.

1 Bodin, J., *De la Demonomanie des Sorciers*, p. 239B, ed. 1604.

2 Mather, C., *Wonders of the Invisible World*, p. 88, ed. 1862.

3 Bodin, op. cit., pp. 188—189.

Сэр Томас Мор первым связал современную ему безработицу с возникновением нового типа индустрии, весьма точно заметив, что «овцы съели людей». В содержании скота на подножном корму между овцами и коровами есть огромная разница. Для коров трава должна быть довольно высокой, чтобы животное могло обхватить языком пучок и оторвать его примерно до половины; корни при этом остаются в земле. Овцы же из-за строения своих зубов откусывают траву почти до корней; иными словами, овец можно пасти после коров на той же территории, но не коров после овец. Овцы могут спокойно жить на земле, которая не выдержала бы коров. Поскольку фейри держали коров, овцы, должно быть, вытеснили их из старых угодий — там просто было больше нечем кормить животных. Перефразируя сэра Томаса Мора, овцы съели еще и фейри. Афоризм Мора датируется 1515 годом. К тому времени, когда начал писать Шекспир, сменилось, по меньшей мере, два поколения. Фейри уже превратились в воспоминание; их считали не то почти людьми, не то Маленьким Народцем, к которому привязывались сюжеты всех бытовавших в то время волшебных сказок — страшных, романтических или комических. Из этой неразберихи Шекспир и почерпнул вдохновение, имевшее столь далеко идущие последствия.

Теория о фейри как неолитическом народе подкрепляется ирландскими преданиями о Туата де Даннан, представлявших собой примерно то же самое, что английские и континентальные фейри. Их описывают как «великих некромантов, поднаторевших во всякой магии и превосходных во всех искусствах — зодчих, поэтов и музыкантов»¹. Они были искусны также и в коневодстве, а коней своих держали в пещерах в холмах. Когда сыновья Миля, которые, судя по всему, были людьми бронзового века, вторглись в Ирландию, они попробовали уничтожить Туата де Даннан, но постепенно оба народа научились мирно жить друг рядом с другом.

Памятуя об этой гипотезе, давайте более подробно рассмотрим историю фейри. Просто удивительно, как много сохранилось отзвучив очевидцев относительно внешности, одежды и обычаев Маленького Народа. Дома их описываются редко,

¹ Wilde, Lady, *Ancient Legends of Ireland*, I, p. 178, ed. 1887.

так как найти их было нелегко (фейри тщательно маскировали свои жилища), а владельцы не приветствовали визиты представителей другого народа. Очень похоже на них в этом отношении племя курумба из холмов Нилгерри, что в Индии. Они невелики ростом, их построенные из листьев хижины практически невидимы в джунглях, а сами люди, говорят, обладают невероятными магическими силами, из-за которых соседствующие народы ужасно их боятся. Многое из того, что пишут о курумба современные исследователи, можно было бы с легкостью отнести и к фейри, не говоря уже о повествующих о них сказках в традиции более цивилизованных соседей.

У фейри была крайне неприятная привычка появляться и исчезать, когда этого меньше всего ожидаешь; медлительным и тяжелым на ногу земледельцам из окрестных деревень умение это казалось совершенно волшебным. А между тем хороший навык маскировки совершенно естественен для тех, чья жизнь нередко зависела от быстроты движения с одной стороны и способности оставаться совершенно неподвижным с другой. В «Деве озера» сэра Вальтера Скотта есть описание горцев, встающих из засады в, казалось бы, совершенно необитаемой долине:

Из вереска со всех концов
Поднялись плечи молодцов.
Копье качнулось над скалой,
Упругий лук грозит стрелой,
В чащобах по уступам гор
Над топором блестит топор,
Из каждой заросли на свет
Выходят меч и пестрый плед¹.

Киплинг в своей «Балладе о Востоке и Западе» описывает подобную же способность к полной невидимости у жителей пограничной полосы в Индии:

Там справа скала и слева скала, терновник и груды
песка...

¹ Перевод Игн. Ивановского. — *Примеч. перев.*

Услышишь, как щелкнет затвор ружья, но нигде не увидишь стрелка¹.

Эти первобытные люди, или фейри, были разбросаны по всей стране небольшими общинами, у каждой из которых имелся свой правитель, как в современной Африке. Леди Уайльд отмечает, что у каждой местности в Ирландии есть свой особый и самостоятельный вождь-король фейри². Некоторые имена королей и королев фейри даже сохранились до наших дней³.

Судя по важности королевы в структуре племени, можно сделать вывод, что подлинным правителем была именно она, а король занимал второстепенную позицию — за исключением, может быть, периодов войны. Собственность, вероятно, была общинной, а, следовательно, брачного права не существовало, как и у пиктов. Королева фейри никоим образом не ограничивала себя только одним мужем. Такой очевидный недостаток морали, возможно, был одной из причин, по которым христианская Церковь, положившая много труда на то, чтобы добиться хоть какой-то упорядоченности в брачных отношениях у тех народов, на которые распространялось ее влияние, так сильно ненавидела фейри. Боге называет их «*vrais diables incorporez*»⁴ — с яростью, совершенно необъяснимой, если считать их просто воображаемыми крошечными созданиями из нянюшкиных сказок. Если же они действительно были языческим народом, чьи обычаи и религия со всей определенностью противоречили учению христианских священников, неудивительно, что гнев Церкви обрушивался на них с такой силой. Водить знакомство с этими «дьяволами во плоти» значило заявить себя врагом Церкви, заслуживающим со стороны духовенства самого сурового отношения.

Условия жизни в поселениях времен неолита и бронзового века хорошо известны; люди немножко обрабатывали землю, но во многих местностях занимались исключительно скотоводством. У них были самые разные домашние животные, но крупный рогатый скот оставался основным средством

1 Перевод Е. Полонской. — *Примеч. перев.*

2 Wilde, Lady, *Ancient Cures, Charms and Usages of Ireland*, p. 147, ed. 1890.

3 Wilde, Lady, *Legends*, I, pp. 179, 232, 264, II, p. 70.

4 Настоящие дьяволы во плоти (фр.). — *Примеч. перев.*

к существованию. Изабель Гоуди в 1662 году показала, что ходила в холм фейри и «брала там мясо у Королевы Фейри. Там эльфийские быки паслись и бродили повсюду, и пугали меня». Скотина эта произвела на нее громадное впечатление, так как далее в признании говорится: «Мы отправились в холмы Дауни; холм отворился, и вошли мы средь бела дня в большую и прекрасную комнату. Там были эльфийские быки у входа; они паслись и бродили и испугали меня»¹. В качестве сторожевых собак люди эпохи неолита держали псов типа чау-чау; в неолитических поселениях исследователи находили их скелеты. Собаки упоминаются также и в сказках о фейри — дикие и злобные псы, стерегущие холмы. О слабом развитии сельского хозяйства у фейри говорит хотя бы тот факт, что обработанная земля в связи с ними никогда не упоминается, а только одни лишь луга; а также частично тем, что волшебство их распространяется на скот и очень редко на посевы. Эти данные подтверждают раскопки поселений этого периода: они располагаются на открытых холмистых равнинах и пустошах, совершенно неподходящих для бывшего тогда в ходу примитивного плуга, но при этом превосходно удобных для содержания скота на подножном корму.

Есть значительный корпус данных о том, как выглядели и одевались фейри. Одевания варьировались, судя по всему, в зависимости не только от племени, но и от ранга носителя. Очевидны утверждали, что фейри пряли и ткали собственные ткани. Женщины фейри были знатными пряжами и вполне могли посоперничать в том со «смертными», но вот ткацкие станки у них были не настолько хороши: есть много историй о том, как фейри ходили в крестьянские хижины и ткали там на местных станках. Пряжа у них встречалась в основном шерстяная и иногда некрашенная (на острове Мэн такую называли «*loughbyn*»), но чаще зеленая или синяя. Цвета были темные, как в охотничьих тартанах шотландских горцев, а самый темно-синий даже породил легенды о черных фейри. Как отмечал Джон Уолш (1566), «есть три вида фейри, черные, белые и зеленые, и черные из них — наихудшие»². Век спустя Изабель Гоуди сообщала, что «Королева Фейри красиво одета в белый

1 Pitcairn, op. cit., III, pp. 604, 611.

2 *Examination of John Walsh.*

лен, в одежды белые и коричневые и т.д., а король фейри — красивый мужчина, привлекательный, широколицый и т.д.»¹. Крайне прискорбно, что клирик-протоколист вставлял «и т.д.» всякий раз, как Гоуди начинала приводить конкретные подробности жизни фейри. Вероятно, ему было страшно записывать реальную информацию об этом ужасном народе.

Цвета одежды фейри объясняются красителями, которые и поныне производятся и используются кое-где в сельской местности. Количество местных растений, из которых можно сделать краску для ткани, на удивление велико. Они встречаются во всех областях Британских Островов, и спектр получаемых цветов достаточно высок. Отличную краску делают из лишайников — красную, желтую и синюю; помимо них для этой цели с незапамятных времен использовали и другие растения и деревья. Из их корней, коры, листьев и плодов до сих пор делают краски. Смешением пигментов можно получить практически все комбинации и оттенки цветов, однако, следует, вероятно, заметить, что, согласно источникам, желтый фейри не носили. Основными цветами были синий, черный, зеленый и иногда красный. Зеленый они любили больше всего — возможно, по той причине, что фейри были изначально охотниками, и этот цвет помогал им прятаться среди зелени. Позднее, когда охотиться стали уже на них, зеленый все еще оставался лучшим выбором, чтобы передвигаться незримо по лесу или скрытно лежать на земле. Часто встречаются упоминания белых одежд; делали их, по всей вероятности, из льна, отбеленного на солнце. Во многих сюжетах есть упоминания о том, как фейри расстилают свои холсты на траве; невероятная белизна материала всегда служила предметом особого восхищения селян. В цитированном выше абзаце Изабель Гоуди, судя по всему, пребывает в восхищении перед прекрасными белыми одеждами Королевы.

Мужчины-фейри низшего ранга носили штаны и куртки, а женщины — юбки и корсажи. Самым характерным предметом одежды для всех рангов, была, впрочем, шляпа, шапка или капюшон. Головные уборы для фейри были столь драгоценны, что они рисковали быть пойманными или готовы

¹ Pitcairn, *op. cit.*, III, p. 604.

были заплатить любой выкуп, если те попадали в руки чужака. Шапки варьировались формой и размером в зависимости от местности. В Западном Хайленде фейри надевали зеленые конические шапочки, похожие на те, что делают дети из тростника или что носят шведские саамы¹. В ирландском источнике описывается мужчина фейри, похожий «на мальчика десяти-двенадцати лет от роду, только покрепче и пошире в кости, одетый в серую курточку и чулки того же цвета и в причудливой черной шерстяной шапочке»². На острове Мэн фейри носили некрашеную шерсть и маленькие остроконечные красные шапочки³. В Уэльсе мужчины-фейри надевали «красные шапочки натрое, а леди — причудливые легкие головные уборы, которые развевались на ветру»⁴. Фейри Верхней Бретани любили носить эдакие шапки «наподобие корон, которые казались частью собственной их персоны»⁵. В Гильдесгейме местный гоблин носил крестьянское платье, но также непременно и капюшон, так что звали его Хедекин или Хаткин⁶. Даже далеко в Восточной Европе в одном славянском источнике содержится рассказа о некоем человеке, который как-то увидал «двух маленьких демонов, которые таскали друг друга за волосы. По покрою их коротких курточек, по узким панталонам и треугольным шляпам он понял, что перед ним обитатели иного мира»⁷.

Фейри высокого ранга одевались, естественным образом, лучше. Король и королева, выезжая в процессиях, носили богатые одежды и непременно короны. По менее торжественным случаям они одевались так же, как нижестоящие фейри, но платья их были из более роскошных тканей. Когда в королевском хозяйстве случилась оказия и Королева Фейри самолично отправилась одолжить миску овсяной муки у некой крестьянки, она была одета в богатое зеленое, затканное золотом платье, а на голове имела диадему из жемчужин. Служанка ее,

1 Campbell, J.F., *Popular Tales of the West Highlands*, IV, p. 343, ed. 1862.

2 Croker, T.C., *Fairy Legends*, p.119, ed. 1859.

3 Moore, A.W., *Folklore of the Isle Of Man*, p. 41, ed. 1891.

4 Sikes, op. cit., p. 83.

5 Sebillot, P., *Traditions et Superstitions de la Haute Bretagne*, I, p. 75, ed. 1882.

6 Ritson, J., *Fairy Tales*, p. 73, ed. 1875.

7 Chodsko, A., *Fairy Tales of the Slav Peasants*, p. 133, ed. 1896.

которая потом приходила вернуть долг, была просто в зеленом. Случилось это в Киркадбрайтшире¹.

Фейрийские леди высокого ранга носили длинные платья, ниспадающие до самой земли свободными складками. Одежания эти были в основном белые, иногда зеленые и редко пунцовые. Волосы они носили распущенными по плечам, что прибавляло прелести молоденьким дамам; о длинных перепутанных волосах старших женщин смертные очевидцы всегда отзывались с ужасом. Леди-фейри покрывали голову вуалью или капюшоном и поверх часто надевали небольшой золотой венец. Рыцари их на поле битвы или в торжественных процессиях носили золотые или серебряные доспехи, а в обычных ситуациях — зеленое платье и обязательно со шляпой или капюшоном. Во всех случаях на них были зеленые плащи или мантии, иногда надетые на манер пледа.

Источники утверждают, что, бывая в деревне, фейри одевались, как их соседи-люди — видимо, чтобы не привлекать к себе внимания и не быть узнаваемыми. Бесси Данлоп (1576) только значительно позднее узнала, что посетившая ее «статная женщина» была на самом деле Королевой Эльфов². В бесчисленных сюжетах «смертные» бывали в эльфийских холмах и знакомились с их обитателями, которых потом узнавали среди своих односельчан; однако, за таким узнаванием неизбежно следовало суровое наказание. В современной Ирландии женщина-фейри может выглядеть как уважаемая, одетая в черное экономка, и поскольку этих ужасных, пугающих созданий невозможно отличить от обычных людей ни по внешности, ни по платью, всем советуют не пускать в дом посторонних и не оказывать гостеприимства незнакомцам, когда в доме идет какая-нибудь серьезная работа, если они, конечно, не хотят, чтобы чужак вдруг оказался одним из Доброго Народа.

Об инструментах и домашней утвари фейри известно очень мало. Веретена у них есть, но колесная прялка ни разу не упоминается; они ткут, но нет данных о том, чтобы у них встречались ткацкие станки. Керамика — но не металл — видимо, широко используется для домашних нужд, так как есть масса историй, в которых фейри одалживают металлические

1 Campbell, J. F., op. cit., II, p. 57.

2 Pitcairn, op. cit., I, pt. II, p. 56.

сосуды, которые затем весьма пунктуально возвращают и часто с каким-нибудь подарком в уплату за аренду. Мимоходом замечу, что феиры вообще очень скрупулезно держат слово, и в этом ведут себя куда лучше «смертных», которые часто пытаются их обжулить. Они очень благодарны за доброту и воздают за деньги или помощь сторицей. В Нортумберленде феиры определенно считались смертными, так как известно, что они умирают и лежат ныне под зеленым холмом в Бринкберне¹.

Характерное оружие феиры, которое до сих пор носит их имя — стрела с каменным наконечником, или эльфийская стрела. Наконечники эти сделаны из кремня и поныне встречаются во множестве на пустошах и в холмах, где обитал этот народ. Сейчас известно, что датируются они бронзовым веком. Они такие маленькие и легкие, что использовать их можно было лишь при стрельбе из такого же маленького и легкого лука вроде того, с каким изображен танцор в маске на уже упоминавшейся палеолитической наскальной росписи. Маленькое и легкое оружие подобного рода мало чего стоило против человека или дикого зверя: стрела могла нанести максимум поверхностную рану. В источниках упоминается еще один способ обращения с такими стрелами, и не более эффективный, чем легкий лук: отщелкивать их большим пальцем — так мальчишки играют с мраморными шариками. И все же попадание эльфийской стрелы означало смерть или, по меньшей мере, серьезную болезнь, обычно паралич. Одна из теорий, объясняющих ужас перед этим слабым оружием, гласит, что стрелы обычно были отравлены. Легкой царапины острым наконечником было вполне достаточно, чтобы яд проник в кровоток, а в случае с человеком остальное довершал испуг. Домашние животные редко умирали от эльфийских стрел, если им вовремя давали лекарство, так что результат ограничивался несколькими днями болезни; без должного внимания они, впрочем, тоже умирали. В источниках и прямо упоминаются отравленные стрелы: «Эльфийские стрелы делаются из болотного тростника, наконечники — из белого кремня и смочены соком болиголова»². Вполне возможно, что использование отравленных дротиков было наследием палеолита: с их помощью первобытный человек мог

1 *Denham Tracts*, II, pp. 134, 143, ed. 1895.

2 Keightley, T., *Fairy Mythology*, II, p. 161, ed. 1828.

надеяться победить своих четвероногих врагов. Обычные полевые и лесные ядовитые растения часто оказываются смертельны при дистилляции и прямом введении в кровоток через рану. Пара охотников с хорошим запасом отравленных стрел могла успешно держать на расстоянии стаю волков, так как яды такого рода действовали очень быстро. Есть свидетельства очевидцев, подтверждающие, что эльфийские стрелы изготавливались и использовались по назначению даже в XVII веке. В 1662 году Изабель Гоуди показала: «Что до эльфийских наконечников для стрел, так их дьявол делает своими руками и отдает потом мальчишкам-эльфам, которые точат и снаряжают их при помощи такой острой штуки вроде кулевой иглы». Изабель обнаружила, что отщелкивать стрелу большим пальцем не так-то просто, и для этого нужна тренировка, ибо хоть она и похвально попала в пахаря и убила его, но в помещика она промахнулась¹. Отравленные стрелы невозможно было использовать для отстрела дичи или иных идущих в пищу животных, так как яд оставался в организме и при готовке никуда не девался. Охотники загоняли дичь пешком, как до сих пор поступают бедуины на Ближнем Востоке.

В источниках нет данных о том, чтобы Малый Народ использовал против людей какое-то еще оружие, кроме стрел, хотя между собой они, кажется, сражались и копьями, а также изготавливали бронзовые мечи необычайного качества. В сюжете о Гише гномы (то есть, фейри) выковали меч Грейстил, который мог разрубить все, на что бы ни пал его удар; лезвие его невозможно было затупить чарами, как у мечей, сделанных смертными. Фейрийское метательное копьё хранилось в Медридж-холле в графстве Дарем, но, к сожалению, никаких легенд о том, как оно оказалось во владении смертных, нам не известно².

Некоторое количество вещественных свидетельств существования фейри дошло до нас в форме произведений искусства и ремесла, тем или иным способом оказавшихся в руках людей. У Жервеза из Тилбери и Уильяма из Ньюбери есть рассказ о том, как некий человек однажды украл у фейри чашу; она была «из неизвестного материала, поразительного цвета и необычной формы». Вор отдал ее эрлу Глостерскому,

1 Pitcairn, op. cit., III, p. 61.

2 *Denham Tracts*, II, p. 113.

который подарил ее Генриху I, а он в свою очередь — брату королевы, Дэвиду Шотландскому. Проведя много лет в шотландской сокровищнице, она была подарена Уильямом Львом Генриху II. В Кирк-Мэлью, что на острове Мэн, был серебряный кубок, который считали украденным у фейри; похожие истории рассказывают и в других местах¹. Удача Иденхолла — это расписная стеклянная чаша; во владении этой семьи она оказалась благодаря некоему мяснику, который как-то застал фейри за пиром; в ужасе они бежали, побросав посуду. Во Френшеме, что в Суррее, есть большой металлический котел, который, как говорят, в свое время одолжили у фейри, да так и не вернули. В Шотландии хорошо известно знамя Макдональдов, которое фейри преподнесли некогда в дар вождю клана. Хотя нет никаких доказательств тому, что предметы эти действительно сделаны руками фейри, само поверье свидетельствует о том, что — по крайней мере, в более поздний период — фейри были не менее искусны в обработке металла и камня, а также в ткачестве, чем люди, и что созданные ими предметы столь же реальны и осязаемы, как и произведения человеческих рук того же времени.

Если, таким образом, теория моя верна, средневековые рассказы о фейри являют нам живую традицию людей эпохи неолита и бронзового века, населявших Западную Европу. Дальнейшие исследования, возможно, смогут показать прогресс их цивилизации — сначала благодаря контактам тех, кто еще обрабатывал камень, и тех, кто уже работал с бронзой, а затем через медленное развитие отношений с людьми железного века, потомками которых они и были в конце концов поглощены. Последними аутентичными свидетельствами о фейри мы обязаны Шотландии XVII века — в Англии они исчезли задолго до того. Этот странный и интересный народ с первобытной культурой деградировал до крошечных духов с прозрачными крылышками, обитателей легенд и фантазий, и встречается ныне лишь в сказках на забаву детям. Настоящие жители холмов, вселявшие ужас в соседей и панику — в священников христианской веры, окончательно канул в небытие.

¹ Waldron, G. Manx. Society xi (1859), *Description of the Isle of Man*, pp. 126—127.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЖРЕЧЕСТВО

«Ведьма есть особа, которая вступает в контакт с дьяволом ради получения совета или совершения какого-либо деяния».

— Лорд Коук.

Во всех организованных религиях, пусть даже низовой культуры, есть институт священства, и чем более религия организована, тем более систематизировано ее священство. В древние времена жреческие обязанности отправляли, судя по всему, преимущественно женщины, но по мере изменения религии ритуальную эстафету у них приняли мужчины. Это явствует из истории Египта, где в ранних надписях упоминается множество жриц-женщин; в поздних они занимают посты лишь храмовых певцов. Однако когда религия увядает, и ее место занимает новая, женщины нередко остаются верными ей и отправляют старые обряды, выступая в них по необходимости жрицами.

Эти изменения хорошо видны по культуре Рогатого Бога. Среди палеолитических изображений есть только одна сцена, изображающая религиозную церемонию с участием нескольких людей, — сохранилась она в Когале (северо-восточная Испания). Это танец девяти женщин вокруг стоящей мужской фигуры. Похожий танец, также вокруг стоящей мужской фигуры, датируется XVII веком, но здесь показаны мужчины и женщины вперемешку.

Коттон Мазер относительно салеминых ведьм (1692 год) утверждает следующее: «Ведьмы говорят, что организуются во многом по модели Конгрегационалистской Церкви; что у них есть крещение и причастие, и священнослужители, кощунственно напоминающие тех, что от Господа нашего»¹. Его заявление в обилии подтверждается материалами судов. В ко-

¹ Mather, C., *Wonders of the Invisible World*, p. 160, ed. 1862.

венах явно присутствует жреческий элемент. Само слово «ковен» было в ходу в Англии и Шотландии и обозначало группу людей обоих полов, пребывающих в тесном общении со своим богом, посещающих все большие и малые собрания, отправляющих церемонии в одиночку или под руководством Великого Магистра и активно участвующих в ритуальной деятельности. Их бог давал им молитвы, помогал советом и всяким прочим вспомоществованием, его непосредственным присутствием они наслаждались на всех общинных церемониях и обрядах. Иными словами, эти люди исполняли религиозные обязанности, обычно ассоциируемые с саном жреца или жрицы, и потому их следует рассматривать как духовенство Рогатого Бога. Возможно, именно эту систему имеет в виду Реджинальд Скот, сообщая, что ведьма проходит через три посвячительных церемонии. Первая состояла в том, что ведьма принимала приглашение дьявола присоединиться к избранному обществу, «они соглашались частным порядком и на собрание фейри не ходили» (обратите внимание на связь между ведьмами и фейри). «Порядок их сделки, или принятия обета, — двойной: один — торжественный и публичный, — другой тайный и частный»¹. По всей вероятности, под сим подразумевается, что после публичного исповедания своей новой веры, какое совершают все новообращенные, над новой жрицею совершался еще один ритуал — особый и частный. Де Ланкр заявляет, что «есть две разновидности ведьм, и первая состоит из ведьм, которые, отринув бога, предаются всецело ядам и снадобьям. Вторая же — из тех, кто отверг Иисуса Христа и Его веру и предал себя Сатане. Эти творят чудеса»².

Именно этот круг людей в XVI и XVII веках клеймили с особенной яростью и называли ведьмами; для описания подлого этого племени христианские хронисты не жалели оскорбительных и бранных эпитетов. Излюбленными прилагательными для ведьм и их деяний у них были «адский», «дьявольский», «демонический», «инфернальный», «мерзостный», «ужасный». Расчетливым применением подобных определений, особенно если писать их с большой буквы, можно достичь превосходного, леденящего кровь эффекта. *Черная*

1 Scot, Reginald, *Discoverie of Witchcraft*, Bk. III, 40, ed. 1584.

2 De Lancre, P., *L'Incredulité et Mescreance du Sortilege*, p. 558, ed. 1622.

Магия с обеих больших букв выглядит куда более зловеще, чем если писать ее с маленьких. *Адский Алтарь*, воздвигнутый меж *Инфернальных Столпов*, и *Кровожадная Карга*, приступающая к *Богохульному Причастию*, звучат гораздо ужаснее, чем если описать их в более умеренных выражениях. Точно так же их вождь или Великий Магистр представляется более кошмарным и внушительным, если звать его Сатаною, Мерзостным Врагом рода Человеческого, Князем Тьмы, Супротивником Спасения и всяким таким подобным, а не скромным Человеком в Черном. Эффект можно еще дополнительно усилить, если набирать имена староанглийским готическим шрифтом, как делает тот же Глэнвил. Когда достигается нужный градус ужаса, можете считать, что разум читателя уже вполне готов принять за чистую монету доказательства, которые, весьма вероятно, отверг бы, будь они представлены ему в манере холодной и критической. Впрочем, этот готический туман царит во многих умах и по сей день. Старый оскорбительный стиль до сих пор отлично работает, деяния ведьм до сих пор приписывают оккультным силам и сношениям с Врагом Рода Человеческого и самим Принципом Зла, и развеять этот морок, нагнанный христианскими авторами, до сих пор представляется задачей довольно непростой.

Огромные количества приверженцев Старой Веры так никогда и не предстали перед лицом инквизиторов, так как преследования, судя по всему, были во многом направлены именно против организованных ковенов, членов которых считали дьяволопоклонниками и врагами Христовыми, отправляющими адские обряды и заключающими сделки с инфернальными силами. Никого не интересовало, если они применяли магию лишь ради благих целей: раз обвиняемый принадлежал к ковену, судьба его была решена. Это вполне объясняет многочисленные случаи, когда мужчины и женщины вели порядочную и добродетельную жизнь и практиковали так называемое колдовство лишь ради блага других, что совершенно не мешало Церкви выслеживать их и предавать самой жестокой смерти. Жанна д'Арк в начале этого периода и салемиские ведьмы в конце умерли за свою веру, а не за поступки. Боден даже позволяет себе заявлять: «Если ведьма никогда не убивала и не причиняла зла людям, животным и садам или даже если лечила заколдованных

и отвращала бури, она все равно заслуживает быть сожженной живою, поскольку она отвергла Бога и стакнулась с Сатаной»¹. В другом месте он утверждает: «Даже если имело место просто обязательство Дьяволу и отрицание Бога, она достойна самой жестокой смерти, какую только можно представить»².

Число участников ковена никогда не варьировалось, их всегда было тринадцать — то есть, двенадцать человек и бог. В небольших округах имелся только один ковен; там, где средства сообщения были доступны, а число жителей велико, в каждой деревне существовало по ковену, но вместо бога в каждом были мужчина или женщина, исполняющие обязанности Великого Магистра и отправляющие ритуалы от его, бога, имени. Когда все ковены собирались на Великие Шабаша, и их Великий Магистр присутствовал лично, его заместители именовались «служителями». Есть основания полагать, что по смерти Великого Магистра его место занимал один из служителей — либо по старшинству, либо по результатам выборов. Во времена преследований дознавателям, судя по всему, было хорошо известно о существовании ковен: часто можно наблюдать, как судьи, священники и пасторы вынуждали злостных обвиняемых оговаривать своих сподвижников, но как только количество привлеченных к суду или хотя бы обвиненных достигало тринадцати или какого-нибудь числа, кратного тринадцати, сбор улик сразу прекращался. По этому поводу имеется заявление одного из ведущих юристов, который в середине XVII века писал, что к одним членам своей конгрегации дьявол относился иначе, чем к другим: «Заповеди Ведовства не сообщаются равно каждому, но лишь его собственным поданным, и не всем из них, но лишь особым и проверенным»³. Возможно, именно по этой причине лорд Кук дал ведьме определение как особе, «которая вступает в контакт с дьяволом ради получения совета или совершения какого-либо деяния»⁴.

Само число тринадцать, вероятно, обладало каким-то особым значением в дохристианские времена. Упомяну только два

1 Bodin, J., *De la Demonomanie des Sorciers*, p. 262B, ed. 1604.

2 Ibid., p. 210B.

3 *An Advertisement to the Grand-jury Men of England touching Witches*, p. 8, ed. 1627.

4 Pitcairn, R., *Criminal Trials*, III, p. 63, ed. 1833.

примера: Ромул, который был одновременно и царем, и воплощенным богом, выходил к народу не иначе как в окружении двенадцати ликторов; датского героя Хрольфа всегда сопровождали двенадцать берсерков. Оба этих джентльмена — легендарные персонажи; Хрольф жил уже в христианскую эру, хотя сам по себе был язычником, но Ромул определенно относился к дохристианской эпохе, так что предания о нем никак не могут быть окрашены христианскими представлениями. Следовательно, у нас есть основания полагать, что ковены Рогатого Бога возникли еще до того, как в мир пришло Христианство.

Есть только один процесс, в материалах которого число тринадцать получило особое освещение: Изабель Гоуди показала, что в каждом ковене ее округа состояло по тринадцать человек. В других случаях можно просто пересчитать проходящих по делу лиц. Как я уже упоминала ранее, Старая Религия дольше сохраняла свои позиции среди женщин, чем среди мужчин. Ковен Ромула состоял из тринадцати мужчин. Если легендарные товарищи Робина Гуда были реальными людьми, его ковен состоял из двенадцати мужчин и одной женщины¹. У Жилия де Ре в 1440 году было одиннадцать мужчин и две женщины². Бесси Данлоп (1567) говорила о пяти мужчинах и восьми женщинах³, а в Кинросшире (1662) ковен образовывали двенадцать женщин и один мужчина⁴.

Воплощенный Бог, которого христианские хронисты честно именовали дьяволом, являлся предводителем ковена; второй по рангу назывался Служителем и представлял вождя в его отсутствие. Помимо них была еще женщина, которую в Шотландии именовали «Девой»⁵. Все должности — в том числе и предводителя — могли занимать женщины, хотя обычно на них состояли все же мужчины, за исключением поста «Девы», которая всегда была женщиной. В Англии женщины, кажется, дублировали посты исполняющего обязанности предводителя и Девы. Всякий раз, когда она вообще упоминается,

1 Ritson, J., *Robin Hood*, I, pp. v, xxx, ed. 1795.

2 Hernandez, Ludovico, *Le Procès inquisitorial de Gilles de Rais*, ed. 1921.

3 Pitcairn, op. cit., I, pt. ii, p. 52.

4 *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*. New Series X (1888), p. 219.

5 Pitcairn, op. cit., III, pp. 610, 613.

Дева представляется более важной персоной, чем Служитель, и второй по рангу после Великого Магистра, хотя и не обладает никакой исполнительной властью. Она восседает одесную Воплощенного Бога на пиршествах и обычно возглавляет вместе с ним танец. Если, как я думаю, Жанна д'Арк принадлежала к Старой Вере, ее титул *La Pucelle*, то есть, Дева, обретает новый смысл и подчеркивает ее положение относительно царственного господина, так как она была не просто Орлеанской Девой, но и носила куда более высокий титул Девы Франции.

Функцию вестника могли придать любому члену ковена. В маленьком округе вождь сам извещал всех членов ковена, где именно состоятся эсбат или еженедельное собрание. В больших один из членов группы, хорошо известный всем остальным, ходил от дома к дому и передавал всем эту информацию. «Много раз сам созывал их на встречу, иногда назначал другого оповещать всех за него»¹, — как в случае Роберта Грива из Лодера (1649 г.). — «Дьявол сам дал ему такое задание быть его вестником и созывать других на встречу»². Вестник, будь то вождь или кто-то из простых членов ковена, исполняя эти обязанности, принимал все меры, чтобы не быть узнаваемым. В Ренфрьюшире требование секретности было еще строже: «По особым случаям являлся Черный Пес с цепью на шее, и за звоном ее они должны были следовать»³.

Обязанности служителя были разнообразны. Часто именно он выступал в роли вестника, а также организовывал собрания и следил за тем, чтобы все получили необходимую информацию; он вел записи о посещаемости и проделанной работе, представлял вождю новых членов и информировал его обо всех потенциальных неофитах. Если вождь танцевать не желал, служитель вел вместо него танец, а если он был по совместительству еще и христианским священником — случай, отнюдь не редкий — то принимал участие в отправлении религиозной службы.

Еще одним важным членом ковена был музыкант. Предводитель часто сам этим занимался, сидя в центре круга и играя на волынке, флейте или еврейской арфе. Джонет

1 Danaeus, L., *Dialogue of Witches*, chapter III, ed. 1575.

2 Sinclair, G., *Satan's Invisible World Discovered*, p. 47, ed. 1871.

3 *Narrative of the Sufferings of a Young Girle*, p. xlv, ed. 1698.

Лукас¹ из Абердина в 1597 году обвиняли в том, что «ты с ними повиновалась господину своему, дьяволу, и плясала в хороводе, он же играл прелестно на инструменте». Как-то раз Изабель Коки из того же ковена не особенно высоко оценила игру дьявола: «Ты вела танец вместе с Томасом Лейисом, и поскольку дьявол играл не так мелодично и красиво, как тебе хотелось, ты вытащила инструмент у него изо рта и взяла сама, и играла сама с той поры для всей компании». Как правило, однако, музыкант в хороводе не плясал, но сидел вне круга, хотя в длинных танцах-процессиях ведущим часто был он.

Организация была очень хорошей, каждый возглавляемый своим служителем ковен пользовался полной независимостью, однако, поддерживал связь со всеми остальными ковенами данной местности под началом Великого Магистра. Такова была система, которой, по всей вероятности, следовал Августин, когда «поставил епископов во всех местах, где прежде были фламины, и архиепископов — где были архифламины».

Ковен мог функционировать самостоятельно или — когда нужно было определенное количество народу — сотрудничать с другими ковенами. Объединенными усилиями ведьмы Норд-Бервика добились одного из лучших в истории результатов². Там было тридцать девять мужчин и женщин, то есть, три ковена, которые собрались вместе, чтобы помочь своему главе победить Иакова VI Шотландского. Одни из них подняли бурю, другие занялись медленным уничтожением воскового образа, третьи готовили жабий яд, а четвертые сговорились добыть какое-нибудь одеяние, которое носил король. Членам одного ковена такое было бы не под силу, так что им пришлось попросить о помощи другие ковенy под водительством одного Магистра.

Когда культ процветал, вербовка неофитов была не нужна, но когда Церковь вошла в силу и начала преследования, добывать новообращаемых стало нелегко. Судя по показаниям ведьм, вождю нередко приходилось прибегать к убеждению и подкупу, чтобы обеспечить себе нужного рекрута. По вступлении в ковен выйти из него неофиту уже было трудно из-за суровости внутренней дисциплины. В большинстве мест

¹ *Spalding Club Miscellany*, I, pp. 114—115, ed. 1841.

² Pitcairn, op. cit., I, pt. ii.

Магистр правил благодаря любви, которую питали к нему как к воплощенному богу члены ковена. Как пишет де Ланкр, «дьявол так держал сердца их и воли, что едва ли какое другое желание могло проникнуть в них»¹.

Такое личное отношение верующего к своему боже-ству всегда следует принимать во внимание, когда речь идет о Рогатом Боге. «Любовь к богу» среди ведьм была не просто *façon de parler*², но важнейшей силой их жизни.

Такую страстную привязанность к своей религии и богу христианские авторы считали форменным святотатством и происками дьявола. «Сатана обещает, что после этой жизни они будут так счастливы, — пишет Боден, — что это от-вращает их от покаяния, и они умирают закоренелыми в сво-ем грехе»³. Де Ланкр в том же духе призывает светских су-дей не питать ни малейшего сострадания к стойкости ведьм под пыткой, ибо «это один лишь дьявол дает им на то силы, и терпение их — одно только упорство во грехе, нет в кото-ром никакого достоинства, и не заслуживает оно иного нака-зания, кроме вечных мучений в адском пламени»⁴. В Англии протоколы часто велись довольно подробно. Роуз Хэллибред и Ребекка Уэст⁵ «умерли в упрямстве и непокорстве, безо вся-кого раскаяния и угрызений совести из-за мерзкого свое-го колдовства». Ведьмы Нордгемптоншира оказались особен-но верны своему богу. Агнесс Браун и ее дочь, приговорен-ных к смерти, отвезли назад в тюрьму, где не слышали от них ни единой молитвы или воззвания к Господу нашему, но с са-мыми горькими проклятиями и бранью провели они там то малое время, что осталось им жить до дня казни, когда, ни разу не испросив прощения за преступления свои перед Богом или перед миром, в опасной и отчаянной решимости своей они умерли». Когда перед казнью Элинор Шоу и Мэри Филипс из того же ковена «им предложили произнести молитву, они обе очень громко захотали, призывая дьявола прийти и по-мочь им с такими богохульствами, какие не пристало даже

1 De Lancre, P., *Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges*, p. 125, ed. 1613.

2 Здесь: «фигура речи» (фр.). — *Примеч. непева.*

3 Bodin, J., *Fléau des Demons et Sorciers*, p. 373, ed. 1616.

4 De Lancre, *L'Incredulité*, p. 608.

5 *Full Tryals of Notorious Witches of Worcester*, p. 8, n.d.

упоминать; так что шериф, видя их закоренелую нераскаянность, приговорил их к казни со всей возможной поспешностью; невзирая на проклятия их и неистовства, и как жили они истинными служительницами дьявола, так и умерли решительно у него на службе». Оставшиеся члены ковена погибли «без признания и раскаяния»¹. На острове Гернси в 1563 году Мартин Тулуфф и Колинетт Гаскуань тоже отвергли прощение Бога и королевы².

Система наград и наказаний существует повсеместно, но начинает играть ключевую роль, лишь когда религия клонится к закату. Публичная похвала перед общим собранием ковена, честь возглавить танец с Магистром и денежные подарки обычно служили наградой. Наказание могло состоять в публичном выговоре за малые проступки. За более серьезные нарушения обычным исправительным средством служили побои. Занимался этим предводитель, действуя кулаком или палкой. Имевшие обыкновение переступать границы члены ковена, должно быть, возвращались домой черные от синяков и ссадин в напоминание о том, что долг их перед вождем — полное повиновение.

Более капитальные наказания появились, вероятно, лишь после того, как религия стала тайной, а преследования Церкви — особенно жестокими. Они ждали действительных или потенциальных предателей, чьи поступки угрожали безопасности других членов ковена и в особенности Магистра. Почти всегда карой было удушение, которое часто происходило в тюрьме, где держали подозреваемого предателя. После этого вокруг шеи жертвы свободно повязывали тонкую веревку или еще какую-нибудь совершенно неуместную в данных условиях лигатуру, чтобы показать, что смерть случилась не от руки самого обвиняемого, но стала актом правосудия. Хотя христианские авторы обычно подытоживали события словами «и дьявол умертвил его в тюрьме», есть один источник, наглядно раскрывающий, как именно происходила подобного рода казнь. К колдуну Плейфейру обратилась мать Роберта, эрла Лотианского, по поводу рака груди. Он излечил женщину, переведя болезнь на ее мужа, который вскоре

1 *Witches of Northamptonshire*, p. 8, ed. 1612.

2 Уголовная хроника Гернси.

скончался от рака горла. В 1597 году указанный Плейфейр был арестован и заключен в Далкейтской церкви, и «признался в этом и многих других мерзостях мистеру Арчибальду Симсону, тамошнему священнику, и потому что признание это дошло до ушей Роберта, эрла Лотианского, сына моего лорда, он допустил неких людей побеседовать с заключенным среди ночи, посредством чего поутру тот был обнаружен *обестокоенным* [задушенным] со шнурком от штанов, завязанным вокруг шеи, но никакого расследования не было произведено относительно того, кто совершил сие злое деяние»¹.

Шнурку или веревке ведьмы придают чрезвычайное значение, так как это у них знак ранга. Обычно они повязывали его кругом ноги, как подвязку. Популярные суеверия современной Франции дают ключ к пониманию этого символа². Согласно до сих пор бытующей традиции, в каждом кантоне есть строго определенное количество ведьм, главная из которых носит подвязку в знак своего высокого положения. Право возглавлять ковен ведьм передается, говорят, по старшинству. В Верхней Бретани человек, заключивший с дьяволом договор, носит красную подвязку³. Красная подвязка фигурирует и в одной из крокеровских историй об ирландских фейри: «Клурикон показал Тому, где под большим *boliaun* (крестовником) был зарыт горшок золота. Том навязал вокруг ствола свою красную подвязку, чтобы узнать его потом, а сам пошел за лопатой. Вернувшись, он обнаружил, что на каждом крестовнике в этом поле повязана красная подвязка»⁴. Здесь подвязка была, вне всяких сомнений, использована в качестве магического инструмента человеком, который никакого права на это не имел, по каковой причине никакой пользы ему с того и не вышло.

Это все современные примеры, но в XVI и XVII веках подвязка играла куда более зловещую роль. Я уже упоминала источник о гибели некоего Плейфейра, где причина и следствие указаны очень четко: кара за предательство следует почти непосредственно за преступлением. Поскольку убийство спровоцировал человек высокого ранга, «никакого расследования

1 *Staggering State of Scots Statesmen*, p. 91, ed. C. Rogers, ed. 1872.

2 *La Tradition*, VI (1892), pp. 108—109.

3 Sebillot, P., *Traditions et Superstitions de la Haute Bretagne*, I, p. 189, ed. 1882.

4 Croker, T. C., *Fairy Legends*, p. 125, ed. 1859.

не было произведено относительно того, кто совершил сие злое деяние». В то же время вполне возможно, что граф Лотианский сам был главой ковена, способным внушить подобный страх. Страх же предотвратил дальнейшее расследование и в случае колдуна Джона Стюарта в 1618 году. Он находился в тюрьме по обвинению в колдовстве и был, по его собственным словам, так крепко связан, что не мог руку поднять «ни чтобы берет снять, ни чтоб хлеб ко рту поднести». За полчаса до начала суда его посетили двое служителей церкви. Не успели они уйти, как уже прислали приставов, чтобы отвести его к судьям. Приставы обнаружили, что Стюарт мертв, задушен «конопляным волокном (или конопляной веревкой), предположительно, его подвязкой или шнурком от берета». Его вынесли на воздух и приняли все возможные меры к оживлению, но «к жизни он не вернулся, и так окончилась пружалко его жизнь с помощью господина его, дьявола»¹. В 1696 году Джон Рид из Ренфрюшира ожидал в тюрьме суда за колдовство. Как-то ночью его спросили, «желает ли он компании или боится оставаться в одиночестве, и ответил он, что не страшится ничего». На следующее утро его обнаружили задушенным: собственный его шейный платок был свободно повязан у него на шее и привязан за конец к палочке, вбитой в дырку над каминной доской. «Пришли к выводу, что неким необычайным посредством было сие выполнено, особенно поскольку дверь в комнату оказалась запертой, а окно забито доскою, которой там не было прошлым вечером, когда его там оставили»². Эти тайные казни придают особый смысл исполненным презрения словам Жиля де Ре, бросившего в лицо пытавшемуся привлечь его за колдовство церковному суду, что он «скорее будет повешен на шнурке, чем подчинится их юрисдикции»³.

Веревка в качестве подвязки, в шнуровке куртки или в головном уборе была в те времена совершенно обыденной частью платья: просто удивительно, как часто на ней делают акцент, описывая костюм дьявола. Шотландский Том Рид носил шапку, «закрытую сзади и простую спереди, со шнурком,

¹ *Trial of Isobel Inch*, p. 11, ed. 1855.

² *Narrative of the Sufferings of a Young Girle*, p. xlv, ed. 1698.

³ Bossard, E., *Gilles de Rais*, p. xiv, ed. 1886.

пропущенным через края»¹. Ланкаширский Мамильон одевался в черный костюм, зашнурованный шелковыми шнурками². Его шведский предшественник щеголял в красно-синих чулках с длинными подвязками³. Значимость подвязки доказывает сцена ведьмовского танца с известной палеолитической фрески, где у мужской фигуры, стоящей в центре, на каждую ногу надето по подвязке — их хорошо видно по сторонам от коленей. Весьма, таким образом, вероятно, что веревка действительно была символом власти и носилась специально на такой части тела, где ее всем было хорошо видно, и она при этом никак не мешала движениям носителя.

Подвязка издавна наделялась магическими свойствами, особенно если принадлежала женщине. За подвязки невесты на свадьбах шли настоящие сражения, а в качестве знахарского пояса⁴ всегда выступал ремень колдуна или подвязка ведьмы. Знахарский пояс — признанное средство выяснить, выздоровеет человек или нет; его обвязывали вокруг пациента и по некоторым признакам получали пророчество. Именно в этой магической практике была обвинена злосчастная Джанет Пересон в Дареме в 1570 году. Обвинения против нее гласили, что она «пользовалась колдовством и измеряла пояса, чтобы спасти людей от фейри»⁵. В XVIII веке магическая сила подвязки получила наглядное отражение в одном оркнейском сюжете: «В Скаллоуэе орел как-то украл петуха и полетел с ним в когтях, и один из колдунов, сие увидав, взял веревку (вероятно, свою подвязку) и навязал на нее несколько узлов, говоря самые обычные слова, и орел уронил петуха в море»⁶.

В легендах в качестве чрезвычайно значимого элемента нередко фигурируют подвязки. О замке Сьюингшилдс, что в Нортумберленде говорят, что в пещере под замком спят король Артур, королева Гвиневера, их придворные и дважды тридцать собак. Некий фермер как-то проник в пещеру

1 Pitcairn, op. cit., I, pt. ii, pp. 51—56.

2 Baines, E., *History of the County Palatine and Duchy of Lancaster*, I, p. 607 note, ed. 1836.

3 Horneck, A., // *Glanvil, Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, p. 487, ed. 1726.

4 Т.н. Mettve Belt (шотл.).

5 *Surtees Society*, XXI (1845), p. 99.

6 Brand, J., *New Description of Orkney*, p. 117, ed. 1703.

и на каменном столе подле входа увидел каменный же меч, подвязку и рог. Он взял меч и перерезал подвязку, и тут же с замиранием сердца увидел, как спящие просыпаются. Уже выбегая из пещеры услышал он, как король Артур сказал: «О, проклят будь злосчастный день, когда родился тот дурак, что поднял меч, подвязку взрезал, но не подул в охоты рог!»¹ Стратт утверждает, что в IX веке ношение подвязки было привилегией «королей и принцев, а также духовенства высшего ранга, и стало частью их сословных привычек»². В Средние века подвязка, очевидным образом, обладала значением, которое к нашему времени уже утратила. «Черная Книга» утверждает, что Ричард I воодушевил свою армию при осаде Акко, пожаловав некоторым избранным рыцарям кожаные подвязки.

Необычайно подробная история основания Ордена Подвязки в правление Эдуарда III также иллюстрирует значимость этого предмета. Известная ныне каждому ребенку история гласит, что некая дама, не то Прекрасная Дева из Кента, не то графиня Солсбери, обронила подвязку, танцуя с королем Эдуардом, и чрезвычайно смутилась. Король же подобрал подвязку и повязал вокруг собственной ноги, со знаменитыми словами: «*Honi soit qui mal у pense*» («Позор тому, кто плохо об этом подумает»), — и немедленно основал в честь этого события Орден Подвязки с двадцатью шестью рыцарями. С самого начала этот орден был наивысшим из всех рыцарских орденов в Европе. Хотя легенда эта вполне может носить апокрифический характер, в ней наверняка сокрыто зерно истины. Смущение графини объяснялось отнюдь не ее скромностью — чтобы шокировать даму XIV века, обронить подвязку было бы маловато. Однако сам факт наличия подвязки доказывал, что леди Солсбери была не только приверженцем Старой Религии, но и занимала в ней наивысший ранг, а, следовательно, жила под постоянной угрозой кары со стороны Церкви, которая в то время уже вступила на позорный путь преследований ведьм. Быстрота реакции и присутствие духа у короля могли спасти непосредственную ситуацию, но его действия не объясняют ни сказанных при этом слов, ни основания

¹ *Denham Tracts*, II, p. 126, ed. 1895.

² Strutt, J., *Complete View of the Dress and Habits of the People of England*, I, p. 45, ed. 1796.

памятного ордена. Если же подвязка была знаком верховной власти в Старой Религии, он таким образом занял в глазах подданных-язычников положение Воплощенного Бога. Примечательно, что за этим экстравагантным поступком немедленно последовала организация ордена из двенадцати рыцарей короля и двенадцати рыцарей принца Уэльского, итого двадцати шести — перед нами, иными словами, два ковена. Фруассар считает, что Эдуард III вполне понимал скрытое значение подвязки: «Король сказал им, что она окажется превосходным средством объединения не только его подданных одного с другим, но и всех иностранцев с ними узами согласия и мира». Интересно, что мантия короля как Магистра Ордена Подвязки расшита ста шестьюдесятью восемью подвязками, которые вместе с его собственной, носимой на ноге, образуют сто шестьдесят девять — тринадцатую тринадцать — то есть, тринадцать ковенов.

СОБРАНИЯ

У ведьм существовало два класса собраний: эсбаты только для ковенов и саббаты или шабаши — для всей конгрегации в целом.

Эсбаты проводились еженедельно, хотя и не всегда в тот же день недели и в том же месте. Цели их были как религиозные, так и деловые. Присутствовать на эсбате должны были все члены ковена, а прочие члены конгрегации допускались только на религиозные обряды. Как-то раз французские язычники Антуан Торнье и Жакема Паже подбирали оставшиеся после жатвы колосья, а по дороге домой увидели сборище на поле под названием Лоншамуа. Они положили наземь свои котомки и присоединились к собранию, а по его окончании подобрали свои пожитки и отправились домой¹. И в наши дни довольно обычно, когда женщины по дороге домой с работы останавливаются и присоединяются к религиозному собранию, в точности как сделали Антуан и Жакема. Разница только в том, что современные женщины посещают христианские службы, а ведьмы — языческие ритуалы, и первые называются верующими, а вторые — дьяволопоклонниками.

¹ Boguet, H., *Discours des Sorciers*, p. 102, ed. 1608.

Чисто деловая часть программы эсбатов и саббатов состояла в докладах членов ковена о проделанной за неделю работе и о планах на ближайшее будущее. Изабель Гоуди (1662) утверждала, что «обо всех наших поступках и деяниях между собраниями надлежало дать отчет и записать в его книгу на каждом великом шабаше»¹. Также ведьмы совещались непосредственно с вождем или с его заместителем по всем вопросам, в каких им потребен был совет. Вопросы эти касались обычно болезней, так как ведьмы ковена всегда работали в своих деревнях знахарками и целительницами. Были также прорицания и гадания, относительно которых им требовались наставления. Доклады ведьм информировали вождя обо всем, что происходило на его участке, так что он мог по мере надобности хвалить их и ругать. Новообращенный член ковена на эсбате получал инструкции от самого вождя или от кого-то из сотоварищей. Среди этих инструкций были и методы дивинации при помощи животных. Иногда бывало так, что самому предводителю требовалась помощь, и тогда он избирал себе помощников из числа присутствующих. Если надо было проверить новое снадобье или амулет, весь ковен получал соответствующие указания; о результате, удачном или нет, докладывали на следующем сборище. Также к информации делового характера относились сведения о потенциальных неофитах. Члены ковена всегда были рады вернуть словечко, если кто-то из мирян выражал недовольство христианством, после чего Магистр или кто-то из служителей брали дело в свои руки. После того, как дела заканчивались, ковен приступал к религиозным церемониям. Иногда вождь держал речь, в которой обозначал и объяснял религиозные догмы, однако, в качестве основного ритуала выступал обычно священный танец. За ним следовало пиршество, после чего иногда снова танцевали. На этом собрание заканчивалось, и все расходились по домам.

Эсбаты проводились как под крышей, так и на свежем воздухе. Поскольку обычная хижина слишком мала для тринадцати человек, сборища время от времени устраивали в церкви, чрезвычайно тем самым скандализируя всех благочестивых христиан. Чаше, впрочем, встречи проводились на свежем

¹ Pitcairn, *op. cit.*, III, p. 613.

воздухе и не так чтобы очень далеко от деревни. Обычно это происходило ночью, но собрания не всегда длились до рассвета — это зависело от количества дел, с которыми надлежало разбраться. Известны и дневные эсбаты, но они, как и все приготовления к ним, определялись волей Магистра.

Саббаты проводились раз в сезон — второго февраля (Кэндлмас), в канун Майского дня, первого августа (Ламмас) и в канун первого ноября (день Всех Святых). Май и ноябрь считались точками поворота года, остальные два праздника делили полугодия еще пополам. Такое деление года восходит к чрезвычайно раннему календарю, бытовавшему еще до введения сельского хозяйства. Он никак не связан с посевом и жатвой, оставляет без внимания равноденствия и солнцестояния, но отмечает начало двух сезонов спаривания у животных, диких и домашних. Следовательно, он относится к эпохе охотников и скотоводов и сам по себе служит свидетельством первобытного характера культа и древности его происхождения — вероятно, в эру палеолита. Кормак, архиепископ Кашельский в X веке ссылается на эти собрания так: «В его времена четыре великих огня зажигали на четырех великих празднествах друидов, а именно в феврале, мае, августе и ноябре»¹. Семь столетий спустя, в 1661 году, Изабель Смит из Форфара созналась, что «на тех собраниях встречалась с ним [то есть, с дьяволом] каждый сезон на Кэндлмас, на Крестовоздвиженье, на Ламмас и на Хэллоумас»². Это доказывает, что Старая Вера продолжала благополучно существовать под покровом официального христианства.

Поскольку большие праздники проводились в одни и те же дни каждый год, никаких специальных уведомлений конгрегации не рассылалось. Место сбора всегда было на свежем воздухе, на равнине или вершине холма, способной легко приютить большое количество народу. Во Франции одним из таких мест была вершина Пюи де Дом, что на острове Гернси, на продуваемой всеми ветрами пустоши у дольмена, известного под именем Катиорок. В Англии годилось любое открытое поле, а в Шотландии — морской берег или верещатник.

¹ Vallancey, C., *Collectanea de Rebus Hibernicae*, No. X, p. 464, ed. 1770—1804.

² Kinloch, G. R., *Reliquiae Anticae Scoticae*, p. 133, ed. 1842.

Саббат-шабаш начинался между девятью и десятью часами вечера, а к рассвету все церемонии заканчивались. Петушиный крик возвещал не имевшим часов собравшимся, что пора расходиться. В весенний праздник конгрегация, вероятно, возвращалась в деревню в танцевальной процессии, неся в нее май.

То уважение, с которым приверженцы Старой Религии относились к саббатам, отмечает и французский инквизитор де Ланкр, которого послали искоренять культ в Пеи де Лабур. Как и все христиане, он называет его сторонников «ведьмами», но, по крайней мере, честно передает их собственные слова. Он допрашивал двух юных особ, одну двадцати девяти, а другую двадцати восьми лет от роду. Первая из них показала, что «саббат был настоящим раем, и радости в нем больше, чем можно выразить словами. Для присутствующих время летело слишком быстро, из-за осязаемого ими наслаждения и счастья, так что уходили они с бесконечными сожалениями и с нетерпением ждали, когда соберутся опять»¹. Вторая молодая женщина, которую де Ланкр называет очень красивой, поведала, что «ей исключительно приятно было отправиться на шабаш, ибо дьявол так держал сердца их и воли, что едва ли какое другое желание могло проникнуть в них. Что она получала куда больше наслаждения и счастья от посещения шабаша, нежели мессы, ибо дьявол заставил их поверить, что он — Бог истинный, и что радость ведьмы на шабаше есть лишь прелюдия к куда большей славе»². По свидетельству де Ланкра, ведьмы «честно признавались, что у тех, кто туда ходил, было непреодолимое желание (*désir enragé*) ходить туда и быть там, и дни до него так долги, вожденная ночь так отдаленна, а часы потребные на то, чтобы добраться до места, так медленны; а пребывание там слишком коротко для таких усладительных развлечений и приятнейших увеселений»³. Другой французский инквизитор, Жан Боден, также отмечает отношение «ведьм» к своей религии, хотя его записи отличаются типично христианскими формулировками: «Сатана обещал им, что

1 De Lancre, *Tableau*, p. 124.

2 Ibid., p. 125.

3 Ibid., p. 135.

будут они очень счастливы после этой жизни, и это не давало им раскаяться, и умирали они, закоренелые во грехе своем»¹.

Важной частью образа ведьмы в популярных представлениях был фамильяр. «У этих ведьм есть обычно фамильяр, или дух, в облике мужчины, женщины, мальчика, собаки, кошки, жеребенка, петуха, зайца, крысы, жабы и т.д. И этим своим духам дают они имена и собираются дабы окрестить крещением»². Пристальное исследование источников показывает, что существовало два вида фамильяров: один для гадания, а другой для творения магии. Фамильяры, судя по всему, были только у членов ковена, а не у всякого человека из конгрегации.

Гадательный фамильяр есть неременный атрибут ведовской религии. По принятии в ковен ведьме давали инструкции, по какому животному ей надлежит гадать и каким именно способом. Чрезвычайно обычна для этой цели была собака, причем иногда — хотя и далеко не всегда — встречались ограничения по масти. Элизабет Стайл из Сомерсета гадала при помощи черной собаки³, в то время как Элс Гудридж из Дербишира пользовалась пестрой собакой своего односельчанина к великому неудовольствию хозяина животного⁴. В слабонаселенных районах, где нужные звери встречались редко, у ведьмы могло быть и больше одного фамильяра. Дорсетский колдун Джон Уолш гадал по «черно-серому голубю или пятнистой собаке»⁵. У Александра Гамильтона из Лотиана в гадательных животных ходили ворона, кошка и собака⁶, а Маргарет Нин-Гилберт из Тарсо в 1719 году прорицала по черному коню, черному облаку и черной курице⁷.

Гадательного фамильяра ведьме указывал сам дьявол, когда она становилась членом ковена. Он же учил ее, как именно при помощи этого животного нужно гадать. Кроме того, у нее могло быть собственное животное для частных прорицаний. Всем им надлежало дать имена на специальном

1 Bodin, J., *Fléau*, p. 373.

2 Bernard, R., *Guide to Grand-Jury men*, pp. 107, 113, ed. 1627.

3 Glanvil, op. cit., pt. ii, p. 295.

4 Alse Gooderidge, pp. 26, 27, ed. 1597.

5 *Examination of John Walsh*.

6 *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, LVI (1922), p. 50.

7 Sharpe, C.K., *Historical Account of Witchcraft in Scotland*, p. 191, ed. 1884.

ритуале, в котором участвовали несколько человек из ковена. «Руководство для высоких судей» сообщает своим читателям, что «этим своим духам дают они имена и сходятся вместе, дабы окрестить крещением». Ланкаширские ведьмы собирались в башне Малкин в Страстную пятницу. «Сперва было наречение духа, который имелся у Алисон Девайс, ныне заключенной в Ланкастере, но она его не назвала, потому что ее там не было»¹. Французские источники показывают, как именно работали эти фамильяры. Сильвен Невийон из Орлеана, приговоренный к смерти в 1615 году, показал, что «у некоторых ведьм есть фамильяры (*marionettes*), которые суть мелкие бесы (*Diableteaux*) в обличье жаб, и дают им есть смесь молока и муки, и всякого блюда первый кусочек, и не смеют они [ведьмы] покидать дом, не спросив позволения, и должны сказать, как долго будут отсутствовать — три дня или четыре; и если они (фамильяры) скажут, что это слишком долго, содержатели их не смеют путешествовать или идти супротив их воли. А когда желают они уйти по делам или развлечения ради и хотят знать, обернется ли оно к лучшему, они примечают, весел ли фамильяр, в каковом случае и отправляются — по делам или за удовольствиями; но если он не в духе или печален, из дома они не выходят»². Жантьен ле Клер, которого пытали и приговорили одновременно с Невийоном, показал, что «верил в своего фамильяра, а не в Бога, ибо пользы от него было больше, чем от Бога, и что надеясь на Бога, он ничего не получил, а фамильяр все время приносил ему чего-нибудь».

Методы прорицания варьировались в зависимости от используемого животного и типа задаваемого вопроса. Агнесс Сэмпсон, казненная в 1590 году, привыкла гадать на собаке, которую всегда призывала посмотреть больного. Когда вызвали ее к постели дамы высокого ранга, она вышла в сад с дочерьми этой леди, и позвала: «Элва!» Появилась большая черная собака, и Агнесс читала пророчества по облику этой собаки и поведению. Кажется, это было особенно свирепое животное; оно напугало леди, с лаем кинувшись на них, и пророчество Сэмпсон было таково, что больная умрет³. Это единственный

1 Chetham Society (1845), *Discoverie of Witches*.

2 De Lancre, *L'Incredulité*, p. 799.

3 Pitcairn, *op. cit.*, I, pt. ii, p. 211.

достаточно подробный рассказ о получении знамений об исходе болезни с помощью животного. Методы дивинации преподавались ведьмам с той же тщательностью, что и авгурам Рима. Великий Магистр каждой ведьме назначал животное, по которому она будет проричать, и еще правильные слова, чтобы заставить зверя появиться. Слова эти всегда включали имя бога. Сам по себе метод проричания, судя по всему, был во всем подобен тем, что применялись в античные времена.

Домашнего фамильяра ни при каких обстоятельствах не следует путать с фамильяром проричательным. Общего между ними мало. Гадательный фамильяр часто был животным крупным — лошадью или оленем, или большой птицей, вроде вороны или лесного голубя; если никакое животное или птица на зов ведьмы не отвечали, можно было гадать по облаку. Суть гадательного фамильяра в том, что животное это ведьме не принадлежит, и любой представитель требуемого вида годится для получения знаков и знамений. Гадательный фамильяр, как то и подразумевает данное мной ему название, предназначался исключительно для пророческих целей; дивинация с его помощью распространена была повсеместно. Домашний фамильяр — это нечто совсем другое. Это маленькое животное, принадлежащее лично ведьме, живущее в ее доме и зовомое часто просто «бесом» или «духом», а временами и «дьяволом». Его кормили неким особенным способом, а использовали исключительно для выполнения приказаний ведьмы. Географическое распространение домашних фамильяров предполагает, что происхождение они имели скандинавское, финское или лапландское. Научный подход к этой теме сможет, вероятно, пролить некий свет на религиозные верования и практики ранних завоевателей наших восточных берегов.

Первоначально домашние фамильяры, вероятно, встречались во всех частях Англии. Епископ Хатчинсон, специально занимавшийся изучением ведьм, отмечает: «Я мало встречал упоминаний бесов в прочих странах, за исключением нашей, где по закону кормление, вскармливание и поощрение их есть преступление». Источники, однако, почти все происходят из восточных графств, в особенности из Эссекса и Саффолка. Они показывают, что сама традиция содержания

и использования фамильяров очень древняя и может вполне восходить к палеолитическому периоду.

Домашний фамильяр всегда был невелик — маленькая собачка или кошка, крыса, крот, жаба или мышь, которых можно спокойно держать в доме или в каком-нибудь небольшом вместилище, вроде коробки или горшка. Владелец кормил это создание, чтобы приручить его и приучить возвращаться к нему, после того как оно выполнит свою магическую задачу. К еде примешивали каплю крови ведьмы, чтобы животное в каком-то смысле стало частью своего владельца. Ему обязательно давали имя и вообще относились уважительно, как к существу, наделенному магическими способностями, хотя и пребывающему во власти хозяина. Использовалось оно только для магии и никогда для гадания. Этот факт хронистам был прекрасно известен. В 1587 году Жиффар писал, что «у ведьм есть специальные духи, у кого-то один, у кого-то больше — два, три, четыре или пять — некоторые в одном обличье, а некоторые — в другом, подобные кошкам, ласкам, жабам или мышам, которых они угощают молоком или курятиной, или давая им высосать время от времени капельку крови»¹. Хотя теоретически в Шотландии тоже признавали существование домашних фамильяров, они ни разу не упоминаются в материалах шотландских судов над ведьмами. Они есть только в Англии и только на восточном ее берегу за несколькими исключениями.

У ведьм из Хэтфилд Певерела, что в Эссексе, в 1556 году фамильяры могли переходить по наследству, а также преподноситься в дар. Элизабет Фрэнсис религии научила ее бабушка. «Научив ее, она посоветовала ей отвергнуть Бога и отдать кровь свою Сатане (как она его назвала), которую она ему и дала в обличье пятнистого белого кота». Потом она пришла к своей соседке Матушке Уотерхауз и «принесла ей этого кота в фартуке, и научила ее, как учила ее саму бабушка, и сказала, что звать его нужно Сатаной и давать ему крови и молока с хлебом, как и раньше». Матушка Уотерхауз послушно последовала инструкциям и «всякий раз, как он для нее что-нибудь делал, давала ему сосать кровь, уколов себе руку или лицо». Она была очень бедна и, очевидно, сочла кота слишком

¹ Giffard, G., *Discourse of the subtile Practices of Devils*, p. 18, ed. 1587.

дорогим в содержании, а потому призналась, что «превратила кота в жабу, имея под этим в виду, что она долгое время держала кота в шерсти в горшке, и, в конце концов, из-за бедности вынужденная взять оттуда шерсть, она молилась во имя Отца, Сына и Святого Духа, чтобы его превратили в жабу, и так превратился он в жабу, и стала она его держать в горшке, но без шерсти»¹.

Кормление фамильяра, по всей видимости, представляло собой ритуал. Хотя Матушка Уотерхауз и дает самый подробный рассказ о церемонии, в источниках во множестве встречаются упоминания о том, что когда это создание использовали для магии, хозяйка по возвращении непременно давала ему в награду каплю своей крови. По милости авторов эти упоминания со временем все больше и больше обрастали подробностями, пока, в конце концов, не превратились в истории об ужасных бесах, сосущих кровь ведьм. В XVII веке ни один отчет о процессе над ведьмой в восточных графствах не мог считаться полным без подробного и жуткого рассказа об отношениях ведьмы с ее фамильяром.

На иллюстрациях «бесы», описываемые в протоколах судов как маленькие собачки, кошечки или еще какие зверьки, часто предстают в виде чудовищ. Тот факт, что на самом деле это были обычные животные, явствует из материалов многих ведевских процессов. Рассказ Матушки Уотерхауз доказывает это достаточно ясно и подтверждается свидетельствами других эсекских ведьм². Урсли Кемп в 1582 году утверждала, что «пошла в дом к Матушке Беннет взять молока, которое та ей обещала. Допрашиваемая показала, что по приходе стучала в дверь, и никто ей не ответил, и она пошла к окну и, заглянув в него, сказала:

— Хо-хо, Матушка Беннет, дома ли ты?

И посмотрев в сторону, увидела, как дух приподнял тряпку, которой был покрыт горшок, и выглядел весьма похоже на хорька. И когда ее спросили, почему дух на нее посмотрел, допрашиваемая сказала, что он был голоден».

Матушка Беннет в свою очередь призналась, что у нее действительно есть фамильяры и «они много раз пили молоко из ее миски. И когда они выпили молока, допрашиваемая

1 Philobiblon Society, VIII (1863–1864), *Witches at Chelmsford*, p. 30.

2 *A true and just Record of all the Witches taken at St. Oses*, ed. 1582.

показала, что они залезали в глиняный горшок и лежали там в шерсти». Другая свидетельница показала на уэссекских судах, что «на четырнадцатый или пятнадцатый день января она пошла к дому Уильяма Ханта, чтобы проведать его жену, и поскольку дома ее не было, она позвала под окном и заглянула внутрь, и там увидала духа, который выглянул из-под тряпки, которой был покрыт горшок, и нос у него был коричневый, как у хорька». Элизабет Сойер, ведьма из Эдмонта (1621), рассказала, что дьявол приходил к ней «в обличье собаки. Он приходил и лаял, и это значило, что он сделал дурное, что я просила его сделать. Я гладила его по спине, а он кивал мне и вилял хвостом, ибо был тем весьма доволен»¹.

Фамильяров можно было покупать и продавать: в собрании поместных свитков острова Эксхольм есть упоминание о том, как некий человек уплатил другому три пенса за дьявола, но так и не получил оплаченное. Дарение и использование фамильяра описываются в материалах суда над Френсис Мур в 1646 году: «Одна хозяйка Уид дала ей белого кота и сказала, что если она отвергнет Бога и подтвердит это на своей крови, то всякий, кого она проклянет и пошлет этого кота, тот вскоре после сего умрет»².

Домашние фамильяры передавались также и по наследству. Алес Хант и ее сестра Марджери Сэммон из того же ковена, что Матушка Беннет и Урсли Кемп, утверждали, что получили фамильяров от своей матери. У Алес Хант было два духа, одного звали Джек, а другого Роббин. У Марджери Сэммон «было тоже два духа, подобных жабам, один по имени Том, а другой Робин; и сказала еще, что она и указанная ее сестра имели указанных духов от матери своей»³. Еще один случай наследования фамильяра — и к тому же редкий, с западного побережья Англии — выявлен в Ливерпуле (1667 год): Маргарет Лой, привлеченная к суду как ведьма, призналась, что таковой она и является; и, будучи спрошена, как долго, отвечала, что со времени смерти ее матери, которая скончалась тридцать лет назад; и по смерти не имела она ничего ей оставить и той вдове Бридж, которые были сестрами, кроме двух своих духов;

1 *Wonderfull Discoverie of Elizabeth Sawyer*, ed. 1621.

2 Davenport, J., *Witches at Huntingdon*, p. 5, ed. 1646.

3 *A true and just Record of all the Witches taken at St. Oses*, ed. 1582.

и отписала их, старшего духа вдове, а другого — ей, указанной Маргарет Лой»¹. Элс Гудридж из Дербишира в 1597 году призналась, что получила своего фамильяра таким же способом²; были и другие случаи. Передача фамильяров по наследству была известна среди язычников-лопарей и потому является показателем древности обычая.

Другой способ добыть себе домашнего фамильяра — также весьма древний — состоял в том, чтобы произнести некие слова, а потом взять фамильяром первое же небольшое животное, которое после этого появится. В случае организованной религии формула включала имена Древнего Бога, или дьявола, как его именовали христианские хронисты. Джоан Уотерхауз, восемнадцатилетняя дочка вышеупомянутой Матушки Уотерхауз, желая навредить девице, с которой поссорилась, «сделала, как ее мать, и призвала Сатану, который пришел к ней (по ее словам) в обличье большой собаки»³. Элизабет Соьер, ведьма из Эдмонта показала следующее: «Первый раз дьявол пришел ко мне, когда я ругалась, бранилась и богохульствовала»⁴. Если на самом деле она зывала к Древнему Богу, христианский протоколист естественным образом решил, что она богохульствует.

Итак, совершенно очевидно, что гадательные и домашние фамильяры представляли собой две разные категории существ. Гадательных фамильяров должен был давать ведьмам сам Великий Магистр, и это никогда не было одно-единственное конкретное животное — любой зверь указанного дьяволом вида мог служить фамильяром по мере необходимости. Ведьме он обычно не принадлежал и использовался для предсказания будущего — как правило, исхода болезни. Домашние фамильяры, с другой стороны, могли быть даром дьявола или другой ведьмы, их можно было получать по наследству, покупать и продавать. Иногда они являлись сами в результате какого-либо ритуального действия или прочтения обрядовой формулы. Это всегда было небольшое создание, которое можно носить в кармане или держать дома в ящике или горшке; оно являлось абсолютной собственностью владельца и его нужно

1 Chetham Society, XII (1847), *Moore Rental*, p. 59.

2 *Alse Gooderidge of Stapenhill*.

3 Philobiblon Society, VIII (1863—1864), *Witches at Chelmsford*, p. 30.

4 *Wonderfull Discoverie of Elizabeth Sawyer*, ed. 1621.

было ритуально кормить. Ни для чего, кроме магии, его не использовали, и по большей части — для проклятий.

Домашние фамильяры получили такую известность во время судов над эссекскими ведьмами в 1645—1646 годах (и именно благодаря сенсационным записям двух охотников за ведьмами — Мэтью Хопкинса и Джона Стирна), что с тех пор всегда — хотя и совершенно ошибочно — считались неотъемлемой частью образа колдуньи.

МЕТЛА

Метла играла значительную роль в ритуалах и в особенности — в танцах-процессиях. Для современного читателя ведьма и ее метла столь неразрывно связаны, что представляют собой, фактически, единое целое. На современных изображениях ведьмы летают по воздуху, сидя верхом на метле, и это вовсе не обычный предмет домашней утвари, а непременно пучок березовых прутьев или вереска, какие ныне в ходу разве что у садовников. В известном детском стишке про старуху, которую подбрасывали в корзине, она на метле не ездит, а носит ее в руке.

Связь между ведьмой и метлой в народном сознании, вероятно, восходит к очень раннему периоду. Объясняется она, возможно, тем, что это был предмет внутреннего домашнего обихода, принадлежащий вследствие этого исключительно женщине. Мужским эквивалентом были вилы, которыми работали только на улице. По этой причине на средневековых изображениях ведьмовских плясок женщины-ведьмы часто изображаются с метлами, а мужчины-дьяволы — с вилами. Метла была настолько определено женским атрибутом, что стала восприниматься как символ женщины. Вплоть до недавнего времени в Суррее деревенские женщины, уходя из дома, засовывали метлу в дымовую трубу, так чтобы ее было видно снаружи. Это делалось, чтобы показать соседям, что хозяйки сейчас дома нет. В других частях Англии до прошлого столетия прислоненная к стене дома снаружи метла показывала, что жена отлучилась, и муж может пригласить друзей поразвлечься. Отождествление женщины с метлой, возможно, составляет истинный смысл явления Изабель Гоуди о том, что перед тем, как отправиться на шабаш в Олдишне, она клала метлу на кровать, чтобы

та заменила ее для мужа, и говорила при этом такие слова: «Кладу сюда эту метлу во имя Дьявола; пускай не шевельнется до моего возвращения»¹. Муж после этого знал, что жена отправилась по своим религиозным делам.

Разъезды верхом на метле, судя по всему, — просто вариант разъездов на какой-нибудь палке. Занимались этим только члены ковена и только по пути на шабаш или в танце-процессии. В качестве палок могли использоваться ветки того же растения, из которого делали сами метлы, или крестовника, или конопли, или бобовых, или любой другой полый внутри стебель. Иногда в ход шли ветви ясеня, а на Ближнем Востоке — пальмовые. Очевидно, что самым важным элементом здесь был сам акт выезда верхом на палке, а не то, какая именно это была палка. В Европе, хотя ведьмы и катались на стеблях разнообразных растений, очевидцев, видевших их летящими по воздуху, было все же крайне мало. Хронисты, как правило, фиксировали лишь слухи об этом.

До XVI века и в самом этом столетии сведения о способах прибытия на шабаш выглядят достаточно разумно. В 1592 году Агнес Сэмпсон призналась, что приехала на собрание в церкви Норд-Бервика верхом, сидя позади своего зятя, Джона Купера; ланкаширские ведьмы тоже путешествовали верхом на лошадях, как и их шведские коллеги, ездившие на Блокулу. Это подтверждается показаниями мальчика, чья хозяйка желала, чтобы он поехал с нею на шабаш, так что он взял ради этого с поля лошадь своего отца. Скотину не отослали назад, когда дама вернулась домой, так что владелец решил, что потерял ее, но потом нашел, когда мальчик сказал ему, что произошло². Богатые эльзасские ведьмы ездили на собрания в каретах или повозках; более бедные путешествовали на палках или вовсе пешком³. Обычно когда ведьма утверждала, что прилетела на шабаш по воздуху, ей приходилось уточнять, что по какой-то досадной случайности транспорт сломался, и возвращаться ей пришлось на своих двоих. Сильвен Невийон, казненный в Орлеане в 1615 году, показал, что «часто ходил на шабаш пешком и в полном сознании, и ничем себя при этом

1 Pitcairn, op. cit., III, p. 607.

2 Homeck, op. cit., pt. ii, p. 490.

3 Bapst, E., *Les Sorcières de Bergheim*, p. 95, ed. 1929.

не умащал (буквально, «намазывал»), потому как какой прок намазываться, когда ты идешь недалеко»¹. Несколько позднее, в XVII веке сообщения становятся более яркими: в 1662 году Изабель Гоуди рассказывает судьям: «Мы берем солому или бобовый стебель себе промеж ног и говорим: “*Horse and hattock, Horse and go! Horse and pellatis, ho, ho, ho!*”², — и немедленно летим по воздуху, куда нам заблагорассудится»³.

Одно из самых ранних упоминаний о ритуальных разъездах ведьм верхом содержится в декрете, приписываемом обычно городскому совету Анкиры (IX век). В нем ни словом не упоминается, чтобы ведьмы летали по воздуху, зато определенно утверждается, что они ездят на животных: «Некоторые греховные женщины, предавшиеся Сатане и соблазненные видениями и призраками демонов, считают и утверждают, что по ночам разъезжают вместе с Дианой на животных с бесчисленными толпами женщин, покрывая бесконечные расстояния, повинувшись ее повелениям как своей госпожи, и она призывает их в определенные ночи»⁴. То, что пришлось издать подобного рода декрет, уже доказывает, что ритуальные выезды были хорошо известны и практикой считались языческой.

Первой известной истории ведьмой, преданной церковному суду за ее веру, стала дама Алиса Кителер в 1324 году. У нее был посох, «на который она садилась и скакала, несмотря на все препятствия, когда и каким образом она перечислила, умастив его предварительно мазью, которую обнаружили в ее имуществе»⁵. Выражение «несмотря на все препятствия» показывает, что скакала она по земле, а не по воздуху.

1 De Lancré, *L'Incredulité*, p. 801.

2 Приблизительный перевод: «Конь и шапка, конь пошел, конь и Pellatis, но, но, но!» Этот текст восходит, по всей вероятности, к шотландскому фольклору, где возглас «Horse and hattock!» нередко используют феири для мгновенного перемещения между миром людей и своей волшебной страной. В более широком смысле это возглас типа «Но, пошел!» при посадке верхом на лошадь. Непереводимое слово «pellatis», возможно, происходит от латинского «pellax» — «соблазн», или же от шотландского «relat», являющегося, по версии некоторых исследователей, в свою очередь искажением французского «paillet» — «пук соломы или прутьев» (возможно, намек на метлу). — *Примеч. перев.*

3 Pitcairn, *op. cit.*, III, p. 604.

4 Lea, H. C., *History of the Inquisition*, III, p. 493, ed. 1888.

5 Camden Society, *Dame Alice Kyteler*. См. также: Holinshed, *Chronicle of Ireland*, p. 69.

Фейри, разъезжающие на стеблях растений, встречаются еще у поэта Монтгомери в 1515 году¹. Судя по описанию, хотя ездоки и сидели на полых стеблях, по воздуху они при этом не летали. Напротив, они благополучно перемещались на своих двоих, подпрыгивая или вприпрыжку, возможно, чтобы сымитировать лошадиный алжур, в той же точно манере, что «скакала» дама Кителер. Лотарингские ведьмы в 1589 году отправлялись на шабаш семейными группами. Ганзель Эрих ехал на палке, его мать — на вилах, а отец — на большом сильном быке². Инквизитор Боге в 1608 году утверждал, что ведьмы часто ходят на свои ассамблеи пешком, если место встречи расположено не слишком далеко от их дома. «Остальные приезжают туда иногда на козле, иногда на лошади, а иногда на метле (*balai*) или кочерге, эти последние часто выбираются из дома через трубу. Они еще натирают себя сначала умащением или мазью; остальные себя ничем не намазывают»³.

Самые ранние упоминания метлы как транспортного средства встречаются в материалах суда над Гийомом Эделеном, приором Сен-Жермен-ан-Лэ в 1453 году. Он показал, что ездил на шабаш верхом на *balai*⁴. В 1563 году Мартин Тулуфф с Гернси объявил, что видел как его старая матушка-ведьма села на *genest* и вылетела на нем в трубу, сказав при этом так: «Вперед во имя Дьявола и Люцифера, над горами и терниями»⁵. В 1598 году французская ведьма Франсуаза Секретен отправилась на ассамблею на белой палке, которую держала промеж ног⁶. В 1603 году бельгийская ведьма Клер Гёссен отбыла на место собрания на палке, намазанной некой мазью⁷. В целом свидетельства подтверждают, что подобного рода ритуальная езда была достоянием не простых участников конгрегации, но только членов ковена и священнослужителей.

1 См. стр. 159.

2 Remigius, N., *Daemonolatria*, pt. I, cap. xiv, p. 71, ed. 1693.

3 Bogue, H., Fléau, p. 9.

4 Chartier, Jean, *Chronique de Charles VII*, vol. III, p. 45, ed. Vallet de Viriville, 1838.

5 Неопубликованные материалы судебного процесса из архивов канцелярии Гернси.

6 Bogue, op. cit., p. 104.

7 Cannaert, J. B., *Olim procès des Sorcières en Belgique*, p. 49, ed. 1847.

Использование масла или притирания для облегчения езды упоминается всеми, кто писал на данную тему в то время. Создается впечатление, что в более ранний период намазывали саму палку, а позднее — ездока. При отбытии произносились некие магические слова. По де Ланкру, баскские ведьмы, «умащая себя, говорят: “Emen hetan, Emen hetan”, — “Тут и там, тут и там”. Другие говорят: “Я есмь дьявол. Нет у меня ничего, что не было бы твоим. Во имя твое, Владыка, эта слуга твоя умащает себя и станет однажды дьяволом и злым духом, как ты”»¹.

В другой части Франции в 1652 году некая ведьма призналась, что «когда желала отправиться на танцы, она намазывалась умощением, которое дал ей колдун, посланный самим дьяволом»². Сомерсетские ведьмы в 1664 году сообщили, что «намазывают себе лоб и запястья маслом, которое приносит им дух (оно пахнет сыростью), и тут же весьма скоро оказываются там, говоря при отбытии так: “*Thout, tout a tout, tout, throughout and about*”»³⁴. Шведские ведьмы в 1670 году рассказывали, что Предтеча, как они называли своего бога, «дает нам рог с притиранием в нем, которым мы намазываем себя, после чего призываем дьявола и отправляемся прочь»⁵.

Сохранилось и несколько рецептов летучего зелья. Профессор А. Дж. Кларк сообщает о трех из них и указывает, что в них входят аконит и белладонна. Аконит вызывает нарушения сердечного ритма, а белладонна — безумие. «Нерегулярный сердечный ритм у засыпающего человека вызывает хорошо известное ощущение падения в пустоту, так что вполне возможно, что сочетание вызывающего делирий токсического агента, наподобие белладонны, со снадобьем, дерегулирующим сердечный ритм, вроде аконита, могло произвести ощущение полета»⁶. Создается впечатление, что полет в любом случае был нематериальным, независимо от того, намазывала ли ведьма палку или саму себя: рано или поздно у нее появлялось ощу-

1 De Lancre, *Tableau*, p. 123.

2 *La Tradition*, V (1891), p. 215.

3 Непереводимая игра слов, за исключением «throughout and about» — «насквозь и повсюду». — *Примеч. перев.*

4 Glanvil, *op. cit.*, p. 304.

5 Horneck, *op. cit.*, p. 488.

6 Murray, M.A., *Witch-Cult in Western Europe*, pp. 279—280, ed. 1921.

щение полета, и наездница приходила к выводу, что и вправду летит на шабаш по воздуху».

Метла — будь то домашнего или магического назначения — изначально представляла собой стебель раkitника с пучком листьев на конце. Количество примет и присловий, связанных с этим растением, указывает на то, что оно в народных представлениях наделялось магическими свойствами. Все они были связаны с призыванием и усилением плодородия. «Свадьба с метлой» была достаточно обычна во времена не слишком строгих брачных законов, и практиковавшими ее христианами она далеко не всегда считалась к чему-то обязывающей. Говорят, что прыжок через метловище был частью свадебных ритуалов цыган. С другой стороны, есть же до сих пор в некоторых частях Англии старая поговорка, свидетельствующая, что раkitник обладал свойством наводить порчу: «Если в мае подмести дом цветущим раkitником, выметешь прочь главу дома»!

Важнейший для нас пример широко распространенного танца-процессии с метлой — это, конечно, знаменитый ритуал «Призовой Метлы» Шефтсбери. Описание его мы находим в соглашении от 1662 года между мэром и корпорацией Шефтсбери с одной стороны и сэром Эдвардом Николасом с другой, в котором горожане просят, чтобы ежегодная майская процессия не проводилась в воскресенье. «Указанный мэр в сопровождении некоторых горожан и иных жителей указанного города и округа, имел обыкновение следовать в место под названием Энмор-Грин, где есть пруд с водой и всяческие ключи и источники; и в том месте ходить или плясать рука об руку вокруг этой лужайки в хороводе, и там чтобы был музыкант или барабан и волынка, а также посох или метла, украшенная перьями, слитками золота, кольцами и прочими драгоценностями, именуемая Призовая Метла». Описание упомянутого в этой цитате хоровода вы найдете в конце этой книги.

В Индии метла была не менее важна, чем в Европе, но так как метельщики принадлежали к одной из низших в системе каст, добыть о них информацию очень сложно. Одна из их сект называлась «Мехтары». Само это слово означает князя или предводителя, и к мехтару часто обращаются как к махарадже. Обычная домашняя метла изготовлялась из опавших пальмовых листьев и считалась священной, но при этом не обладала

магическими свойствами метлы профессионального метельщика, которую делали из расщепленного бамбука. «Это могущественное средство для исцеления последствий сглаза; матери для этой цели зовут метельщика в дом, чтобы он помахал ею перед больным ребенком»¹. Умерших в касте метельщиков хоронят лицом вниз, чтобы дух не ускользнул из могилы, так как призрак метельщика считался крайне опасным и вредоносным. Этот обычай можно сравнить с погребением ведьмы на перекрестке дорог с вбитым в сердце колом — чтобы привидение ее не бродило по ночам. Кое-где метельщики носят богато украшенную метлу в процессиях на празднествах своего бога, Лал-бега.

¹ Russell, R.V., *Tribes and Castes of the Central Provinces*, p. 229.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

РИТУАЛЫ

*«Служите Господу с веселием; идите пред
лице Его с восклицанием!»*

— Пс. 100:2

Церемонии культа нашли полное отражение в материалах судов над ведьмами во всех частях Европы. Они включали ритуалы допуска, священные танцы, пиршества и оргиастические ритуалы — помимо прочих обрядов, которые с нашей современной точки зрения носят чисто религиозный характер (поклонение богу, жертвоприношения, молитвы и тому подобное).

РИТУАЛЫ ДОПУСКА

Во всех организованных религиях есть своего рода ритуал приобщения к культу, посредством которого кандидат становится членом общины. Часто существуют две разных его формы: одна для принятия младенца и другая — когда в период отрочества кандидат получает полноправное членство. Для взрослого новообращенного эти две церемонии комбинируются и делаются необходимые поправки. В этом отношении ведовская религия, то есть, культ Рогатого Бога, мало чем отличается от всех прочих.

Принятие ребенка лучше всего документировано во Франции¹. Мать брала свое дитя на один из больших сезонных шабашей, преклоняла колени перед воплощенным богом и говорила так: «О, Великий Господь, которому я поклоняюсь, я принесла тебе нового служителя, который будет рабом твоим вечно». По знаку божества она на коленях подползала поближе и клала дитя в божественные руки. Такая церемония, одновременно простая и трогательная, долж-

¹ De Lancre, P., *Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges*, p. 398, ed. 1613.

на была производить на матерей огромное впечатление: они своими собственными глазами видели, что бог принимает их ребенка к себе. Кое-где дитя еще при этом крестили водой, а в Орлеане использовали и миро¹.

Все инквизиторы и авторы прочих источников упоминают, что «ведьмы» чрезвычайно серьезно относились к ритуалу принятия их детей богом и к дальнейшему воспитанию их в лоне языческой религии. Такие умонастроения послужили бы основанием для похвал, будь родители той же веры, что судьи и протоколисты, но поскольку веры они были совершенно иной, их действия расценивались как крайне порочные. Французские инквизиторы приходили в совершеннейший ужас от того, сколько детей посвящалось нехристианскому богу: «Ведьмы привыкли крестить своих детей скорее на шабаше, чем в церкви, и отдают их чаще дьяволу, чем Богу»². В 1578 году Жанна Эрвийе из Верберье, что близ Компьена, показала, что с самого детства мать посвятила ее дьяволу³. Боге в 1598 году сообщает, что некий Пьер Виллермоз, десяти лет от роду, был взят отцом на шабаш; туда же отправились еще трое совсем юных детей по воле бабушки со стороны матери⁴. В приюте для бедных девиц, основанном мадам Буриньон в Лилле, одна из девочек в 1661 году сообщила указанной мадам, что «ее мать взяла ее с собою, когда она была совсем маленькая, и даже отнесла ее на руках к ведьмам на шабаш». Другая девочка, еще младше возрастом, постоянно бывала на шабашах с тех пор, как была совсем крошкой. Мадам Буриньон, сама весьма набожная христианка, была чрезвычайно шокирована невежеством относительно христианской религии, вызываемым вверенными ее попечению юными особами, и даже записала, что они «по большей части ничего не знают о факте собственного спасения и живут подобно животным»⁵.

Если в ходе расследования выяснялось, что обвиняемая была вот таким образом посвящена в самом детстве, это считалось неопровержимым доказательством ее происхождения

1 De Lancre, *L'Incredulité et Mescreance du Sortilège*, p. 800, ed. 1622.

2 De Lancre, *Tableau*, p. 131.

3 Ibid., p. 183.

4 Boguet, H., *Discours des Sorciers*, p. 206—207, ed. 1608.

5 Bourignon, A., *La Vie Exterieur*, pp. 223, 211, ed. 1661.

из ведовской семьи. Данный факт сам по себе служил столь явным свидетельством ведовских наклонностей, что мало кто — если вообще хоть кто-то — мог избежать наказания после того, как это обстоятельство выходило на свет. Реджинальд Скот выражается на этот счет весьма определенно; цитируя Бодена, он пишет: «У ведьмы необходимо выпытать, были ли также ведьмами ее родители или нет, потому как ведьмы имеют свойство размножаться»¹. В другом месте он цитирует Корнелия Агриппу: «В Брабанте некую женщину обвинили в ведовстве, и одним из доказательств против нее было то, что мать ее в свое время сожгли как ведьму»². Мать Жанны Эрвийе тоже сожгли за ведовство задолго до того, как в нем же обвинили саму Жанну³. Одной из серьезных улик против Элизабет Кларк из Эссекса (1645 год) было то, что ее мать и кое-кто из родственников «поплатились жизнью за колдовство и убийство»⁴. Мать и тетка Александра Сассемса из Мелфорда (Саффолк, 1645 год) были повешены, а бабка — сожжена за ведьмовство. «Так и другие из них допрошены и повешены»⁵. Ведовской крови нигде не приходилось надеяться на милосердие властей.

Когда ребенок уже был достаточно взрослым, чтобы понимать, что делает (возраст этот варьировался от девяти до тринадцати лет), он совершал публичное исповедание веры⁶. Это происходило не обязательно на одном из великих шабашей, но непременно при свидетелях. Кандидат простирался на земле ниц у ног Божества, которое вопрошало:

— По своей ли воле ты пришел сюда?

После утвердительного ответа кандидата, бог говорил:

— Делай же, как я желаю и как я делаю.

Далее кандидат, все еще стоя на коленях, провозглашал свою веру:

— Ты еси бог мой, а я — твой раб.

1 Scot, Reginald, *Discoverie of Witchcraft*, Bk. II, ch. 2, ed. 1584.

2 Ibid., Bk. II, ch. 11.

3 Bodin, J., *Fléau des Demons et Sorciers*; De Lancre, *L'Incredulité*.

4 Howell, T. B., *State Trials*, IV, 832, ed. 1816.

5 Stearne, J., *Confirmation and Discovery of Witchcraft*, p. 36, ed. 1648.

6 De Lancre, *Tableau*, p. 398.

Далее следовало поклонение богу, который ставил не-офиту особую отметину¹ на той или иной части тела, чтобы другие могли признать в нем полноправного члена общины. Отметина эта представляла собой шрам или татуировку. Параллели подобным церемониям встречаются и в наши дни у самых разных народов, и физический знак играет в них чрезвычайно важную роль. Мадам Буриньон пишет: «Когда дитя, посвященное родителями дьяволу, входило в возраст рассудка, дьявол требовал его душу себе и принуждал его отвергнуть Бога и отказаться от крещения и всего, связанного с верой, и обещать поклонение и почести дьяволу в подобии брачного обряда, только вместо кольца дьявол ставил им метку железным шилом на какой-нибудь части тела»². Боден³ замечает: «Отцы и матери отдают и посвящают своих детей дьяволу, некоторых — новорожденными, а некоторых еще до рождения. Дьявол не заключает договора с посвященными ему детьми, пока они не достигнут отрочества». Элизабет Фрэнсис, привлеченная к суду в Хелмсфорде в 1556 году, изучила «искусство колдовства» — то есть свою религию — когда ей минуло двенадцать лет, под руководством бабушки⁴. Элизабет Демдаjk, самая прославленная из Ланкаширских ведьм, «воспитывала собственных детей, наставляла внуков и принимала всяческое участие и старания, чтобы сделать их ни кем-нибудь, а ведьмами»⁵. Будь Элизабет Демдаjk христианкой, она бы стала предметом восхищения и примером того, какой верующей и благочестивой надлежит быть женщине. Аннабил Стюарт было четырнадцать, когда она по примеру своей матери принесла обеты дьяволу⁶. В связи с этим можно отметить, что Жанне д'Арк исполнилось двенадцать, когда она начала принимать активное участие в делах своей религии, а религиозное образование она получила по большей части от крестной, которая зналась с феями.

¹ *Laws against Witches and Conjuraton*, published by Authority, 1645; Scot, Reginald, *Discoverie of Witchcraft*, Bk. III, p. 43 и др. Подробнее см.: Murray, M., *Witch-Cult in Western Europe*, pp. 86 seq.

² Bourignon, op. cit., p. 223.

³ Bodin, J., op. cit., p. 465, ed. 1616.

⁴ Philobiblon Society, VIII, (1863—1864), *Witches at Chelmsford*, p. 24.

⁵ Chetham Society (1845), *Discoverie of Witches*, p. 132.

⁶ Glanvil, J., *Sadducismus Triumphatus*, pt. II, p. 391, ed. 1726.

Ритуалы допуска для взрослого новообращенного были более впечатляющими, чем для подростков, и так уже с младенчества принадлежащих к религии. Рассказы о них более полны, так как записи велись в тот период, когда культ Рогатого Бога уже клонился к закату и вынужден был поддерживать численность общины при помощи прозелитизма. Как и при любом приобщении к новой вере, неопит должен был отвергнуть старую, и формуле отказа надлежало быть максимально недвусмысленной. «Я отвергаю и отрицаю Бога, благословенную Деву, святых, крещение, отца, мать, родственников, небо и землю и все остальное в мире», — вот лишь одна из них¹. Все они содержали «решительный отказ от Иисуса Христа и его веры». Далее следовало крещение, исповедание новой веры и принесение обетов верности²: «Я всецело предаюсь в руки твои и власти твоей и не признаю никакого иного бога, потому что ты еси бог мой». В Шотландии был весьма в ходу такой вариант клятвы верности: кандидат клал одну руку на макушку, а другую под подошву и обещал все, что находится между руками, службе господина³. Торжественная клятва преданности богу, воплощенному в реальном человеке, была, вероятно, особенно эффективной. У шведских ведьм бытовал специальный обряд, видимо, призванный производить впечатление на невежественные умы. Им давали мешочек с несколькими снятыми с часов стружками и привязанным к ним камнем; они должны были бросить его в воду с такими словами: «Как эти стружки никогда не вернуться к часам, с которых их сняли, так и душа моя никогда не вернется на небеса»⁴. Такой отказ от предыдущей религии в 1584 году описывает Реджинальд Скот, который одним из первых возвысил голос против преследований язычников христианами: «Как наши ведьмы, по слухам, отвергают Христа и предают поруганию таинства его, так и иные отвергают Магомета и его законы»⁵.

1 De Lancre, *Tableau*, p. 131.

2 Ibid., p. 396.

3 Mackenzie, Sir George, *Laws and Customs of Scotland*, pp. 47, 48; Howell, *op. cit.*, VI, p. 683 и др.

4 Horneck, A., // Glanvil, *Sadducismus Triumphatus*, pt. II, p. 491.

5 Scot, *op. cit.*, bk. XVI, ch. iii.

После отказа от прежней религии кандидат переходил, собственно, к церемонии принятия, которая состояла из крещения и нанесения знака. Крещение в глазах членов культа было менее важным и часто вовсе опускалось. Впрочем, этот ритуал был в ходу еще до введения христианства и потому является несомненным свидетельством древности религии Рогатого Бога. Крещение для взрослых, как это явствует из Нового Завета, осуществлялось путем погружения кандидата в реку. Ведовское крещение методологически варьировалось от опускания головы в воду до простого окропления; полное погружение ни разу не упоминается. Ритуал, судя по всему, был общим для всей Западной и Центральной Европы. Сэр Джордж Маккензи по этому поводу цитирует Дельрио: «Дьявол же крестит их заново, отирая с чела их старое крещение»¹. Во Франции отмечается только крещение детей. Примечательно, что в английских источниках никогда не упоминается крещение детей или взрослых, хотя в Новой Англии данные об этом есть. Крещение взрослых встречалось в Шотландии и Швеции. Самый ранний источник происходит из Бута и датируется 1669 годом, когда факт крещения подтвердили сразу несколько ведьм. Маргарет Наклевин «он спросил, как ее звать, и она ответила Маргарет, имя, которое бог мне дал; и он сказал ей, Я крещу тебя Джонет». Изабель Накниколл призналась, что «он крестил ее и дал ей новое имя, и назвал ее Катериной». Джонет Накниколл «призналась с раскаянием», что «повстречала крупного краснолицего мужчину, о котором знала, что он злой дух, и он дал ей новое имя и сказал, я крещу тебя Мэри». Джонет Морисон «имела свидание с дьяволом, и он спросил, как ей имя, и она ответила, Джонет Морисон, имя, которое дал мне Бог, и сказал он, не верь больше в Христа, а верь в меня. Я крещая тебя именем Маргарет»². В Швеции обращенные давали обет верности по случаю крещения: «Он принудил их ко крещению священниками, какие были у него там, и к подтверждению крещения обетами ужасными и проклятиями»³. «Обеты и проклятия» упоминаются также у Боге, хотя и в более умеренном виде: «Он заставил их отказаться от места сво-

1 Mackenzie, op. cit., p. 48.

2 Highland Papers III (1920), *Witchcraft in Bute*, pp. 6, 12, 13, 22.

3 Horneck, op. cit., p. 491.

его в раю» (то есть на христианских небесах) «и заставил обещать, что они будут почитать его своим владыкой и всегда останутся верны ему. И прежде всего, заставляет он их весьма торжественно поклясться, что они никогда не станут обвинять один другого и не разгласят ничего, промеж них сказанного»¹. В Новой Англии, согласно источникам, крещение практиковалось регулярно. Мэри Осгуд заявляла, что «ее крестил дьявол, который погрузил лицо ее в воду и заставил отречься от предыдущего крещения и сказал, что она должна принадлежать ему, душой и телом, на веки вечные»². Гуди Лэйси видала шестерых новоокрещенных: «Он погрузил головы их в воду и сказал, что теперь они принадлежат ему»³.

За крещением часто следовал поцелуй. Неофит целовал Великого Магистра в ту часть тела, которую он указывал. Это был знак абсолютного подчинения, каким в Средние века служило целование туфли папы римского или руки монарха. Авторы источников, впрочем, не обращали никакого внимания на христианские параллели и сделали из поцелуя жупел как из самой унижительной части ритуала.

Знак или отметина на теле новообращенного тоже поражала воображение хронистов, а потому эта церемония получила более детальное освещение. «Тайна колдовства», написанная в 1617 году, сообщает, что «дьявол ставит им свою печать. Это обычно какая-нибудь четкая отметина на какой-нибудь тайной части тела, которая будет болеть и никак не исцелится до следующей встречи его с ними, а с тех пор и навсегда станет нечувствительной»⁴. Автор «Законов против ведьм и заклинаний», опубликованных «с разрешения» в 1645 году, утверждает, что «дьявол оставляет знак у них на теле, иногда как синяк или красное пятно как от укуса блохи». Сэр Джордж Маккензи, великий шотландский законник, рассуждая о юридической стороне темы, писал: «Дьявольская отметина была важной уликой для нас, но не обладала *per se* доказательностью, если только они не признавались сами, что получили эту отметину со сво-

1 Bogue, H., *op. cit.*, p. 140.

2 Hutchinson, J., *History of the Province of Massachusetts Bay*, I, p. 31, ed. 1828.

3 *Ibid.*, p. 36.

4 Cooper, T., *Mystery of Witchcraft*, ed. 1617.

5 Сама по себе, как таковая (лат.). — *Примеч. перев.*

его собственного согласия; quo casu¹ это служило эквивалентом договору. Отметина делалась им, предположительно, посредством щипка за какую-нибудь часть тела, и она синяя»².

Согласно источникам, отметину ставили посредством укола или пореза до крови, после чего далее оператор проводил рукой над раной; это было больно, и боль длилась несколько дней или даже дольше. Когда рана исцелялась, оставшаяся красная или синяя отметина была неизгладима. Так очевидным образом описывается некая разновидность татуировки, представляющая собой, вероятно, последний остаток древнего бриттского и пикстского обычая татуировать все тело синим пигментом — обычая, который у ведьм не ограничивался берегами Британии, но распространялся и на континент, в особенности на Францию.

На теле ведьмы не было специального места, отведенного исключительно под эту отметину, хотя Боге упоминает, что обычно это было левое плечо³. Де Ланкр утверждает, что «в его части страны метили левую сторону тела и левое плечо; кожу ранили до появления крови, и боль от этого могла длиться до трех месяцев». Он также отмечает ощущение проникающего в плоть жара⁴. Жанна д'Абади рассказала де Ланкру, что когда дьявол ставил ей отметину на правое плечо, было так больно, что она закричала и почувствовала сильный жар, как если бы ее обожгло огнем⁵. В других странах столь эффектных описаний этого ритуала не сохранилось. Бельгийская ведьма Элизабет Вламинкс, привлеченная к суду в 1595 году, просто сообщила, что ей поставили знак под левой мышкой⁶. Две ведьмы, судимые в Абердине в 1597 году, подтвердили наличие у себя дьявольских отметин⁷; Андро Мэн признался, что «Христоснадень укусил его за третий палец правой руки и поставил тем знак, которые еще теперь нужно показать», а Кристиан Митчелл — что «дьявол ущипнул его за тыл правой руки в знак того, что

1 В каком случае (лат.). — *Примеч. перев.*

2 Mackenzie, op. cit., p. 48.

3 Boguet, op. cit., p. 315.

4 De Lancre, *Tableau*, pp. 399, 195.

5 De Lancre, *L'Incredulité*, pp. 769—770.

6 Cannaert, J. B., *Olim Procès des Sorcières en Belgique*, p. 44, ed. 1847.

7 *Spalding Club Miscellany*, I, pp. 120, 165, ed. 1841.

он теперь один из его служителей». Сильвин де ла Плен, молодая замужняя женщина двадцати трех лет от роду, в 1616 в Бреси призналась, что ей поставили отметины на макушку и на правое бедро¹. Ведьма из Ярмута, которую судили в 1644 году, увидела как-то у своей двери высокого темноволосого человека: «Он велел показать ему руку и затем, вынув что-то вроде перочинного ножа, слегка ее поцарапал, так что показалась кровь, и отметина осталась по сию пору»². Эссекская ведьма Ребекка Джонс сообщила магистратам, что на порог к ней явился пригожий молодой человек, «и сейчас она думает, что это был дьявол; он спросил допрашиваемую, как она поживает, и пожелал увидеть левое ее запястье, которое она ему и показала; и он тогда взял булавку из рукава самой допрашиваемой и дважды уколол ей запястье, и показалась капля крови, которую он стер кончиком пальца, и затем удалился»³. Форфарские ведьмы (1661 год) получили метки на плечах. Джонет Ховат показала, что «дьявол ущипнул ее за одно из плеч, так что некоторое время потом она ощущала сильную боль», а когда пришел в следующий раз, «погладил ее по плечу (которое ранее ущипнул) рукой, и после этого боль у нее унялась». Другую ведьму из того же ковена ущипнули точно так же; четыре недели спустя «дьявол погладил ее по плечу, и после этого болеть у нее там, где дьявол ее ущипнул, перестало»⁴. Мэри Ламонт из Иннеркипа в 1662 году утверждала, что «дьявол ущипнул ее за правый бок, и там некоторое время сильно болело, но потом он там погладил рукой и все исцелил; это, по ее признанию, и была его метка»⁵. В Буте в 1662 году Маргарет Наквильям, бывшая, судя по всему, одной из главных ведьм этой местности, получила сразу три отметины: одну возле левой берцовой кости, другую между плеч и третью на бедре — все это были синие пятна⁶. Маргарет Наклевин из того же ковена утверждала, что дьявол явился к ней и «взял ее за средний палец правой руки и почти отрезал его, и на том удалился. Палец ее был

1 *De Lancre, L'Incredulité*, p. 808.

2 Hale, Sir Matthew, *Collection of Modern Relations*, p. 46, ed. 1693.

3 Howell, op. cit., IV, pp. 854—855.

4 Kinloch, G. R., *Reliquiae Antiquae Scotiae*, pp. 124—126, ed. 1848.

5 Sharpe, C. K., *Historical Account of Witchcraft in Scotland*, p. 132, ed. 1884.

6 *Highland Papers*, III, p. 6.

так жестоко поранен, что в течение месяца после того дня едва ли можно было сравнить эту боль с какой другой; и еще за правую ногу взял ее, и она тоже сильно болела, и тоже от руки дьявола». Трое винкантонских ведьм, как выяснилось на суде в 1664 году, также имели особые отметины: «Он уколол четвертый палец на руке Элизабет Стайл между средним и верхним суставом (где остался знак Испытания)». У Эллис Дьюк «он уколол четвертый палец ее правой руки между средним и верхним суставом (где отметину можно видеть и по сию пору)». У Кристианы Грин «Человек в Черном уколол четвертый палец ее правой руки между средним и верхним суставом, где знак остается до сих пор»¹. Аннабил Стюарт из Пейсли, которой ко времени суда в 1678 году минуло всего четырнадцать лет, показала, что «дьявол взял ее за руку и ущипнул выше запястья, так что полчаса там болело»². В Борроустоуннесе в 1679 году Маргарет Прингл сообщила судьям, что дьявол взял ее за правую руку «и ужасно ее поранил; но как только он заново ее коснулся, она немедленно стала целой»³. Маленький Томас Линдси из Ренфрюшира по вступлении в ковен получил «щипок за шею, который продолжал болеть десять дней», а Джон Рид, погибший впоследствии в тюрьме смертью предателя — «укус или щипок за чресла, который болел потом две недели»⁴. Изабель Адамс из Риттенвима в 1704 году показала на допросе, что «дьявол поставил на плоть ее свою отметину, что оказалось весьма болезненно»⁵. В 1705 году две нордхэмптонские ведьмы, Элинор Шоу и Мэри Филипс, которые, подобно всем остальным участникам ковена, остались верны своему богу до самой смерти, получили уколы в кончик пальца⁶.

Пакт или договор представлял собой, по всей вероятности, обычай более позднего происхождения, возникший, когда религия уже клонилась к упадку. Во всех религиях бог обещал обращенному вечную жизнь и вечное счастье в обмен на верность и службу. Обещание помощи в мирской жизни, скрепленное

1 Glanvil, op. cit., pt. ii, pp. 295, 302, 307.

2 Ibid., pt. ii, p. 391.

3 Scots Magazine, 1814, p. 200.

4 Narrative of the Sufferings of a Young Girle, pp. xli, xlv, ed. 1698.

5 Sinclair, G., Satan's Invisible World Discovered, p. 259, ed. 1871.

6 Witches of Northampton, ed. 1705.

письменным контрактом, представляет собой одну из форм пропаганды, какие пускаются в ход, только когда у религии совсем плохо с неофитами. Письменный договор был важнейшей частью церемонии обращения с точки зрения пытавших ведьм властей, так как он придавал всему ритуалу перехода законченность и окончательность. Время от времени — и особенно во Франции — один из таких договоров попадал в руки инквизиции, но точные формулировки, увы, в источниках никогда не приводятся: инквизиторы предпочитали нагнать страху на читателей, ограничившись замечанием, что пакт этот «так ужасен, что даже просто смотреть на него — и то страшно»¹. В Англии и Шотландии нет данных о том, чтобы подобного рода документ хоть раз фигурировал в материалах дела в качестве улики против подозреваемого. Создается впечатление, что дьявол благоразумно хранил бумаги в каком-нибудь безопасном месте и, возможно, уничтожал в случае опасности.

Контракты никогда не подписывались без свободного на то соизволения обеих договаривающихся сторон, как ясно доказывают материалы многочисленных процессов. Дьявол всегда спрашивал кандидата, точно ли он желает стать его служителем, и контракт не скреплялся подписями, если ответ не был со всей определенностью утвердительным. Если писать ведьма не умела, она ставила на документе крестик или кружок, или же дьявол самолично водил ее рукой и так писал ее имя. Обычно подразумевалось, что подпись ставится кровью, которую специально для этой цели пускали из той или иной части тела ведьмы. Однако, думается мне, это просто путаница между подписью и отметиной, которую обычно делали так, чтобы пошла кровь. В более поздней форме ритуала кровь фигурирует в качестве самой удобной жидкости для письма в условиях редкости и дороговизны чернил в сельской местности. Весьма также возможно, что пущенная таким образом кровь рассматривалась как жертва новому богу. Первоначально контракт писали и подписывали на отдельном листе пергамента или бумаги. В поздних процессах имеются сведения о том, что подпись ставили в книге, но ее, возможно, путали с дьявольской книгой, в которой писали на шабашах. В Америке

¹ De Lancre, *L'Incredulité*, p. 38.

о книге постоянно упоминали священники и пасторы, протоколировавшие суды. Форбс в своих «Установлениях закона Шотландии» пишет: «Договор заключается между ведьмой и дьяволом в той или иной зримой форме. Посредством него первая отвергает Господа и крещение его, обязуется служить дьяволу и творить всякие злые деяния, какие подвернется случай, и предоставляет свою душу и тело в его распоряжение после смерти. Дьявол со своей стороны договаривается с этими прозелитами о том, в какой форме отныне станет им являться и услугах, которые они могут от него ожидать по сотворении определенных чар или церемониальных ритуалов». Клер Гессен, бельгийская ведьма, судимая в 1603 году, заключила с дьяволом такой договор: «Он был написан на бумаге лично Сатаной кровью, которую он взял из укола, сделанного ею специально для этой цели булавкой в большом пальце левой руки, и подписан заключенной собственной ее кровью»¹. Полвека спустя, в 1657 году бельгийский же колдун по имени Матье Стоп подписал с дьяволом договор кровью, взятой из правой ноги, а отмечен был под правой мышкой.

Различные способы заключать договоры с дьяволом были в моде во Франции, Бельгии и Уэльсе вплоть до недавнего времени. В Бельгии потенциальный кандидат ночью приходил на перекресток, взяв с собой черную курицу. Ему являлся дьявол в облике человека и принимался торговать птицу и, в конце концов, покупал ее, дав продавцу все, что ему было угодно. Договор этот заключался сроком на семь лет². В округе Антр-Самбр-э-Мёз ритуал несколько отличался: «Придешь в лес и увидишь идущего к тебе человека. Это и есть вождь. Он спросит, вступишь ли ты в его общество. Если откажешься, он скажет, чтобы ты возвращался, откуда пришел. Если согласишься, срок договора будет на семь лет, и будешь ты получать по *plaquette*³ в день»⁴. Уэльский метод построен на получении силы Хозяина. В северном Пемброкшире старый колдун так рассказывает об обретении магической силы. Пойдя в пер-

1 Cannaert, op. cit., pp. 48, 66.

2 Monseur, E., *Le Folklore Wallon*, p. 84, ed. 1892.

3 Что именно обещает дьявол новообращенному, остается неясным; «*plaquette*» — дощечка, пластинка (фр. и англ.). — *Примеч. перев.*

4 *La Tradition*, VI (1892), p. 106, *Sorcellerie Contemporaine*.

вый раз к причастию, он притворился, что проглотил хлеб, а на самом деле «спрятал его в карман. Когда он вышел со службы, у ворот его ждала собака, которой он отдал хлеб, продав тем самым душу свою дьяволу. С тех пор он получил силу околдовывать людей»¹.

Договор между дьяволом и ведьмой обычно заключали до конца жизни последней, но встречаются также и контракты на то или иное количество лет. Источники и традиция согласны в том, что обычно лет было семь, хотя есть данные о том, что девять тоже пользовались популярностью. По окончании срока ведьма могла отказаться возобновлять договор. Продолжительность срока предполагает, что он был связан с циклом Великого Жертвоприношения, где Божественной Жертвой был сам бог. Если данная теория верна, это означает, что заместительницей бога становилась ведьма, и объясняет, почему во многих случаях дьявол обещал ей богатства и власть до окончания временного промежутка. Во всех источниках, где речь идет о заместителе Божественной Жертвы, потешному владыке дают власть на определенный период времени, после чего, собственно, приносят в жертву. Именно таков, я считаю, тайный смысл многочисленных сюжетов о людях, запродавших свою душу в обмен на богатство в течение какого-то времени, и убитых дьяволом по окончании срока действия договора.

Как того и следует ожидать в сообществе организованном и верующем, свадьба считалась религиозной церемонией: брак торжественно заключался на шабаше самим богом. Это были обычные повседневные брачные союзы деревенских жителей, что само по себе показывает, до какой степени культ проникнул собою всю религиозную организацию и жизнь селян. Голь рассказывает, что дьявол «часто женит их, пока не разлучатся они, либо на себе, либо на их фамильяре, либо друг на друге; и все это по Книге общей молитвы»². Де Ланкр выражается очень определенно: «На шабашах дьявол заключает браки между мужчинами-ведьмами и женщинами. Соединяя их руки, он громко говорит им: "*Esta es buena parati, Esta parati lo toma*"»³. В Лотарингии Аньес Теобальда заявила, что при-

1 Davies, J.C., *Welsh Folklore*, p. 231, ed. 1911.

2 Gaule, J., *Select Cases of Conscience*, p. 63, ed. 1646.

3 De Lancre, *Tableau*, p. 404.

существовала на свадьбе, где Каталина и Энгель фон Худлинген взяли в супруги своих Вельзевулов¹. В Швеции «у дьявола были сыновья и дочери, которых он между собою женил»². Помимо постоянных союзов существовали еще временные браки, и церемонии для них были не менее торжественны; Голь в своей ремарке очевидным образом путает две этих разновидности. Такие ведьмовские свадьбы случались, естественно, повсеместно, но в лотарингских источниках описываются полнее и подробнее, чем где бы то ни было. Иногда один, иногда оба вступающих в брак уже были на тот момент женаты на ком-то еще, но это никоим образом не считалось препятствием; свадьба лишь давала дополнительный повод попить и повеселиться.

ТАНЦЫ

На сборищах — как саббатах, так и эсбатах — протокол часто начинался и заканчивался танцами. Именно в танцах явственно прослеживается связь между ведьмами и фейри. Во всех серьезных источниках упоминаются две важных публичных церемонии фейри: процессия и хоровод. Проводились эти церемонии по четырем большим сезонным праздникам, и в особенности на Майский день и в канун Всех Святых.

Происхождение эти церемонии имеют, без сомнения, религиозное и восходят, скорее всего, к некой форме подражательной магии. Когда несколько человек вместе делают тот или иной ритуал, он естественным образом обретает некий ритм, а со временем развивается в танец, в котором действия становятся постепенно настолько условными, что почти перестают узнаваться. Хороший пример — так называемые танцы плодородия, которые некогда бытовали по всему миру, а ныне встречаются в узнаваемой форме только у самых отсталых народов. В Европе детали чаще всего утрачиваются, и подчас первоначальный смысл танцев можно выявить, только сравнивая их с плясками современных дикарей. На Крите, по всей вероятности, именно к этой группе принадлежал танец Ариадны, исполняемый юношами и девушками, как, впрочем, и танцы

1 Remigius, N., *Daemonolatria*, pt. I, cap. xxxi, p. 131, ed. 1693.

2 Horneck, op. cit., pt. ii, p. 491.

вакханок. Богу Марсу В Древнем Риме служили пляшущие жрецы, а особого рода шаг-бег, которым мусульмане обходят Каабу, тоже, видимо, восходит к священному танцу.

Танец-процессию исполняли либо пешком, либо верхом на лошадях. У него непременно был ведущий; остальные участники следовали за ним и повторяли все его действия. Процессия фейри всегда была верховой, но вакханты античной древности и средневековые ведьмы обычно танцевали свои процессии на своих двоих. Хороводы фейри или ведьмы также танцевали пешком. Площадка для танцев считалась священной; нередко танцоры собирались еще в деревне и в пляске отправлялись на святое место. Тем, что осталось от такого рода танцев, можно и поныне наслаждаться в виде «Зеленых подвязок» — пляски-процессии, движущейся от места общего сбора к майскому шесту и служащей по всей Англии введением к майским ритуалам.

Эти танцы-процессии, без сомнения, являлись религиозным ритуалом, что вполне подтверждается обыкновением танцевать их на церковном дворе, часто совмещенном с погостом. Вот лишь несколько из великого множества примеров. В 1282 году священник из Инверкитинга «возглавил хоровод» на собственном своем церковном дворе, а плясали в хороводе его же прихожане¹. Затеяливая старая история о псалмопевцах-свято-татцах повествует как раз о компании личностей обоего пола под водительством дочки священника, плясавшей на церковном дворе. Было это в 1303 году². В 1590 году Барбара Напье участвовала в собрании норд-бервикского ковена в церкви, где лично она «плясала на церковном дворе, а Джили Дункан играла на трубе, Джон Файан в маске вел хоровод, а Агнес Сэмпсон с дочерьми и всеми прочими следовали за указанной Барбарой и было этих счетом до семи человек»³. По причине своей религиозной значимости эти церковные танцы надолго пережили Средневековье. Обри отмечает, что в Херефордшире сельские юноши и девушки плясали на церковном дворе на все

1 Stevenson, J., *Chronicon de Lanercost*, p. 109, Maitland Club, 1839.

2 De Brunne, R., *Handlyng Sinne*, II., 9016 seq. Early English Text Society, 1901.

3 Pitcairn, R., *Criminal Trials*, I, pt. ii, pp. 245—246, ed. 1833.

праздники и в кануны праздников¹. В Уэльсе тот же самый обычай бытовал вплоть до конца XIX века, но там плясали всегда к северу от церкви, где могил было меньше всего².

Один из самых удивительных танцев-процессий обнаружился в Шефтсбери. Как и «Зеленые подвязки», он был связан с майскими ритуалами, демонстрируя тем самым свое религиозное происхождение. Известна петиция гражданских властей, датируемая периодом правления короля Карла II, в которой они просят перенести танец с воскресенья на будний день, так как действо мешает прихожанам посещать церковь. Святость танца была, иными словами, столь высока, что исполнять его было нужно в святой же день. А вот описание танца от очевидца, опубликованное в «Спортинг Мэгэзин» в 1803 году.

«У обитателей Шефтсбери есть чрезвычайно своеобразный ежегодный обычай под названием Безант, или Майский Танец к источникам Мотткома. Самая недавно пожившаяся пара города поутру является к особняку мэра, где им преподносят в дар: ей — превосходную сорочку из голландского полотна, а ему — рубашку из того же материала, элегантно украшенные лентами всех цветов радуги. Они начинают процессию; вслед за ними несут большое блюдо, на которое кладут телячью голову с полным денег кошельком во рту. Вкруг ее рожек обвивают гирлянду из всех доступных по сезону цветов. Над нею на конце шеста мужчина, одетый в оригинальный костюм, несет Безант³. Далее идет сам мэр со своими олддерменами. Под звуки музыки — а инструментов там премного — все пускаются в пляс, стар и млад и даже самые дряхлые жители города, и так покидают город, спускаются с холма и, так и не переставая скакать и прыгать, прибывают к источнику Моттком, где хозяева воды уже ожидают веселых своих покупателей. После недолгой церемониальной речи мэр за Безант покупает у них воду еще на год вперед. Затем мэр, не желая оставлять такой дорогой и ценный заклад, начинает переговоры за выкуп, а старшина Мотткома соглашается. Получив в обмен блюдо с телячьей головой, кошелек с деньгами и пару новых, укра-

1 Aubrey, J., *Remaines of Gentilisme and Judaisme*, p. 15, ed. 1881.

2 Sikes, W., *British Goblins*, p. 273, ed. 1881.

3 Орнамент в виде композиции из дисков. Происходит, видимо, от «византина» — золотой византийской монеты. — *Примеч. перев.*

шенных кружевами перчаток, он возвращает Безант магистрату, который, хорошо отдохнув и освежившись со всей честной компанией на мотткомском лугу, возвращается, танцую самым нелепым и смешным образом, туда, откуда пришел, завершая день майскими играми и величайшими увеселениями».

Пережитки таких церемониальных танцев — Меховая пляска в Англии и фарандола во Франции. В обоих этих танцах участники держатся за руки, чтобы образовать цепь, которая движется по деревне, заходя в каждый дом. Принцип танца таков, что куда идет ведущий, туда и все остальные; что он делает, повторяют все танцоры. Участники фарандолы должны обязательно быть неженаты. Поскольку танец часто исполняется ночью, участники либо несут в руках фонари, либо надевают «круг восковых свечей на голову», подобно фейри. Жанна Буасдо в 1594 году показала, что на вершине Пюи-де-Дом они танцевали спина к спине, а возглавлял процессию большой черный козел. Самый старый из присутствующих на церемонии шел непосредственно за ним, держа за хвост, а следом — все остальные, держа друг друга за руки¹. Начиналось все, вероятно, с кругового танца, который затем переходил в процессию. Танцы системы «иду за тем, кто впереди» у ведьм были особенно популярны. Важно было, чтобы ведущий отличался молодостью и силой, так как темп и скорость имели значение. В Олдиарне в 1662 году Дева ковена носила прозвание «Ну-его-через-канаву». Изабель Гоуди объяснила это так: «когда плясали *джиллатрайп*, дьявол всегда вел Деву за руку; и когда он перепрыгивал <лакуна в тексте>, они всегда говорили: “Ну его через канаву!”»². В Абердине Томас Лейс был ведущим. Както раз он дал затрещину некоей Кэтрин Митчелл, «потому что она испортила танец и бежала не так быстро, как остальные»³. В Крайтоне мистер Гидеон Пенман «шел в конце во время всех танцев и давал тумака тем, кто двигался слишком медленно»⁴.

Поскольку танец-процессию исполняли мужчины и женщины вместе — по двое или длинной цепочкой, в которой представители обоих полов стояли попеременно, — по окончании

1 *Société des Bibliophiles de Guyenne*, I (1879), p. 85.

2 Pitcairn, op. cit., III, p. 606.

3 *Spalding Club Miscellany*, I (1841), pp. 97—98.

4 Fountainhall, Lord, *Decisions*, I, p. 14, ed. 1759.

процессии можно было разбиваться на пары, плясавшие самостоятельно. Реджинальд Скот показал, что танцы такого типа назывались «Ла Вольта»¹; это весьма интересно, так как вольта считается предком современного нам вальса.

Танец-процессия мог сам по себе быть актом поклонения богу, однако чаще всего его использовали для прибытия верующей конгрегации на святое место, где танцевали уже круговой танец.

Круговой танец особенно связан с фейри, которые, как часто упоминается, любят водить хороводы. Это самый древний известный человечеству танец: его изображение есть в Когуле, что в северо-восточной Испании (Каталонии). Оно датируется концом палеолита и относится к так называемой Капсийской культуре. Танцуют там только женщины, и их конические головные уборы, длинные лифы и растрепанные волосы примечательным образом похожи на описания эльфов и фейри. Они пляшут вокруг небольшой мужской фигуры, которая стоит в центре. Очень похожий танец исполняли несколько тысячелетий спустя, когда Робин Добрый Малый стоял в центре, а его почитатели образовывали хоровод вокруг него. Хотя времени между двумя изображениями прошло очень много, не возникает сомнений, что это один и тот же ритуал, просто более поздний пример, как следовало ожидать, более изысканный и подробный. Центральная фигура бородата, подобно пляшущему богу из Арьежа, но шкура животного со временем превратилась в звериные ноги. На картинке с Робинот Добрым Малым число участников — тринадцать, включая самого бога и музыканта; в Когуле их всего девять. Но и на палеолитической, и на средневековой картинке, танцующие носят характерные головные уборы, как и приличествует фейри.

В древние времена были известны и другие священные танцы. Терапевты² в самом начале христианской эры проводили религиозные службы, весьма напоминавшие ведовские: «После пиршества они праздновали священный праздник — на всю ночь. Они возносили гимны во славу Божию — то пели все вместе, а то совершали движения руками или танце-

¹ Scot, *op. cit.*, bk. III, p. 42.

² Еврейская аскетическая секта I в. н.э. Упоминается у Филона Александрийского. — *Примеч. перев.*

вали в согласной с ними гармонии. Затем, после того, как хор мужчин и хор женщин праздновали порознь, как на вакхических пирушках, они объединялись»¹. Это так похоже на песни и пляски ведьм, что вполне возможно, то и другое произошло из единого источника. Между тем терапевтов никто не обвиняет колдовстве или дьяволопоклонничестве — а все потому, что знаниями о них мы обязаны сочувствующему хронисту.

Еще одни танцы с песнями — тоже умеренной древности, хотя и христианской эры — приписывают самому Христу со учениками². Датировка в точности не известна, но часть песни цитируется у Августина (ум. в 430 г. н.э.) в письме к епископу Церетию. На Втором Никейском соборе фрагментами зачитывались разделы 93—95 и 97—98. Вся песня слишком длинна, чтобы цитировать здесь ее целиком, но несколько строчек я приведу.

Прежде чем схватили его незаконные иудеи, он собрал нас всех вместе и сказал: «Коль скоро меня предали им, воспоем песнь Отцу и с тем пойдем навстречу тому, что ждет нас». Затем он велел нам составить круг, взявшись за руки, а сам встал в середине и сказал: «Отвечайте мне: „Аминь“». И начал петь, и сказал так: «Слава тебе, Отче!» Мы же, идя по кругу, ответили ему: «Аминь».

«Я спасусь и спасу. Аминь. Я буду омыт и омою [других]. Аминь. Милость танцует; я буду играть на дуде; танцуйте! Аминь. Я буду скорбеть; восплачьте! Аминь. Число Восемь (букв.: одна огдоада) поет вместе с нами хвалу. Аминь. Число Двенадцать танцует в горних высях. Аминь. Целое в горних высях с нами танцует. Кто не танцует, не ведает, что грядет. Аминь. Я побегу и останусь. Аминь.

Ответь на мой танец. Узри себя во мне, говорящем [эти слова], и, увидев, что я творю, храни мои тайны. Ты, что танцуешь, постигни, что я творю, ибо от тебя — сии страсти человеческие, кои мне предстоит претерпеть. Я — твой бог, не бог предателя. Я пребуду

1 Philo Judaeus, *On a Contemplative Life*, xi.

2 James, M.R., *Apocrypha of the New Testament*, p. 253, ed. 1924.

с душами святых. Я танцевал; ты же постигни целое и, постигнув его, скажи: “Слава Отцу!” Аминь».

Так, о возлюбленный мой, и ушел наш Господь, станцевав вместе с нами.

Сама древность этого танца с песнями свидетельствует о важной роли подобного способа поклонения, который, будучи по происхождению языческим, тем не менее, вошел в религиозные обряды христиан — фактически, с санкции самого Основателя их религии.

Тем не менее, церковная власть, на всем протяжении Средних веков занятая искоренением Старой Веры, считала хороводы злым ритуалом. Боге сравнивает круговые танцы ведьм с плясками фейри, которых клеймит «воплощениями дьявола»¹. Круг двигался в основном налево, но если — как, например, во Франции — танцоры стояли лицом наружу, движение шло *widdershins*, то есть, против хода солнца. Абердинских ведьм обвиняли в том, что они плясали дьявольские танцы на Рыночном и Рыбном перекрестках города, а еще вокруг большого камня в Крейглохе².

Хоровод разделил судьбу многих религиозных ритуалов и превратился в детскую забаву. В некоторых танцах такого рода в центре стоит человек, вокруг которого и кружит хоровод. Где такого центра нет, танцы носят в основном имитативный характер — как, скажем, «Тутовый куст», в котором первоначальные движения явно не были столь просты и невинны, как те, что исполняют сейчас. Кое-где в Бельгии дети до сих пор водят хороводы, стоя лицом наружу.

Необычайную важность танца как религиозной церемонии и акта поклонения божеству подтверждает отношение Церкви к этому явлению. В 589 году Третий Толедский собор воспретил прихожанам танцевать в церквах в канун праздников святых³. В 1209 году Совет Авиньона издал такой же запрет⁴. В XVII веке йоркские подмастерья танцевали в нефе кафедрального собора. Даже в наши дни настоятель и хористы

1 Boguet, op. cit., p. 132.

2 *Spalding Club Miscellany*, I, pp. 97—98.

3 Phillips, W. J., *Carols*, p. 14, ed. 1921.

4 *Ibid.*, p. 14.

кафедрального собора Севильи танцуют перед алтарем в масленный вторник и на праздники Тела Христова и Непорочного Зачатия. В Эхтернахе (Люксембург) во вторник Троицкой недели священник в сопровождении хора и всей конгрегации, танцуя, входит в церковь и пляшет вокруг алтаря¹.

Священный танец носит, без сомнения, дохристианский характер, и ничто так не доказывает его влияния на умы людей, как тот факт, что он сумел выжить после стольких веков христианства. И не только выжить, но и войти органичной частью в ритуалы новой религии, так что священники ее и верующие по сей день пляшут его в своих храмах, как плясали жрецы и верующие религии старой на заре человечества.

Музыка, под которую его танцевали, весьма интересовала хронистов; сведения о ней достаточно разнообразны. Зачастую сам Великий Магистр исполнял ее, при этом иногда возглавляя танец. Однако чаще для всей честной компании играл музыкант. Обычно это была флейта или волынка, или труба, или варган, а во Франции — скрипка. Но встречалась и другая мода. Лук, на котором играет уже упоминавшаяся маленькая палеолитическая фигура в маске, очень примитивен по конструкции; играющий сам танцует под собственную музыку, как часто делал дьявол в Шотландии. Флейта как музыкальный инструмент магического назначения встречалась в Египте с древнейших времен: на египетских росписях человек в маске играет на ней в окружении диких животных. Свирели, или пановы флейты, ассоциируются с богом, скрывающимся в обличье животного.

В Лотарингии в 1589 году музыкальные инструменты были очень примитивны. Помимо маленьких дудок, на которых играли женщины, у одного мужчины имелся «лошадиный череп, на котором тот наигрывал, как на цитре. Еще один держал дубинку, которой колотил по стволу дубового дерева, дававшего гулкую ноту, подобно литавре или боевому барабану. Дьявол при этом пел громким и грубым голосом, словно бы трубя в нос, так что получался ревуший деревянный звук, хорошо слышимый на свежем воздухе. Вся компания вместе рычит, вопит, мычит, завывает, словно люди посходили с ума»². Французские

1 Ibid., p. 14.

2 Remigius, op. cit., cap. xix, p. 88.

ведьмы, видимо, особенно ценили хорошую музыку, так как общили де Ланкру, что «плясали под звуки тамбурина и флейты и еще такого длинного инструмента, который цепляют за шею и держат на весу на уровне пояса, ударяя по нему маленькой палочкой; а иногда еще на скрипке. Но это не все инструменты на шабашах, так как мы узнали от них, что услышать там можно самые всевозможные инструменты и в такой гармонии, что ни один концерт в мире с ними не сравнится»¹.

ПИРШЕСТВО

Пир был важной частью религиозных церемоний, и в этом культ рогатого Бога походил на другие языческие ритуалы, сведения о которых дошли до нас. Митраистская вечеря и христианские агапе относились к той же категории.

Все обряды этой древней религии проникнуты духом радости и самого счастливого веселья, скрыть которые не в силах даже благочестивый ужас христианских хронистов. Когда в источниках приводятся собственные слова ведьм без попыток исказить их, чувства, испытываемые ими по отношению к своим религиозным ритуалам и богу, совершенно противоположны сантиментам христиан. Радость культа особенно явствует из описаний пиршеств — возможно потому, что ничего особенно злого и порочного в них для хронистов не было, и они не так старались приписать им какие-то inferнальные и дьявольские черты, как прочим обрядам язычников.

На великих шабашах, когда целые деревни собирались вместе, непринужденно сочетая религиозное и увеселительное, такие пиршества, вероятно, были источником большого счастья для селян и символизировали дары Бога человеку, тем более, что Бог присутствовал на них во плоти. Благодарность Божественному за его дары выражает Изабель Гоуди из Наирна: закончив есть, «мы устремили взор свой на дьявола и, поклонившись ему, сказали: Спасибо тебе, Господь наш, за это!»²

Судя по всему, судьи имели некоторые сомнения на тот счет, не были ли все эти пиршества иллюзией, наведенной Врагом рода человеческого. Поэтому особенно интересно,

¹ De Lancre, *Tableau*, p. 127.

² Pitcairn, *op. cit.*, III, p. 613.

что инквизитор Боге отмечает: «Часто на шабашах они едят совершенно всерьез, а не в фантазиях и не в воображении»¹. Стилистика пиршества варьировалась в зависимости от финансового состояния того, кто его давал. Боге снова снабжает нас ценной информацией, сообщая, что подавались на таких банкетах совершенно разнообразные блюда, смотря по месту и рангу участников; на столе обязательно присутствовали масло, сыр и мясо. У совсем бедных часто никакого пира не было вовсе, как, например, в Эльзасе в 1618 году, где Катерина Вольмар заключила ведовской брак с дьяволом Петерлином: «Банкета же у них не было, потому что никто не принес ни еды, ни питья»².

Когда погода позволяла, пировали на свежем воздухе. Пикник ведьм из Уинкантона (Сомерсет) выглядел очень приятно: «Все уселись, разостлали белую скатерть на земле и стали пить вино и есть лепешки и мясо»³. В Шотландии, с ее более неустойчивой погодой, пиршества, согласно источникам, проводились по большей части дома. Еду обычно поставлял вождь, иногда — кто-то из более богатых членов ковена, а бывало, что вся конгрегация приносила, кто что мог, и съедала это вместе. В этом последнем случае она была домашней, как, например, в Швеции, где «ели они, по их же словам, жидкий суп с капустой и беконом в нем, овсянку, намазанный маслом хлеб, молоко и сыр»⁴. Когда едой занимался Великий Магистр, она была вполне достойна, а когда кто-то из ведьм побогаче выступал хозяйкой, кормили просто превосходно. Так Элспет Брюс подала товаркам у себя в доме гуся, что было весьма в ее пользу в глазах Магистра — отчасти из-за хорошего ужина, а отчасти и потому, что была она «женщиной пригожей»⁵. Ланкаширские ведьмы пользовались для добычи еды весьма простым методом — брали, что им было нужно, у кого-то из местных фермеров, «каковые загодя поставляли для их ужинов говядину, бекон и жареную баранину; оная баранина была от валуха, принадлежавшего Кристоферу Сойерсу из Барли;

1 Bogue, op. cit., p. 139.

2 Bapst, E., *Les Sorcières de Bergheim*, p. 51, ed. 1929.

3 Glanvil, op. cit., pt. ii, p. 302.

4 Horneck, op. cit., pt. ii, p. 491.

5 Kinloch, op. cit., p. 133.

этот валух был за ночь до этого приведен в дом его матери Джеймсом Девайсом и забит, а потом съеден»¹. Форфарские ведьмы тоже себя в этом отношении не обижали: «Они пошли в дом к Мэри Ринд и сели вместе за стол, а дьявол сидел во главе; а некоторые пошли к Джону Бенни, пивовару, и принесли оттуда эля, а еще другие пошли к Александру Хику и принесли оттуда *aqua vitae*, и так чрезвычайно развеселились»².

Сомерсетские ведьмы всегда ходили в гости к своему вождю, который принимал их очень хорошо: «На собраниях были у них обычно вино или хорошее пиво, лепешки, мясо и всякое такое. Они по-настоящему ели и пили, когда встречались телесно, еще плясали и играли музыку»³. В другом источнике говорится, что «у них были вино, печения и жареное мясо (все принес Человек в Черном), которые ели они и пили. Они плясали и веселились и были там телесно и в одеждах своих». В 1588 году Элисон Пирсон, которая являлась с фейри, сказала, что человек в зеленом «явился ей, собою пригожий, мужчина, и с ним много других мужчин и женщин; она осенила себя крестом и стала молиться, и зашла с ними дальше, чем могла сказать; и музыка была и радость, и всякое доброе веселие, и отвезли ее в Лотиан, и видела она там винные бочки и чаши при них»⁴. Мэри Ламонт в 1662 году показала, что «дьявол пришел к Кэтрин Скотт в дом посреди ночи, он был обликом как крупный черноволосый мужчина, и пел им, и они плясали. Он дал им пить вина и пшеничного хлеба есть, и было им всем очень весело»⁵. В Борроуостунессе в 1679 году прошло большое собрание. Его участников обвинили в том, что «вы и каждый из вас бывали на нескольких собраниях с дьяволом в окрестностях Борроуостунесса, и в твоём доме, Бесси Вайкар, и пили и ели с дьяволом и друг с другом, и с ведьмами в доме её ночью порой; а дьявол и Уильям Кроу принесли эль, который вы пили, количеством до семи галлонов»⁶. Совсем по-другому выглядел пикник андоверского ковена в Новой Англии; Гуди Фостер

1 Chetham Society (1845), *Discoverie of Witches*, p. 63.

2 Kinloch, *op. cit.*, p. 121.

3 Glanvil, *op. Cit.*, pt. ii, pp. 296—297.

4 Pitcairn, *op. cit.* I., pt. ii, p. 163.

5 Sharpe, *op. cit.*, p. 131.

6 *Scots Magazine*, 1914, p. 200.

из Салема спросили, какую провизию она брала на шабаш, и она «сказала, что брала хлеб и сыр с собою в карман, и что они с андоверской компанией явились в деревню еще до начала сборища и сели вместе под деревом, и съели свою еду, и что она пила воду из ручья, чтобы утолить жажду. А само сборище было на ровном поросшем травой лугу, у которого была проезжая дорога для телег, вся песчаная, и в песке следы конских копыт. И еще она мне сказала, сколько они шли туда и обратно»¹.

Христианские авторы сплошь полагали, что на ведьмовских празднествах соль под запретом и выдвигали в объяснение этому различные версии. Святость соли — дохристианская идея; табу на ее употребление строго соблюдали жрецы Древнего Египта. У мусульман и прочих нехристиан она тоже обладает особым значением. Вера в ее силу сохранилась не только в христианские времена, но и вплоть до наших дней — она до сих пор входит в состав крестильного еяля. Рассыпать соль считается к несчастью, а засеивание солью места, где ранее стоял разоренный город, по всей вероятности, означало табу и запрет на возделывание этой земли. Тем не менее, рассказы о ведьмских пирах подтверждают, что соль на них была вполне в ходу, хотя время от времени ее и исключали из меню. Иногда приводились причины ее отсутствия, как в случае Анны Ланг, эльзасской ведьмы в 1618 году, у которой в лесу Сент-Ипполита не оказалось ни хлеба, ни соли, потому что они по дороге туда вывалились у нее из телеги и потерялись².

Обычно на шабашах пили вино, особенно когда провизией занимались богатые члены ковена. Во Франции посудой под него служили деревянные кубки, но в Эльзасе богатые дамы взяли из дома собственные серебряные чаши, из которых все и пили³. В Англии и Шотландии обычным напитком были пиво или виски.

Сочетание религии с пиром и всяческими весельями, столь характерное для великих шабашей, любопытным образом находит современную манеру праздновать Рождество.

1 Burr, G.L., *Narratives of the Witchcraft Cases*, p. 418, ed. 1914.

2 Bapst, *op. cit.*, p. 166.

3 *Ibid.*, p. 167.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ЦЕРЕМОНИИ РЕЛИГИОЗНЫЕ И МАГИЧЕСКИЕ

*«Благословенны да будут христиане и все
труды и пути их;
Прокляты неверные, еретики и турки».*

— Р. Киплинг (текст слегка изменен).

До сих пор никому еще не удалось разработать теорию, которая позволит с точностью определить, где заканчивается магия и начинается религия. Самое лучшее объяснение состоит в том, что магия есть по природе своей совершенно естественный метод, и простое произнесение заклинания или совершение определенных движений произведет желаемый эффект так же верно, как смешение двух химических веществ — заранее предсказанный результат. Магия, иными словами, работает одна, пользуется собственной силой и не зависит ни от чего, кроме себя самой, в то время как религия признает наличие силы помимо себя и действует исключительно по мотивации этой внешней силы. Форма, в которой сила являет себя человеческому разуму, зависит от состояния цивилизации, к которой принадлежит верующий. В некоторые периоды и в некоторых местах человек верил, что эту силу можно заставить повиноваться его воле, что она не может противиться приказаниям того, кто совершает определенные церемонии в сопровождении определенных слов и определенных жестов. В другие же времена и в других местах человек полагал, что сила эта куда больше него самого, и пытался снискать ее благосклонность при помощи молитв и даров, которые включали жертвоприношения и всяческие самоуничтожения.

Теория эта до некоторой степени верна, но не охватывает, увы, полного спектра явлений. Поэтому я и не пыталась поделить ритуалы ведьм на ее основе, а, скорее, приняла традиционную схему, отнеся к «религиозным» те обряды, которые совершались более или менее как акты поклонения божеству,

и к «магическим» — те, что были направлены на контроль над силами природы: скажем, на вызывание бурь или насылание и исцеление болезней.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕРЕМОНИИ

Религиозные ритуалы, которые в наши дни мы назвали бы божественной службой, были окружены величайшим почтением. Почести Магистру воздавались перед началом любых прочих священнодействий и часто включали приношение горящей свечи. В Пуактэ в 1574 году дьявол присутствовал на шабаше в обличе «большого черного козла, который говорил, как человек», и которому ведьмы воздавали почести, держа в руках зажженные свечи¹. Боге в 1598 году утверждал, что ведьмы поклонялись козлу и «для пущей почести преподносили ему свечи, горевшие синим пламенем. Иногда он держал черного идола, которого заставлял ведьм целовать; целуя, они делали приношение свечой или пучком горячей соломы»². В 1664 году в Сомерсете ведьмы рассказали, что встречали на шабаше Человека в Черном «и делали ему все низкий реверанс, и он давал им восковые свечи наподобие маленьких факелов, а при расставании они их возвращали»³. Как правило, свечи зажигались от огня или светоча, который Великий Магистр носил на голове между рогами; следовательно, ритуал этот проводился по великим праздникам, когда дьявол выступал, так сказать, «при полном параде». Де Ланкр утверждает, что у дьявола было обычно три рога «с каким-то светочем на среднем, которым он обычно освещал весь шабаш и давал огонь и свет ведьмам, державшим горящие свечи на церемонии мессы, которой они подражали». Обычно дьявол зажигал свечи сам и подавал их верующим, но иногда ведьмам дозволялось зажигать свечи самостоятельно. В любом случае символически это свидетельствует, что для конгрегации бог их был источником света.

Принимая почести, бог сидел на троне. После ритуала со свечами, верующие преклоняли перед ним колени и пели хвалебные гимны. Следовали песнопения и молитвы,

1 Bodin, J., *Fléau des Demons et Sorciers*, p. 187, ed. 1616.

2 Boguet, H., *Discours des Sorciers*, p. 131, ed. 1608.

3 Glanvil, J., *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, p. 297, ed. 1726.

а иногда Магистр сам держал речь о заповедях и догмах религии. В Шотландии такое случалось чаще, так как проповеди в этой стране всегда пользовались особой популярностью. Впрочем, проповедники встречались и во Франции. До нас дошли сведения о стилистике и тематике некоторых из таких проповедей. Де Ланкр утверждает, что содержали они в основном похвальбу¹; шотландские источники в этом отношении более подробны. В материалах процесса над Джоном Файаном из норд-бервикского ковена (1590 г.) говорится: «Сатана стоял как бы на кафедре и читал проповедь сомнительного содержания, говоря, в частности: Многие приходят на ярмарку, но не покупают ничего». И увещевал их «ничего не страшиться, хоть и мрачны они; ибо много у него служителей, и ни в чем они не будут нуждаться ни страдать от каких недугов, и ни одна слеза не упадет из глаз их, ибо он не позволит, пока они у него в услужении. И такой урок и такую заповедь дал им: Не жалейте еды и питья, удовольствиями не пренебрегайте, отдыхом и веселием, ибо воздвигнет он их во славе в день последний»². Лотианским ведьмам проповедник, по их словам, проповедовал «доктрины адской бездны, сиречь богохульства на Бога и Сына Его, Христа», то есть, другими словами, утверждал то, что полагал истинною верой, и осыпал оскорблениями противную сторону. «Среди всего прочего сказал им, что в нем они будут счастливее, чем могли бы быть в боге; его они видели своими глазами, а бога видеть не могли»³. В другой проповеди тот же самый проповедник «чрезвычайно богохульно поносил их, кто хотел верить в бога, который бросил их страдать в миру, и ни Он, ни Сын его, Иисус Христос, никогда не являлись им, когда они к ним взывали, как является он, кто не станет с ними мошенничать»⁴. В этом, без сомнения, и состояло великое преимущество Старой Религии: бог был доступен верующим, его можно было видеть, говорить с ним лично, как с другом, в то время как Бог христианский вечно и незримо пребывал далеко на небесах, и молящемуся оставалось

1 De Lancre, P., *Tableau de l'Inconstance des Mauvais Anges*, p. 401, ed. 1613.

2 Pitcairn, R., *Criminal Trials*, I, pt. iii, pp. 210–11, ed. 1833.

3 Law, R., *Memorialls*, p. 145, ed. 1818.

4 Fountainhall, Lord, *Decisions*, I, p. 14, ed. 1759.

только надеяться, что молитва его достигла божественного слуха, но никогда не быть в том уверенным.

Основной частью религиозного ритуала была церемония, похожая на христианскую мессу. Следует, впрочем, заметить, что она ни в коей мере не была попыткой воспроизвести Тайную Вечерю в том виде, в каком описывают ее евангелия, за тем только исключением, что в ней тоже раздавали хлеб и вино; так что Коттон Мазер ошибочно заявляет, что ведьмы «подражали вечеру нашего Господа». Самые подробные отчеты содержатся в многочисленных французских источниках¹. Все на ведовской мессе было черное: черный хлеб (сделанный из ржаной муки); черный напиток, пикантный на вкус, похожий, возможно, на священное вересковое пиво пиктов; черные свечки — факелы, обмакнутые в смолу или вар, дававший синее пламя. Вождь предстал в обличье черного козла² с нанизанными на рога священными хлебами. Он брал святое вино и окроплял им колена преклоненных верующих, которые возглашали хором: «Кровь его да будет на нас и детях наших». На протяжении церемонии присутствующие стояли на коленях, преклонив голову до земли, или простирались ниц, вместе молясь своему богу о помощи. Источники едины в том, что конгрегация отличалась страстной преданностью своему богу и религии, так что инквизитор де Ланкр отнюдь не преувеличивает, когда описывает чувства ведьм, пострадавших за свою веру: «Это ложное мученичество; есть ведьмы, настолько преданные дьявольскому его служению, что никакие пытки и мучения их не пугают, и заявляют они, что пойдут на истинное мученичество и смерть из любви к нему с такою же радостью, как на веселый и усадительный праздник. Схваченные правосудием, не рыдают они и ни единой слезы не проливают в истинном своем мученичестве под пытками или на дыбе, и все это им так радостно, что многие жаждут оказаться на эшафоте и страдают с наслаждением, будучи привлечены к суду, так сильно хотят они быть со своим дьяволом. А в тюрьме ничего не желают они, кроме как показать, сколь сильно они страдают

1 De Lancre, op. cit., p. 401, Bogue, op. cit., p. 141.

2 Michaelis, S., *Admirable History of the Possession and Conversion of a Penitent Woman*, ed. 1613.

и хотят пострадать ради него»¹. Такое состояние духа вызывает чистое восхищение у христианских мучеников, когда же язычница умирает в нем во славу своего бога, ее клеймят дьяволопоклонницей и считают заслужившей самую жестокую смерть за упорное нежелание принять бога, которого она никогда не видела и о котором ничего не знает.

ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Существовало несколько разных форм жертвоприношения, и все они подразумевали пролитие крови. Самая простая, производившаяся едва ли не на каждой религиозной церемонии, состояла в том, что верующий сам себя колот каким-нибудь острым предметом. Делалось это либо на публике, либо в частном порядке. Жертвоприношение животного было частным ритуалом и никогда не производилось на великих шабашах, хотя на эсбатах иногда и упоминается. В качестве жертвенного животного обычно выступали собака, кошка или кто-то из домашней птицы. Животное предлагали богу, но совершенно не обязательно убивали. В рассказе о том, как ведьмы Норд-Бервика вызывали бурю, кошку, специально подготовленную посредством разнообразных магических церемоний, бросили как можно дальше в море, что совершенно не помешало ей благополучно приплыть обратно на берег.

Если верить обвинениям, жертвоприношения детей были отнюдь не редки, но улик в пользу действительно лишения жизни младенцев представлялось на удивление мало; кроме того, следует помнить, что убийство детей — совершенно обычное, широко распространенное обвинение, к которому прибегает доминирующая религия против любой другой, с которой пребывает в конфликте. Однако время от времени совсем маленький ребенок, кажется, и вправду мог умерщвляться в рамках религиозного ритуала; но случалось такое редко, а в Англии и вовсе не упоминается. Убийство ребенка фигурирует в материалах одного процесса в Шотландии в 1658 году, когда ковен из Аллоа обвинили в том, что «у них всех было сборище в Туллибоди, где они убили ребенка, и еще одно

¹ De Lancre, op. cit., p. 408.

в Клакманнана, где убили еще одного»¹. Во многих обвинениях встречается упоминание о том, что ведьмы ели детей. Это не представляется совершенно бесосновательным, хотя нет доказательств, что ради этого ритуала детей специально убивали. Сходные формы каннибализма, как религиозного ритуала, практиковались поклонниками Вахха в Древней Греции.

Есть один вариант каннибализма, возникший, по всей вероятности, уже после того, как начались преследования. Некоторые ведьмы намеренно ели мясо совсем маленьких детей с целью обрести способность хранить молчание даже под пытками, когда попадутся в руки христианских судей. Судя по всему, детей для этого не убивали; ввиду показателей детской смертности того периода добыть священное мясо, скорее всего, не составляло никакого труда. Основой практики служила, видимо, некая разновидность симпатической магии: поедая плоть ребенка, который еще ни разу в жизни не произнес ни единого членораздельного слова, ведьма связывала собственный язык. Де Ланкр весьма наглядно описывает это поверье: «Дабы не выдать никаких тайн школы, они на шабаше пекут лепешки из черного проса с мукой, сделанной из высушенной печени некрещеного младенца; они помогают хранить молчание, так что съевшая такую лепешку никогда не признается»². Интересны в этом отношении материалы двух шотландских процессов. В Форфаре в 1661 году Хелен Гатри утверждала, что вместе с другими выкопала тело некрещеного младенца «и взяли от него некоторые части, а именно ступни, кисти рук, часть головы и часть ягодицы, и сделали из них пирог, чтобы есть его и посредством того никогда не сознаться (как они думали) в своем колдовстве»³. В 1695 году одна из ведьм Баргаррана сказала суду, что «Господь их (как они его называли) дал им съесть кусок печени некрещеного младенца, сказав им, что даже если будут они схвачены, то никогда не признаются, так что разоблачения не получится»⁴.

Величайшей из жертв было жертвоприношение самого бога. Оно имело место на одном из великих сезонных шабашей

1 Black, G.F., *Scottish Antiquary*, ix (1895).

2 De Lancre, *op. cit.*, p. 128.

3 Kinloch, G.R., *Reliquiae Antiquae Scotiae*, p. 121, ed. 1858.

4 *Sadducismus Debellatus*, p. 39, ed. 1697.

по окончании определенного срока — обычно семи или девяти лет. Фрэзер убедительно показал, что Умиравший Бог был первоначально вождем племени, то есть, королем. Когда обычай начинает клониться к закату, первым шагом обычно становится замещение короля неким лицом высокого ранга, которое страдает за него. Несколько дней, предшествующих смерти, исполняющий обязанности короля наслаждается всеми почестями и полномочиями, и фактически является на это время настоящим владыкой. На следующем этапе доброволец, соблазненный желанием власти короля, пусть даже и временной, принимает на себя и его судьбу. Такого добровольца с течением времени заменяет и без того приговоренный к смерти преступник, а затем жертвенное животное.

Когда Старая Религия начала фигурировать в исторических источниках, это был, без сомнения, уже последний этап эволюции великой жертвы. Во Франции на шабашах сжигали заживо козла, назвав предварительно тварь дьяволом. Пепел собирали для магических ритуалов плодородия, рассеивая его затем над полями и животными. В этой связи не помешает вспомнить, как собирали пепел Жанны д'Арк после казни. Вероятно, следует отметить, что в XVII веке, когда приходило время великой жертвы, бог всегда предстал в облике громадного козла или же «при полном параде»; это само по себе указывает, что первоначально обряд представлял собой принесение в жертву самого Рогатого Бога.

По всей Европе бытовали первобытные формы жертвоприношения, где верующие поедали мертвое тело своего бога или, по крайней мере, какую-то его часть. Церемониальный каннибализм встречается во многих частях света и во всех случаях объясняется желанием обрести свойства умершего — его храбрость, мудрость и т.д. Когда в пищу шла божественная жертва, и святая плоть, таким образом, становилась частью плоти верующего, он соединялся со своим богом. В Древнем Египте, как и в других местах, чаще ели животное-заместителя или фигурку бога, сделанную из теста или еще какой-нибудь съедобной субстанции. Принесение в жертву непосредственно бога или короля, или его заместителя известно с древнейших времен, а в некоторых странах бытовало вплоть до начала нынешнего века. Оно сохранялось в Европе, пока был жив

культ Рогатого Бога; в главе о божественной жертве я собрала ряд примеров королей-богов и их божественных заместителей. Помимо этих исторических примеров, было, не иначе, и множество локальных жертв, которые по причине своего скромного масштаба, не нашли никакого отражения в источниках.

В современной литературе по данному предмету заместители часто называются потешными королями, период правления которых представлял собою что-то вроде сатурналий, так как власть их была похожа скорее на бурлеск и балаган. Клюнзингер приводит данные о подобных явлениях в Египте в 1878 году. Он утверждает, что в каждой деревне Верхнего Египта выбирали новогоднего короля, который на три-четыре дня узурпировал власть правителя и правил на деспотических началах. Король носил особое платье, а относились к нему с экстравагантным почтением; он рассматривал судебные иски и налагал на правонарушителей смехотворные и нелепые санкции. По окончании срока властных полномочий его судили и приговаривали к сожжению. Затем вся деревня сопровождала его к месту казни, где вокруг него разводили кольцо огня. Когда внутри становилось слишком горячо, он перепрыгивал огонь и бежал, оставив на сожжение свои королевские регалии¹. Это весьма поздняя форма жертвоприношения. В дохристианской Европе воплощенного бога, без сомнения, сжигали заживо, и с приходом христианства этот обычай явно не угас. Огненные жертвы «друидов» были, полагаю, как раз такими ритуалами гибели Божественного Короля.

«Договор на жизнь» с некоторыми ведьмами представлял собой, судя по всему, еще одну форму замены такой королевской или божественной жертвы. По материалам некоторых процессов, дьявол обещал, что в течение того или иного срока ведьма будет наслаждаться силой и богатством, после чего попадет к нему в полную власть, телом и душой. Традиция утверждает, что он лично являлся ее забрать; есть множество мрачных историй о такой последней встрече с дьяволом. В них обычно уточняется, что на мертвом теле ведьмы обнаруживались следы огня, или же от него вообще ничего не оставалось, кроме кучи пепла. Во многих случаях, когда упоминается

¹ Klunzinger, C.B., *Upper Egypt, its People and its Products*, pp. 184—185, ed. 1878.

продолжительность «займа», срок его составляет семь лет или иное число, кратное семи. Это совпадает с семилетним циклом власти царственных богов в английской истории.

Те, кто не очень хорошо разбирался в культе, часто путали жертву *бога* с жертвой *богу*. Так источники утверждают, что все детские убийства, в которых обвиняли ведьм, были именно жертвами дьяволу. Однако, доказательствами эти преступления подкреплялись редко и в целом были среди ведьм распространены не более, чем в любом другом из общественных классов. Когда имелись реальные улики, а не обобщения пристрастных христиан, можно быть уверенным, что убиенного человека или животное считали божественным.

В традиционных сказаниях о феэри тоже часто фигурируют семилетний цикл и человеческие жертвоприношения богу. Томаса из Эрсилдуна похитила королева феэри. Он оставался с нею более трех лет, после чего она отослала его домой. Когда он принялся протестовать, она сказала, что на следующий день будет Хэллоуин:

Придет из ада завтра враг постылый,
Из моего народа жертву брать.
Кудрями светлый ты и милый —
Тебя б он пожелал забрать¹.

В балладе о Молодом Тамлане герой — прекрасный рыцарь, который любит земную женщину и просит ее спасти его:

Я вечно не устану, о, Жанет
В эльфийских землях жить;
Но раз единый в каждые семь лет
Должны все аду дань платить,
А я так полон и собою толст,
Что выберут меня, боюсь².

Ввиду практики ритуального каннибализма физическое состояние молодого Тамлана вызывает определенные опасения. В одной камберлендской сказке говорится: «Каждые

¹ Aytoun, W.E., *Ballads of Scotland*, I, p. 35, ed. 1858.

² Ibid., I, p. 9.

семь лет эльфы и феири платят дань или приносят в жертву одного из своих детей величайшему врагу спасения нашего, при этом им разрешается похитить одного из детей человеческих, чтобы отдать его врагу; куда более подходящая жертва, ручаюсь, чем один из собственного их адского племени, которое сплошь — дьяволы союзники и пьют его кровь утром Майского дня каждый год»¹.

В древние времена Умиравший Бог или его заместитель сжигались живьем в присутствии всей конгрегации. Когда Западная Европа стала более организованной, подобные церемонии стали недопустимы, и жертва гибла в руках законного палача. Обычай сжигать ведьму не был, таким образом, изобретением Церкви, которая просто воспользовалась уже существовавшей традицией и не сочла нужным никак менять жестокие ритуалы варварских времен. Смерть через сожжение самими ведьмами считалась настолько почетной и значимой, что Энн Фостер из Нордгемптона, приговоренная к казни за колдовство в 1674 году, «выражала горячее желание быть сожженной, но суд не пожелал преклонить слух к ее мольбам и постановил ее повесить на обычном месте казней»². Это вполне согласуется с пожеланием ведьмы из Рутлиба, которая перед повешением попросила, чтобы тело ее сняли с виселицы и сожгли, а прах бросили в воду, так как развеянный по ветру он бы вызвал тучи, засуху и град³.

Любопытно, что в Англии нет юридических источников, которые бы подтверждали смертный приговор через сожжение для ведьм; если их находили виновными в каких-то еще преступлениях, кроме колдовства, ведьм вешали. На самом деле снисходительность английских судей к «ужасному преступлению колдовства» просто поразительна. Вот что говорит по этому поводу шотландский источник: «В землях наших ведьмовство цветет повсюду; а все потому, что англичане слишком бережно к нему относятся и к суду за него не привлекают»⁴. В Шотландии приговаривали к смерти за одно только кол-

1 Cunningham, A., *Traditional Tales of the English and Scottish Peasantry*, p. 251, ed. 1874.

2 *Tryall of Ann Foster*, p. 8, ed. 1881.

3 Grimm, J., *Teutonic Mythology*, 1087, ed. Stallybrass.

4 Baillie, R., *Letters and Journals*, ed. 1841.

довство: в этом случае жертву душили у столба, а тело потом сжигали. Упоминаются, однако, и случаи, когда ведьму приговаривали к сожжению заживо, и приговор этот аккуратно приводили в исполнение. Во Франции доказанное обвинение в занятиях колдовством означало смертный приговор: ведьму ждал костер. Есть даже упоминание о мужчине-колдуне, которого приговорили к «*a estre bruslé vif à petit feu*»¹. В Эльзасе кто-то из магистратов посчитал сожжение слишком мягкой мерой наказания для ведьм и обрек их на разрывание на куски раскаленными щипцами. Насколько мне известно, это был единственный случай, когда христианское духовенство взмолилось о милосердии для преступников. Им повезло, и приговор заменили на обезглавливание мечом. Казнимые благодарили магистратов со слезами на глазах².

Верой в догмат об Умирающем Боге объясняется тот факт, что ведьм часто обвиняли в мерзком и отвратительном грехе выдачи себя за добропорядочных христиан, в то время как на самом деле они были и оставались «дьяволопоклонниками». Фундаментальная разница между двумя этими религиями как раз в том и состоит, что христиане верят, будто Бог умер раз и навсегда за всех, а более примитивные культы полагают, что он постоянно воплощается на земле и, следовательно, может быть убит неоднократно. Скорее всего, эти «дьяволопоклонники» были совершенно честны, считая себя приверженцами обеих религий, так как не понимали основополагающих особенностей доктрины новой веры.

ОРГИИ³

Интерес и любопытство, которые оргиастические ритуалы возбуждали у христианских судей и хронистов пропорционально значительно превышали их действительную важность в рамках культа. Известно, что в религии Рогатого Бога, как и в культах Вакха и прочих божеств плодородия, существовали и отправлялись ритуалы, которые современному уму показались бы слишком грубыми, чтобы их можно было

¹ Поджаривание на медленном огне (стар. фр.). — *Примеч. перев.*

² Bapst, E., *Les Sorcières de Bergheim*.

³ Ссылки см.: Murray, M., *Witch Cult in Western Europe*.

с чистой совестью назвать религиозными. Эти обряды открыто практиковались в Афинах на самом пике их цивилизации; Священный Брак рассматривался как средство обеспечения и увеличения плодородия. Подобного рода церемонии известны во всех частях света, но всегда — в «религиях низовой культуры», как мы называем их сейчас. Поскольку культ Рогатого Бога тоже был, без сомнения, религией низовой культуры, эти ритуалы составляли его неотъемлемую часть. Их мотивы абсолютно одинаковы независимо от региона бытования: это практическое применение теории симпатической магии, из которой следует вера в то, что подобным образом можно увеличить плодородие всей страны. Именно из-за таких ритуалов люди и верили (и ведьмы охотно с этим соглашались), что они обладают способностью даровать плодородие — а, следовательно, и способностью его отнимать, ибо, как я уже отмечала, первобытный разум приписывает и благотворные, и злые свойства одной и той же силе. Деление на бога и дьявола, на священника и ведьму есть достояние уже более высокой стадии развития.

Жанну д'Арк со всей очевидностью обвинили в практике этих ритуалов, но (не без помощи герцогини Бедфордской) обвинения были признаны ложными. Такие же обвинения против Жюль де Ре были настолько явно шиты белыми нитками, что для пущей убедительности их пришлось подкрепить обвинением в детоубийстве.

Во всех случаях, когда упоминались подобного рода ритуалы, инквизиторы католической церкви и пасторы церкви реформатской были охвачены священным ужасом — вкуче, правда, с удивительно стойким намерением выяснить все обстоятельства дела вплоть до мельчайших подробностей. Возможно, церемонии и носили изначально обценный характер, но усилиями церковных хронистов и судей становились еще бесконечно хуже.

МАГИЧЕСКИЕ РИТУАЛЫ

В процессах над ведьмами значительную роль играли и магические элементы. Изучая ведьм и магию, необходимо все время помнить о том, что когда из ряда вон выходящие явления обязаны своим существованием людям, это называется чудом,

если творец его принадлежит к той же религии, что и автор источника, и магией — и чаще всего черной — когда к другой. Как сформулировал это Гримм, «чудо имеет божественную природу, а магия — дьявольскую». Именно так и обстоит дело с христианскими источниками о чудесах, творимых ведьмами.

В популярных представлениях котел — один из самых известных ведьмовских аксессуаров, но несмотря на столь живописное его изображение в «Макбете», в материалах судебных процессов он фигурирует не то чтобы очень часто. В Эльзасе в конце XVI столетия он был в большой моде, а методы работы с ним объяснялись ясно и недвусмысленно. Перечни ингредиентов обычно не приводятся; котел кипел в присутствии всей честной компании, и в том числе дьявола, под аккомпанемент молитв и заклинаний. Далее котел либо переворачивали и содержимое его выливали на землю, либо зелье раздавали собравшимся, чтобы они могли воспользоваться им, где и когда пожелают. Выливание снадобья наземь вызывало туман — поднимающийся от земли пар был средством симпатической магии. Изготовление зелья для окропления представляло собой, по всей очевидности, религиозный обряд; когда культ был в расцвете, а ведьмы служили жрицами, священным варевом благословляли урожай, как ныне святой водой¹. Как это случилось со многими другими ведовскими ритуалами, смысл его со временем утратился, и новая религия забрала старые обряды себе с самыми незначительными изменениями, а древние оригинальные их варианты впали в немилость и были жестко запрещены Церковью. Котел использовался не только для магических ритуалов, но и для вполне домашних нужд — на шабашах в нем готовили еду. «Там на огне стоял большой котел, к которому все подходили и брали мясо», — сообщили французские ведьмы инквизитору Боге². Ничто так не подчеркивает первобытный характер самих церемоний и практикующих их людей, как общий для всей компании котел с едой. Здесь следует отметить большое значение, которое имел котел в позднем бронзовом и железном веках.

Во всех фермерских делах, которые сами по себе тесно связаны с плодородием, нередко приглашали поучаствовать ведьм —

1 Bapst, E., op. cit.

2 Boguet, H., op. cit., p. 136.

чтобы они провели ритуалы, способные обеспечить успех предприятию. К ним же обращались, если вдруг заболели животные. Когда в Бартоне-он-Тренте в 1597 году у одного фермера заболела корова, «Элизабет Райт вызвалась помочь на том условии, что ей дадут пенни для ее бога; она пришла к нему в дом, встала на колени перед коровой, перекрестила ей лоб палочкой и стала молиться своему богу, и с этого времени корова выздоровела»¹. Обратите внимание на ясное и вполне недвусмысленное утверждение, что у Элизабет Райт был свой бог, отличный от бога христиан. На Оркнеях в 1629 году Джонет Рендалл обвинили в том, что «дьявол являлся тебе, которого звала ты Валлиманом <...> Повстречав своего Валлимана на холме, отправилась ты в дом к Уильяму Рэндаллу, у которого лошадь была больна, и пообещала исцелить ее, если даст он тебе по два пенни за каждую ногу. Получив серебро, ты исцелила лошадь, взмолившись своему Валлиману. И из тех, кто давал тебе деньги, всех ждет удача на земле и на море, если помолишься ты своему Валлиману»². И вот снова мы видим упоминание бога ведьмы, который не имеет ничего общего с христианским.

Изготовление восковых изображений для уничтожения врагов всегда считалось особой прерогативой ведьм. Этот ритуал снова восходит к традиции симпатической магии. Нужно было сделать фигурку из глины или воска, имеющую подобие обреченного человека, проткнуть ее шипами или булавками и, в конце концов, размочить в воде или расплавить на медленном огне. Люди верили, что любые произведенные над изображением действия отразятся на физическом теле врага, а пока фигурка будет медленно плавиться, он станет слабеть и умрет. Метод работал очень хорошо, особенно если жертва знала, что против нее применяют магию (и верила в эту последнюю). Если же он не работал, ведьмы были вполне готовы подкрепить действие магии ядом или холодной сталью.

Восковые фигурки магического назначения встречаются с очень раннего периода. Известен восковой крокодил времен XII династии Древнего Египта (ранее 2000 до н.э.), но самыми подробными сведениями мы обязаны юридическим записям о так называемом «гаремном заговоре» во времена правления

1 *Else Gooderige of Stapenhill*, pp. 9, 10, ed. 1597.

2 *County Folklore, Orkney*, pp. 107—108.

фараона Рамсеса III (около 1100 до н.э.). Планировалось убить фараона и посадить на трон одного из его сыновей; заговорщиками выступили мать юноши, несколько дам из гарема и его служители, а также ряд людей не из дворца. Начали они именно с изготовления восковых фигурок, но так как успеха они не возымели, заговорщики перешли к прямому насилию, от последствий которого фараон в конце концов и умер. Участников мероприятия привлекли к суду; виновных приговорили к смерти. Интересно, насколько менее суеверными были древние египтяне в сравнении со средневековыми христианами. Никакого дьявола, никаких упоминаний злых сил; никакого нагнетания ужаса, которым так и сочатся страницы христианских хроник. Единственным оскорбительным словом, адресованным обвиняемым, был термин «преступник». Изготовлением восковых образов занимались двое мужчин. О первом из них говорится, что он

...стал делать магические свитки для затруднения и устрашения, и несколько богов из воска, и несколько людей для ослабления их членов; и отдал их в руки Пибеккамену и прочим великим преступникам, говоря: туда отнесите их. И отнесли их туда. Когда же начал он творить злое, которое сотворил, в котором Ра не попустил ему преуспеть, его привлекли к суду. Истину обнаружили во всяком преступлении и во всяком злом деянии, какое сердце его умыслило совершить. Была в том истина, он совершил их все, вместе с другими великими преступниками. То были великие преступления смерти, те вещи, которые сделал он. Когда же узнал он о великих преступлениях смертных, которые совершил, лишил он себя жизни.

Другой мужчина был признан равно виновным:

Когда Пенхибин сказал ему: дай мне свиток, который наделяет меня силой и мощью, дал он ему магический свиток фараона [Рамсеса III], и стал тот применять к людям силу бога. Стал он делать людей из воска и надписывать, чтобы тот, кто проверяет, признал

их, и мешал одним и околдовывал других. И допросили его, и нашли правду в каждом преступлении и каждом злом деянии, какие измыслило сердце его. Истина была в них, он совершил их все, вместе с другими великими преступниками. Великое наказание смерти было исполнено над ним¹.

В Британии восковые фигурки никогда не изготавливались оператором в одиночку. При этом присутствовало несколько членов ковена; все делали с большими церемониями и под личным надзором Великого Магистра. Самый ранний пример — король Дуф Шотландский (961—965). Его свалил какой-то таинственный недуг, а некая девица обронила несколько весьма подозрительных слов. «Стражу послали, и нашли они мать девицы и с нею еще каргу, и не одну, подобных ей, и пекли они над маленьким умеренным огнем изображение короля, из воска сделанное. И замысел ужасного этого поступка был таков, что как воск мало-помалу таял, так и королевское тело, постепенно потом исходя, в конце концов, совершенно бы распалось. Восковой же идол найден и сломан, а карги эти покараны смертью, и король в тот же миг исцелился»². В Норд-Бервике Агнес Сэмпсон обвинили в том, что она присутствовала вместе с другими при изготовлении такой фигурки. «Энни Сэмпсон подтвердила, что вместе с компанией еще из девяти ведьм собрались они ночью близ Престонпанса в присутствии дьявола, господина их, который стоял среди них; и вот фигура из воска, вылепленная и сделанная указанной Энни Сэмпсон, завернутая в льняную ткань, сперва передана была в руки дьяволу; который, произнеся свой вердикт, передал указанное изображение Энни Сэмпсон, а она — следующей своей соседке, и так далее по кругу с такими словами: «Это король Иаков VI, да будет истреблен по повелению благородного Фрэнсиса, графа Босуэла»³. Барбара Напье показала, что образ сей «измыслено было изжарить и так уничтожить высочайшую его персону»⁴. Джон Стюарт в Ирвине в 1618 году признался, что

1 Breasted, J., *Ancient Records*, IV, sections 454—5.

2 Buchanan, G., *History of Scotland*, I, p. 245, ed. 1722.

3 Melville, Sir James, *Memoirs*, p. 395, Bannatyne Club (1827).

4 Pitcairn, R., *Criminal Trials*, I, pt. iii, p. 246, ed. 1833.

когда ведьмы готовят глиняные фигурки, «является меж ними дьявол в образе и подобии маленького черного щенка». Они отрезали прядь Стюартовых волос и смешали их с глиной, «и взяли остатки указанных его волос и опалили их на огне и после отдали их указанному маленькому черному щенку»¹. Ведьмы из Сомерсета в 1664 году признались, что делали и пускали в ход такие фигурки неоднократно. «Дьявол окрестил изображение именем Энн или Рэйчел Хэтчер. Это изображение некая Дунсфордова жена принесла и терния в него воткнула. Когда околдовывали они мужчину, женщину или дитя, иногда делали то с картинкою из воска, которую дьявол официальным образом крестил. Энн Бишоп принесла в фартуке изображение из воска черноватого цветом, которое дьявол окрестил именем Джона Ньюмана, и затем дьявол первым, после Энн Бишоп, воткнул терния в портрет, а Энн Бишоп воткнула два шипа в руки его. Затем Маргарет Эгар принесла фигуру из воска, и дьявол в обличье человека в черных одеждах окрестил ее и после воткнул шип ей в голову; а Эгар воткнула еще один ей в живот, а Катерина Грин — в бок. Фигуру из воска или глины дали Человеку в Черном, и он воткнул колючку в макушку ей, а Эгар — в грудь, а Катерина Грин — в бок; после чего Эгар бросила фигуру и сказала так: Это корнуолец, и мор на нем, то есть, чума на нем. Маргарет Эгар дала маленькому Человеку в Черном фигуру из воска, в которую он и Эгар втыкали колючки, а Генри Уолтер палец свой большой воткнул ей в бок; потом бросили они ее наземь и сказали: Это Дик Грин и оспа на нем»². В 1678 году несколько членов ведовского ковена из Пейсли собрались, чтобы сделать фигурку и извести сэра Джорджа Максвелла. Один из колдунов показал, что «дьяволу требовалось согласие всех и каждого для изготовления изваяния из глины, чтобы забрать жизнь сэра Джорджа Максвелла. Каждая из вышеупомянутых персон дала свое согласие на изготовление указанного изваяния, и они замесили глину, а черный человек сделал изображение головы и лица, и двух рук указанного изваяния. И дьявол воткнул три булавки, по одной в каждый бок и одну в грудь; а заявитель держал им свечу все

1 *Trial, Confession, and Execution of Isobel Inch*, p. 6, ed. 1855.

2 Glanvil, J., op. cit., pt. ii, pp. 297, 303, 307, 311.

то время, пока готовили изваяние»¹. В Новой Англии в 1692 году в составе дела преподобного Джорджа Борроу имелось и обвинение в том, «что он принес кукол им и шипы в те куклы втыкать»². В Средние века хронисты были твердо уверены в том, что изготавливать восковые фигурки можно только для злых дел, в то время как их, весьма возможно, использовали и для исцеления недужных. Ведьм часто обвиняли в том, что они переводят боль или болезнь с пациента на другого человека или животное. Когда, как это нередко случалось, муки были родовыми и переводились на мужа роженицы, его это страшно возмущало, и возмущение вполне разделяли мужчины-судьи, к которым он бежал жаловаться. Тот факт, что мужчину пытались заставить терпеть «муки добрые и естественные», уготованные исключительно женщинам, был совершенно ужасен и недопустим; ведьму, осмелившуюся на такое, ждала неминуемая смерть. Случай перевода рака с одного пациента на другого я уже упоминала. К сожалению, хотя случаи перевода болезни встречаются довольно часто, сам метод нигде не описывается подробно. Возможно, тут тоже определенную роль играли восковые фигурки, как в современном нам Египте, где целители делают восковое изображение пациента, втыкают ему булавки в те места, где боль особенно остра, а затем бросают изображение в огонь, свято веря, что боль и болезнь перешли на фигурку и будут уничтожены огнем вместе с нею. Иными словами, вполне возможно, что восковые фигурки, и с ними прочие инструменты и ритуалы ведьм, могли иметь как зловещее, так и благотворное применение.

Нередко обряд, совершенно очевидно проведенный ради плодородия поля — как, например, в Олдиарне — в материалах дела вдруг превращался в ритуал разрушительной магии. «Прежде Кэндлмаса пошли мы близ Кинлосса и запрягли в плуг жаб. Дьявол держал плуг, а Джон Янг, наш служитель, пахал на нем. Жабы же тащили плуг, подобно быкам, упряжь была из сорняков, ножом же плуга был холощеного животного рог и еще кусок рога был сошник»³. Здесь вся атрибутика

1 Ibid., pt. ii, p. 393.

2 Mather, C., *Wonders of the Invisible World*, p. 120, ed. 1862.

3 Pitcairn, op. cit., III, p. 603.

говорит о бесплодии и стерильности, но сам метод явным образом взят из ритуала плодородия.

Многие чары и заклинания на самом деле предназначались для исцеления недужных и предотвращения болезней. В 1607 году Барбару Патерсон обвинили в том, что она взяла воду из Доу-лох и «налила эту воду из озера в ведро и заставляла пациентов поднимать его, говоря: Поднимаю я это ведро во имя Отца, Сына и Святого Духа во здравие тем, для кого было оно поднято, повторить же эти слова надобно было трижды девять раз. Это же заклинание она применяла и для исцеления скотины: Заговариваю тебя от стрелы, от глазной болезни и от языка, от печени и от легких, и от срамной, и от всего прочего во имя Отца и Сына и Святого Духа»¹. Хотя слова эти с полным основанием можно было бы назвать христианской молитвой, в устах ведьмы они были сочтены дьявольскими заклинаниями. Другое заклинание, для защиты читающего, использовала известная ведьма Агнес Сэмпсон. Известно оно как Белый Патерностер (Белый Отченаш) и представляет собой очевидно искажение христианской молитвы или гимна.

Белый Отченаш,
Господь — Восприемник мой.
Он Крестным Отцом мне стал под Книгою Пальмы.
Матерью Крестной мне стал святой Михаил,
Он родился в Вифлееме,
Он был сотворен из плоти и крови.
Добрую пищу послал мне Господь,
Добрый хлеб и обед,
Чтобы пошла я в Церковь
И там прочитала из Книги благой,
Которой могучий Господь сотворил Небеса.
Откройте, откройтесь Врата Небес,
Закройтесь, закройте, Врата Преисподней.
Всем Святым хорошо,
Когда слышат они эту Белую Молитву, Отче наш².

1 Sharpe, C.K., *Historical Account of Witchcraft in Scotland*, p. 96, ed. 1884.

2 Sinclair, G., *Satan's Invisible World Discovered*, p. 23, ed. 1871.

Другое заклинание, Черный Патерностер, в разных формах дожило до наших дней как заговор, читаемый перед отходом ко сну. Смысл цветовых определений, судя по всему, заключался в том, что Белый Патерностер читался поутру, при свете дня, а Черный — к ночи. Черный Патерностер выглядит так:

Четыре угла в доме сем для святых ангелов,
Столп посредине — Иисус Христос,
Лука, Марк, Матфей, Иоанн,
Бог да пребудет в доме сем и со всем имуществом
нашим¹.

Сохранилось множество заклинаний и заговоров, содержащих имена дохристианских богов. Часто они предназначены для исцеления различных болезней человека и скота и обычно сопровождаются определенными жестами, без которых чары не работают. В одном из самых интересных упоминаются Водан и Локи, а также молот, что, возможно, намекает на Тора. Оно представляет собой средство от лихорадки: «Нужно прибить три старых подковы к изножью кровати пациента, молот прикладывая к ним накрест. Молот взять в левую руку и прибивать подковы, говоря так:

Отец, Сын и Святой Дух,
Прибейте дьявола к столбу;
Трижды бью святым крюком,
Раз за Бога, раз за Вода и раз за Лока².

Разрушительные действия ведьм были чаще всего совершенно обыденны, но при этом считались магией. Средства и методы были очень просты, как доказывают следующие примеры. В Крук-ов-Девон, что в Кинроссшире, в 1661 году Бесси Хендерсон «призналась и заявила, что Джанет Патон была с тобой на сборище, где они положили рожь Уайта в самом начале урожая в 1661 году, и были у нее широкие ступни, и потоптала

1 Glanvil, J., op. cit.

2 Hull, Eleanor, *Folklore of the British Isles*, p. 41, ed. 1928.

она больше всех»¹. В том же году в Форфаре ковен помог дьяволу разрушить деревянный мост во время бури; судя по всему, делалось это, чтобы вселить ужас в местное население. Метод разрушения моста был чрезвычайно прост: Хелен Гатри показала, что «они пошли к мосту в Кортакхи с намерением его разрушить и ради этой цели она сама, Джонет Стаут и другие с ними уперлись плечами в мост, и дьявол меж ними тоже руку приложил». Изабель Смит подтвердила рассказ Хелен Гатри и добавила, что «нас всех то собрание огорчило, так как мы пострадали от поднятия тяжестей». Хелен Гатри также показала, что «прошлым летом видала Джона Тайлиауэра иногда в облике лисицы, а иногда свиньи, и указанный Джон Тайлиауэр в этих обличьях носился по полям Уильяма Милна, мельника из Хизерстейкса, чтобы извести посевы; и пришел к ней дьявол и показал Джона Тайлиауэра в указанных обличьях, и сказал, что это был Джон Тайлиауэр»². В 1692 году в Хартфорде (штат Коннектикут) Хью Крозиа (Кроушей) был обвинен в общении с дьяволом. «Он сказал, что дьявол открыл ему двери дома Эбена Бута, распахнул их настезь, и ворота распахнулись настезь; когда его спросили, как узнал он, сказал, что дьявол явился ему в облике мальчика и сказал, что это он распахнул их, а потом мальчик пропал»³. Существовали также заклинания и заговоры для обретения всяческих благ за счет соседей, в чем, собственно, и обвинили Джеймса Ога из Абердина в 1597 году: «В Крестов день прошел он через поле Александра Кобейна и со своего собственного поля взял девять камней и бросил на поле указанного Александра, и девять пригоршней земли взял с его поля и бросил на свое. И на Ламмас прошел через поле указанного Александра и прошел девять мест (шагов?), отмеряя белой палочкой, и ударил те же девять раз, чтобы ничего в тот год не росло, кроме сорняков»⁴.

То, что ведьмы претендовали на роль заклинательниц дождя и за таковых повсеместно почитались, в изобилии подтверждается показаниями, полученными на процессах. Методы,

1 Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland, New Series, X (1888), p. 224.

2 Kinloch, G.R., *Reliquiae Antiquae Scoticae*, pp. 122, 133, 123, ed. 1848.

3 Taylor, J. M., *The Witchcraft Delusion in Colonial Connecticut*, pp. 118—119, n.d.

4 *Spalding Club Miscellany*, I (1841), p. 192.

впрочем, значительно разнились. Вир утверждает, что ведьмы вызывали дождь, «бросая мелкий кремь себе за спину в западном направлении или же швыряя в воздух пригоршню пещу, или же колотя метлой реку и потом кропя водой с нее небо, или мешая пальцем воду в ямке в земле, или же кипятя в горшке свиную щетину»¹. Вир был великим защитником ведьм, чьи взгляды значительно опережали его время. Реджинальд Скот много цитирует его работы, а собственную его книгу постигла честь быть публично сожженной за проповедуемые им еретические воззрения на колдовство, в которое он упорно отказывался верить.

Заклинательницы дождя могут вызывать бури, а ведьм всегда подозревали в этом умении. Нужный эффект достигался при помощи жертвоприношения и молитвы божеству — именно так пророк Самуил вызвал яростную бурю и сокрушил филистимлян. Когда подобное сотворил Самуил, это признали божественным чудом, но когда этим занялись ведьмы, все оказалось не чем иным как дьявольским преступлением. Если бы хронике вели филистимляне, они бы точно объявили Самуила колдуном.

Норд-бервикский ковен, как известно, поднял страшную бурю, чтобы потопить короля Иакова IV с королевой по дороге из Дании в Шотландию. Агнес Сэмпсон призналась, что «в то время, как Его Величество был еще в Дании, они вместе с вышепоименованными лицами взяли кошку, окрестили ее и к каждой ее части привязали главные части мертвеца и кое-какие из суставов его тела; и на следующую ночь указанная кошка была вывезена в море всеми ведьмами и там оставлена прямо напротив города Лита, что в Шотландии. И из-за этого поднялась в море такая буря, что сильнее никто и не видывал»². Имеются также юридические свидетельства о подобного рода событиях, и они более подробны. Ковен из Престонпанса послал письмо в ковен Лита, где говорилось, что «следует устроить огромную бурю на море. И через восемь дней после того, как указанный билль (то есть, письмо) был доставлен, указанная Агнесс Сэмпсон (и с нею несколько других) окрестили кошку в доме ткача и сделали это следующим

1 Scot, Reginald, *Discoverie of Witchcraft*, Bk. III, Ch. 13, ed. 1584.

2 Pitcairn, op. cit., I, pt. ii, p. 218.

образом: во-первых, одна из них приложила палец к очажному крюку с одной стороны, а другая — с другой, так чтобы кончики пальцев соприкоснулись; затем они трижды протащили кошку между подвесками крюка и еще трижды — под дымоходом. После этого уже в доме у Бейгиса Тодда они привязали к четырем лапам кошки четыре человеческих сустава; когда это сделали, Джонет Кэмпбелл отнесла ее в Лит; и около полуночи она и двое Линкопов, и две женщины по прозвищу Стоббис вышли на конец дамбы и сказали такие слова: Смотри, чтоб не было промеж нас обмана, — и бросили кошку в море как можно дальше, и она выплыла и вернулась; и те, кто были в Пэнсе, кинули в море другую кошку в одиннадцать часов. После чего из-за колдовства их и чар лодка потонула между Литом и Кингхорном; и это сделал дьявол и шел впереди с посохом в руке»¹.

Эта строго локальная разновидность магии, известная только в Англии, работала при помощи небольшого животного. Именно к зверям такого типа и относится наименование домашних фамильяров в отличие от фамильяров гадательных, которые встречались по всей Европе.

Волшебные слова у ведьм играли не настолько важную роль, как могло бы показаться. Возможно, это объясняется страхом хронистов, которые просто не дерзали повторять формулы, способные произвести какой-то нежелательный эффект. Никто не сомневался, что само имя бога служило верным средством призвать его к произносящему, как в случае Элизабет Сойер, о котором уже шла речь ранее. Для вызывания бога существовали, однако, и другие слова. Агнесс Сэмпсон кричала: «Элва, приди и говори со мной!», или «Привет тебе, повелитель!» — когда желала, чтобы он явился ей лично или в образе гадательного фамильяра. Отпускала она его, говоря «удалиться во имя закона, по которому живет он»². У Андро Мэна из Абердина слов было два: одно чтобы призвать дьявола, второе чтоб изгнать его. Первое было латинское «*Benedicite*», а второе, «*Maikpeblis*», представляло собой, по всей вероятности, искажение какой-то неправильно понятой формулы, возможно,

¹ Ibid., I, pt. ii, p. 237.

² Ibid., I, pt. ii, pp. 211, 235.

христианской¹. Александр Гамильтон из Лотиана должен был трижды ударить в землю еловой палкой и сказать: «Встань, скверный вор», — если он желал призвать господина; чтобы отпустить его, нужно было бросить в гадательного фамильяра или воплощенного бога живой кошкой². Сомерсетские ведьмы призывали своих гадательных фамильяров или даже самого Великого Магистра просто по имени «Робин», когда же он появлялся, добавляли: «О, Сатана, дай мне, что прошу»³.

Мэри Ламонт звала Змея, когда ей нужно было повидаться с дьяволом⁴, а шведские ведьмы кричали: «Предтеча, явись и отнеси нас на Блокулу»⁵. Джин Вейр присоединилась к братству, наступив ногой на кусок ткани в присутствии свидетелей и сказав: «Все мои беды и муки идут своей дорогой за дверь»⁶. Современный метод состоит в том, чтобы обойти три раза вокруг церкви, на третий остановиться перед церковными дверями и крикнуть: «Выходи!», — или свистнуть через замочную скважину⁷.

Волшебные слова, используемые для полета, различались по частям страны, хотя во многих случаях призывалось имя Бога. Самый ранний пример заклинания полета происходит в Гернси и датируется 1563 годом⁸, когда Мартин Тулуфф слышал, как его мать сказала, садясь на метлу: «*Va au nom du Diable et Lucifer pardessus roches et Espynes*»⁹. В 1586 году эльзасская ведьма Анна Викенципфель полетела на белой палке в компании двух других дам, сказав при отбытии: «Вперед, во имя тысячи дьяволов»¹⁰. У баскских ведьм¹¹ было несколько формул для этого случая. Обычно они говорили: «*Enten hetan,*

1 *Spalding Club Miscellany*, I, pp. 120, 124.

2 *Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland*, LVI (1922), p. 50.

3 Glanvil, *op. cit.*, pt. ii, pp. 296, 304.

4 Sharpe, *op. cit.*, p. 132.

5 Horneck, A., // Glanvil, *Sadducismus Triumphatus*, pt. ii, p. 487.

6 *Records of the Justiciary Court of Edinburgh*, II, p. 12, ed. 1905.

7 Grimm, *op. cit.*, p. 1019.

8 Неопубликованные материалы судебного процесса из архивов канцелярии Гернси.

9 Во имя дьявола и Люцифера лети над горами и скалами (стар. фр.). — *Примеч. перев.*

10 Vapst, E., *op. cit.*

11 De Lancre, *Tableau*, pp. 123, 400.

Emen hetan», — что де Ланкр переводит как «Тут и там, тут и там». Более глубоко верующие призывали своего бога, которому уподоблялись сами: «Я есмь бог (то есть, дьявол), и нет у меня ничего, что не было бы твоим. Во имя твое, Господь, эта слуга твоя умащает себя и будет однажды дьяволом и злым духом, как ты». Пересекая реку, они говорили: «Haute la coude, Quillet!»¹; — что не давало им намокнуть. Другая специальная магическая фраза была у тех, кому предстояло покрыть большие расстояния: «Pis suber hoeilhe, en ta lalane de bouc bien m'arrecoueilhe», — но де Ланкр ее, к сожалению, не переводит. Изабель Гоуди из Олдиарна в 1162 году сообщила, что у нее есть две магические формулы; одна «Конь и шапка во имя дьявола!» и другая «Конь и шапка, конь пошел, конь и Pellatis, но, но, но!»². Сомерсетские ведьмы в 1664 году имели «длинное словосочетание» для полета, но в источниках зафиксирован полный бред, свидетельствующий о неправильно понятой и произносимой формуле: «Thout, tout a tout, tout, throughout and about». Покидая собрание, они говорили: «Весело встречаемся, весело расстаемся, мальчик», — а, беря курс на дом, кричали: «Rentum tormentum», — и еще одно слово, которое допрашиваемая позабыла³.

Были и другие формулы, их использовали для исцеления или в качестве молитвы. Слова эти обычно давал сам дьявол своим ученикам, как это было с Элизабет Сойер, ведьмой из Эдмонта в 1621 году: «Он, дьявол, научил меня такой молитве: Santibicetur nomen tuum»⁴. «Отче наш» на латыни считался очень сильным заклинанием, так как Матушка Уотерхауз, скажем, читала его над своим фамильяром: «Она сказала, что когда хотела, чтобы он что-нибудь для нее сделал, то читала “Пагер Ностер” на латыни»⁵. В 1597 году имя божье иногда заменяли призыванием Святой Троицы: Марион Грант, сожженная впоследствии за колдовство, исцеляла больную скотину во имя Отца и Сына и Святого Духа, и таким

1 «Выше излучины, ивушка!» Или «Выше локоток, Ивушка» (стар. фр.).

2 Pitcairn, op. cit., III, pp. 604, 608.

3 Glanvil, op. cit., pt. ii, pp. 298, 303—304.

4 *Wonderfull Discoverie of Elizabeth Sawyer*, ed. 1621.

5 Philobiblon Society, VIII (1863—1864), p. 32.

же образом заговорила однажды меч¹. Осеня себя крестом, баскские ведьмы в 1609 году² говорили молитву, которая чрезвычайно потрясла инквизитора, который перевел ее слова на французский так: «*Au nom de Patrique Petrique d'Arragon, a cette heure, a cette heure, Valence, tout notre mal est passe*», и «*Au nom de Patrique Petrique d'Arragon, Janicot de Castille faites moi un baiser au derriere*»³. Де Ланкр сообщает, что некий колдун из Риона⁴ «признался, что исцелил много народу от лихорадки, просто сказав: “*Consummatum est*”, — и совершив знамение креста, и велел пациенту три раза произнести “*Pater Noster*” и “*Ave Maria*”». Другой колдун, отправленный пожизненно на галеры, сказал, что ему так жалко было лошадей, которых фореиторы гоняли галопом по дороге, что он решил положить этому конец, и для того взял вербену и произнес над нею пять раз «*Pater Noster*» и пять раз «*Ave Maria*» и положил ее на дороге, и лошади бегать перестали⁵. Изабель Гоуди из Олдиарна в 1662 году привела формулу, используемую для того, чтобы превращаться в животное. Чтобы стать зайцем, ведьма должна была сказать:

Стану я зайцем,
Со скорбью и вздохом, и большою заботой,
И стану скакать во имя дьявола,
Да, пока не прибегу снова домой.

Чтобы вернуть себе человеческий облик, ведьма должна была сказать:

Зайчик, зайчик, Господь тебе попечение посылает,
Я в обличье заячьем теперь,
Но женщиной немедленно стану⁶.

1 *Spalding Club Miscellany*, I, p. 171.

2 De Lancre, *Tableau*, pp. 462, 464.

3 «Во имя Патрика Петрика Арагонского сей же час, сей же час, Валанс (или Валенсия), все наше зло ушло» и «Во имя Патрика Петрика Арагонского Жанико Кастильский целует меня сзади» (стар. фр.).

4 De Lancre, *L'Incredulité*, p. 773.

5 *Ibid.*, p. 796.

6 Pitcairn, *op. cit.*, III, p. 604, 611.

Если ведьма желала превратиться в кошку или ворону, слова говорились немножко другие. Метод был сама простота: после произнесения заклинания ведьма считала себя животным, которое упоминалось в формуле. То, что во внешнем ее облике никаких перемен при этом не происходило, явствует из следующего факта — встретив по дороге другую ведьму, она должна была ей сказать: «Заклинаю тебя, иди со мной», — иначе у встреченной не было шанса понять, что перед нею животное.

Сомерсетские ведьмы в 1664 году хранили древнюю традицию изготовления фигурок из воска. Формула для наречения фигурки известна достаточно подробно. Прежде всего, изображение приносили на шабаш, далее «Человек в Черном брал его в руки, помазывал лоб и говорил: Этим маслом крещаю тебя, и еще всякие другие слова. Он сам был крестный отец, а эта допрашиваемая и Энн Бишоп — крестные матери». Затем ведьмы принялись втыкать в фигурку колючки, говоря: «Оспа на тебя, сделаю тебе зло». Фигурку, над которой предполагалось производить такие действия, необходимо прежде было окрестить именем жертвы¹.

Следует, впрочем, отметить, что отнюдь не только ведьмы верили в возможность воздействовать словами на силы природы. Беда Достопочтенный пишет, что по случаю разыгравшегося на море шторма некий христианский епископ «выказал тем больше решимости, чем значительнее была опасность, и, воззвав к Христу, окропил море слегка водой во имя Святой Троицы и тем усмирил ярящиеся волны»².

Современную ирландскую версию магического проклятия врагу можно найти у леди Уайльд: «Одна женщина отправилась к источнику Всех Святых (что в Иннис-Сарк) и, встав на колени, зачерпнула воды и вылила ее на землю во имя дьявола, сказав при этом: “Так и враг мой будет вылит, как вода, и ляжет беспомощный на земле”. Затем она обошла кругом колодца на коленях задом наперед и каждый раз, останавливаясь, кидала камень во имя дьявола и говорила: “Так пусть проклятие на него падет, и сила дьявола сокрушит его”»³. Еще более современен метод наведения проклятия при помощи зажигания

1 Glanvil, op. cit., pt. ii, p. 302.

2 Bede, *Ecclesiastical History*, Bk. I, ch. 17, ed. Bohn, 1847.

3 Wilde, *Lady, Ancient Legends of Ireland*, I, p. 133, ed. 1887.

свечи перед образом святого в церкви. В свечу нужно воткнуть булавки; враг будет таять по мере того, как сгорает свеча, в точности как происходило при расплавлении восковой фигурки с булавками в ней.

И по сей день в моде довольно много формул и заклинаний, в которых поминают христианского бога, чаще всего Святую Троицу, но по происхождению они все восходят к дохристианской религии. Значительный ее пласт до сих пор жив в Западной Европе, пусть и под слегка изменившимся именем, и всякий, кто искренне заинтересован отыскать его, без сомнения, сумеет это сделать. Как поле антропологических исследований Европа осталась, практически, непаханой; первобытные культы до сих пор процветают у нас под боком, деликатно прикрытые тем, что мы надменно именуем цивилизацией. Африка, возможно, и хороша для начинающих, но так называемые «развитые страны» — вот кто готовит дотошному антропологу богатейший из всех возможных урожай!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

БОЖЕСТВЕННАЯ ЖЕРТВА¹

*«...лучше нам, чтобы один человек умер
за людей»*

— *Ин., 11:50.*

Существуют весьма надежные свидетельства в пользу того, что в первобытной религии Западной Европы бога действительно приносили в жертву. Христианские инквизиторы совершенно единодушны на этот счет; показания, полученные ими на процессах над ведьмами, подтверждают эту точку зрения.

Там, где такие жертвоприношения действительно проводились, было три основных способа умерщвления жертвы: 1) огнем; пепел затем рассеивали по полям или бросали в текущую воду; 2) отворением крови, так чтобы она лилась на землю; 3) некоей разновидностью удушения; в этом случае тело расчленили и части хоронили по полям, либо сжигали, а пепел рассеивали. Воплощенный бог был первоначально королем или вождем племени; впоследствии его заменяли заместителями, которых на какое-то время наделяли статусом и атрибутами власти. Потешные короли, которых предавали смерти в конце установленного срока, представляют собой весьма характерную черту ранних религий.

Сокровенный смысл умерщвления божественной жертвы состоит в том, что божий дух воплощается в смертном теле, обычно в короле, который через это становился подателем и зиждителем плодородия всей страны. Когда божественный человек начинает показывать признаки возраста, его предают смерти, чтобы дух божий в нем не состарился и не ослаб вместе с человеческим вместилищем. Но пока не придет время жертвы, ни одна святотатственная рука не поднимется против

¹ Общие сведения и конкретные примеры по теме божественных жертв и богов-царей читатель найдет в работе Дж.Дж. Фрэзера «Золотая ветвь» (в особенности см. том «Умирающий бог»).

воплощенного бога, ибо гибель его по несчастному случаю или злему умыслу означает ужасную катастрофу и бедствия для всего народа. Когда же наступит час смерти, никто не дерзнет спасти его. Где-то о грядущей гибели короля возвещали неизбежные приметы старости; в других местах срок его правления был заранее определен — обычно это было семь или девять лет. Когда обычай изменился, как меняются все человеческие традиции, вместо короля на заклание стали отправлять заместителя: он умирал, когда умереть должен был король, и тем самым продлевал последнему жизнь.

Такова, вкратце, теория, стоящая за культом Умирающего Бога. Вера эта встречается во всех частях Старого Света, а в Африке дожила и до нынешнего века. Это была фундаментальная догма дохристианской религии Европы, столь же ревностно поддерживаемая и практикуемая, как сегодня в Африке.

Дабы должным образом исследовать тему Божественной Жертвы в ведовском культе, необходимо отказаться от всех предрассудков и твердо помнить о том, что писавшие имеющиеся в нашем распоряжении источники монахи-хронисты отличались крайней предубежденностью. Подходить к данной теме нужно так же беспристрастно, как если бы речь шла о религии Древнего Египта или современных дикарей. Тот факт, что жертвоприношение неоднократно совершалось уже в историческое время и в нашей стране, и во Франции, подкрепляется корпусом свидетельств, которые не вызвали бы ни малейших вопросов, если бы относились к религии восточной или африканской.

Есть данные о том, что в Англии жертву принесли каждые семь лет, а в Нормандии, Скандинавии и Франции — каждые девять лет. В рамках семилетнего цикла король Эдмунд был заколот в Паклчерче в мае 946 года; Эдмунд Железный Бок был предан смерти в ноябре 1016 года, по мнению некоторых источников, благодаря голосу Витана, а сама смерть, как и у Руфуса, наступила от стрелы; в августе 1100 года сам Руфус пал в Нью-Форесте. Во всех этих случаях бросается в глаза то, что смерть наступала в один из месяцев четырех великих сезонных шабашей.

В девятилетнем цикле месяц, кажется, особого значения не имеет. Эти данные родом в основном из Франции и Скандинавии. Один традиционный скандинавский король,

говорят, приносил в жертву заместителя каждые девять лет и успел сделать это девять раз. Умер он в весьма преклонном возрасте, прежде чем настал срок десятой жертвы. В 792 году Осред, король Нортумбрии, был убит. В 1035-м, умер или был убит Кнут. В 1080 году Уолчер, епископ Дарема, был убит народом в дверях собственной церкви. Стоит отметить, что родом он был из Лотарингии, страны Жанны д'Арк, и когда его прислали в Винчестер посвящаться в сан, королева Эджгита заметила: «Теперь у нас есть благородный мученик». В 1431 году Жанна д'Арк умерла на костре; в 1440-м Жиль де Ре был повешен. На пересечении двух циклов, в 1170 году в Кентерберии убили Томаса Бекета.

Далее я намерена представить доказательства тому, что четырех известных исторических персонажей следует рассматривать именно как Божественных Жертв. Это король Вильгельм Руфус, архиепископ Томас Бекет, Жанна д'Арк и Жиль де Ре. Двоих из них Церковь канонизировала, а двоих прокляла, но источники показывают, что во всех четырех случаях присутствовали скрытые факторы, опущенные христианскими хронистами, которые необходимо поднять и рассмотреть, дабы дать должное объяснение иначе необъяснимым событиям.

ВИЛЬГЕЛЬМ РУФУС¹

В случае с Вильгельмом Руфусом получить нормальное объяснение его характеру, а также событиям его жизни и смерти можно только учитывая все те факторы, которые в церковных источниках не нашли никакого отражения. Фримен, не обладая никакими антропологическими данными, был уведен далеко в сторону церковными источниками и потому признает, что совершенно не в состоянии понять характер Руфуса или объяснить ряд фактов его правления. Если, однако, предположить, что Руфус был не христианином, а принципиальным язычником, его натура становится вполне последовательной, а жизнь и смерть приходят в соответствие с вероисповеданием.

Происхождение Руфус имел действительно языческое, а для этой веры было нормально считать короля богом (или дьяволом,

¹ Основные источники — Ордрик Виталий и Уильям Мальмсберийский. Подробные сведения см.: Е.А. Freeman, *William Rufus*.

если использовать христианские обороты). Источники говорят, что в конце X или начале XI века дьявол в облики герцога Нормандского явился жене указанного герцога в лесу, после чего она понесла дитя, известное в истории как Роберт Дьявол. Ничто в характере Роберта не оправдывало такого эпитета, если, конечно, считать дьявола врагом рода человеческого; но если, как я полагаю, у норманнов король или вождь обладали статусом воплощенного божества, сын короля по праву наследования становился и королем, и богом. Это вполне согласуется с обычной христианской практикой клеймить языческого бога дьяволом, даже когда он пребывает в человеческой форме. Ответственность за эпитет, таким образом, следует возложить на веру в то, что старый бог становится врагом нового. Сыном Роберта Дьявола был небезызвестный Вильгельм Завоеватель, женившийся на своей двоюродной сестре Матильде. Иначе говоря, Вильгельм Руфус по обеим линиям, отца и матери, происходил от языческого вождя, или дьявола.

Многие из друзей и приближенных Рыжего Короля открыто исповедовали язычество, лишь слегка припудренное христианством. Главным его советником был Рандольф Фламбард, сын язычницы, или «ведьмы», как с готовностью именовали ее церковные хронисты.

Что касается характера Руфуса, которого Фримен, по собственному его признанию, оценить не в состоянии, то он демонстрировал все типичные языческие добродетели. Руфус был послушным сыном, способным и компетентным правителем, верным другом, великодушным врагом, безоглядно храбрым, чрезвычайно щедрым и к тому же умел твердо держать слово. Церковь обвиняла его в аморальности, но в отличие от своего христианского отца и не менее христианских братьев, незаконных детей он не оставил. Ему было свойственно нормальное для того периода варварство, но он никогда не убивал с той утонченной жестокостью, которой отличалось, скажем, отношение Генриха I к Конану. Однако так как Генрих верил в Христа и всегда был щедр с Церковью, монахи-историки простили и залакировали все его грехи и ошибки. И все же Ордерик Виталий, несмотря на свое монашество и все христианские предрассудки, дает Вильгельму II характеристику, достойную великого человека и превосходного

правителя: «Руфус был властным, дерзновенным и воинственным; его прославили многочисленные военные кампании. Память у него была крепкая, а рвение к добру или злу самое пламенное. Воры и грабители ощущали тяжкое бремя его власти, а усилия короля по поддержанию мира в своем домене отличались подлинной неустанностью. Он так правил своими вассалами, одних причащая своему богатству, а других устрашая оружием, что никто не дерзал шепнуть и словечка супротив его воле». Сравнение Руфуса с современниками, а в особенности с отцом и братьями, всегда оказывается в его пользу. Отсюда явствует, что неприятие, которое он возбуждал у церковных хронистов, объяснялось отнюдь не его личными качествами.

Уже вошло в обыкновение говорить с придыханием о «страшной» смерти Руфуса, но если сравнить рассказ о смерти и погребении Руфуса и его отца, страх и ужас вызовет кончина уж скорее христианского, чем языческого короля. Монахи сильно раздули тот факт, что Руфус встретил смерть в Нью-Форесте и предпочли рассматривать его как кару за разрушение его собственных деревень и церквей (и в особенности, конечно, церквей). При этом хронисты последовательно оставляют без внимания тот факт, что именно Вильгельм Завоеватель устроил этот лес, а его не менее христианский сын, Генрих I упрочил законодательство об охране дичи и правилах охоты. Если смерть в Нью-Форесте действительно была карой божьей за разрушение церквей, постичь она должна была Завоевателя, а не Руфуса.

Первым большим сюрпризом в карьере Руфуса было принятие его англами в качестве короля. То, что сын варвара-Завоевателя, только что опустошившего всю страну, был сердечно и от всей души принят народом, нуждается в некоторых объяснениях. Завещание Завоевателя не имело бы никакой силы, тем более, что Ланфранк пользовался влиянием лишь в очень узких кругах. Но если предположить, что Руфус принадлежал к Старой Религии, положение его становится вполне ясным. Ланфранк получил от него обещание уважать церковь, пока он, Ланфранк, жив. Хорошо известно, что Руфус не только крепко держал данное слово, но и в течение всей своей жизни не отозвал ни единого пожертвования из тех, которые отец его делал церковным институтам. После смерти Ланфранка Руфус

освободился от обещания и, по словам Фримена, «есть один аспект правления Руфуса, позволяющий нам назвать его врагом и даже почти преследователем Церкви на своих землях».

Истории о Руфусе во всем похожи на правду и показывают его определенно язычником. Он откровенно насмехался над христианством и забавлялся, стравливая иудеев и христиан и заставляя их обсуждать сравнительные достоинства своих религий; он грабил церкви и религиозные учреждения: «Разве нет у вас сундуков, внутри полных костей мертвецов, зато снаружи окованных золотом и серебром?» — сказал один из его прислужников монахам, заявлявшим, что у них нет денег для короля. Руфус открыто заявлял, что ни Петр, ни какой другой из святых не может иметь никакого влияния на Бога, так что он не стал бы никого из них просить о заступничестве. Одно из обвинений против него состояло в том, что он имел дерзость не верить в божий суд. Когда из-за этого пятьдесят браконьеров умудрились оправдаться, Руфус сказал, что Бог или не ведает дел человеческих, или взвешивает их на неточных весах. Он сильно гневался, если кто-нибудь пытался рассуждать о воле божьей относительно того, что сам он (Руфус) сделал или приказал сделать. Он так верил в себя, что все дела свои мерил исключительно собственной мудростью и силой. Но все это совершенно понятно, если он считал себя воплощением божества.

Почти все, что мы знаем о Руфусе, получено из рук христианских хронистов, от которых король-язычник вряд ли мог ждать беспристрастности. То, насколько можно верить подобного рода источникам, становится понятно, если сравнить, как описывали того же Рандольфа Фламбарда клирики южной Англии и монахи Дарема. У южан получилось чудовище зла и порока, без единой искупающей весь этот ужас черты, в то время как северяне рисуют настоящего святого, кроткого и праведного. В Англии о Руфусе писали исключительно те, кто демонизировал и Фламбарда, зато в Нормандии его деяния прославляли поэты, вполне возможно, не имевшие отношения не только к Церкви, но даже и к христианству. Короче говоря, вся история Руфуса дошла до современного читателя в изложении злейших врагов короля.

О смерти его рассказывают разные вещи, хотя все версии сходятся в том, что он был убит стрелой, выпущенной одним

из его людей на охоте в Нью-Форесте. По последним его часам совершенно ясно, что смерти король ждал и знал, что час его пробил. В предыдущую ночь он не мог уснуть, велел внести в опочивальню свет, а постельничим — войти и говорить с ним. Все утро рокового дня он занимался важными делами, и то, насколько хорошо он это делал, явствует из четкости и стремительности назначения и коронации королевского преемника. Покончив с делами, он отправился отобедать, и ел и пил больше обычного. После этого он начал готовиться к последнему своему выезду. Пока ему зашнуровывали обувь, пришел кузнец и принес шесть новых стрел для арбалета. Король с удовольствием их взял и дал две Уолтеру Тиррелу, сказав со значением: «Правильно давать самые острые стрелы тому, кто знает, как сделать смертельный выстрел». В этот момент принесли письмо от аббата Серло, увещевавшего короля не ездить на охоту, так как одному из монахов приснился тревожный сон, предупреждающий, что выезд принесет смерть. Руфус над этим посмеялся и отпустил саркастичное замечание о «монахах-храпунах», но с обычной своей беззаботной щедростью послал сновидцу недурной подарок деньгами. После этого он обратился с Тиррелу с еще одной примечательной ремаркой: «Соверши же справедливость, Уолтер, в соответствии с тем, что услышал». «Так я и поступлю, господин мой», — столь же значительно отвечал Тиррел.

В лесу король спешился и стоял вместе с Тиррелом, ожидая, когда появится олень. Обычно рассказывают, что король выстрелил и промахнулся, после чего Тиррел выпустил свою стрелу, которая отколошетила от рогов оленя или от ветви дерева и попала королю прямо в сердце. Самым живым описанием мы обязаны Вильгельму Малмсбери. Был ранний вечер, «солнце клонилось к закату, когда король, взяв арбалет и выпустив стрелу, слегка ранил оленя; не сводя с него взгляда и прикрывая глаза от солнца рукой, он бросился за ним». Уолтер выстрелил в другого оленя, и по несчастливой случайности стрела попала в короля. «Получив рану, король не сказал ни слова; но, сломав рукой древко стрелы там, где она вошла в тело, упал на рану, чем ускорил свою смерть». Версия Найтона также довольно драматична; и если приписываемые Руфусу слова верны, он знал, что убийство было обдуманное и намеренное,

и что ему пришел конец. Король стрелял в оленя, и у него повалась тетива; он велел стрелять Тиррелу, но тот колебался. Тогда Руфус взорвался: «Поднимай, поднимай лук, дьявола ради, и выпускай стрелу, или тебе же будет хуже» («*Trabe, trahearcum ex Parte diaboli, et extende sagittam, alias te poenitebit*»).

Тело, согласно церковным источникам, нашел углежог. Его положили на телегу, накрыли бедным истрепанным плащом и отвезли в Винчестер для погребения. Вильгельм Малмсберийский указывает, что кровь капала на землю всю дорогу до города; хотя физически это совершенно невозможно, источник вполне соответствует поверью, что кровь Божественной Жертвы должна непременно пасть на землю, чтобы подарить ей плодородие. Малмсбери отмечает, что Руфуса оплакали немногочисленные нобли и клирики, присутствовавшие на похоронах. Ордерик, однако, сообщает, что бедняки, вдовы и нищие вышли встречать похоронную процессию и провожали короля до самой могилы. Один этот факт уже доказывает, что для простого люда он был справедливым правителем, и они знали, что потеряли друга. Также он предполагает, что крестьянство все еще исповедовало язычество и пришло оплакать своего умершего бога.

Норманские источники об обнаружении и погребении тела короля писали поэты, а не священники. Сначала описывается плач ноблей, рыдавших и рвавших на себе волосы; затем следуют дроги, осыпанные цветами и подвешенные меж двух богато убранных лошадей. На дрогах разостлали баронский плащ, на него положили тело короля, а сверху накрыли еще одним пышным плащом. Горестная процессия отправилась в Винчестер, где ее встречали дворяне, духовенство, епископы и аббаты. На следующий день состоялись похороны, где монахи и аббаты «*bien ont lu et bien chanté*»¹. Никогда свет еще не видывал подобных похорон, никогда еще столько мессы не служили ни за одного другого короля.

Смерть Руфуса была ожидаема; о ней уже через несколько часов стало известно в Италии и во многих частях Англии. В Бельгии Уг, аббат Ключни, в предыдущую ночь получил предупреждение, что жизнь короля подошла к концу. В самый

1 Красиво читали ему и пели (фр.). — *Примеч. перев.*

день смерти Питер де Мелвис из Девоншира встретил простолюдина, несущего окровавленную стрелу. «Этой стрелой сегодня убили твоего короля», — сказал он ему. В тот же день граф Корнуольский на прогулке в лесу повстречал большого черного волосатого козла, несущего изображение короля. Будучи спрошен, козел сообщил, что он дьявол и тащит короля на суд. Ансельм получил новость в Италии, где пригожий молодой человек, который сказал писарю, сторожившему Ансельмову дверь, что все разногласия между королем и архиепископом ныне подошли к концу. Монаха ордена, к которому принадлежал Ордрик Виталий, рано утром после смерти короля посетило видение; он читал в церкви псалмы, когда вдруг узрел с закрытыми глазами человека, показывающего ему пергамент, на котором было написано: «Король Вильгельм умер». Когда он открыл глаза, человек, естественно, исчез.

Хотя эти истории слегка наивны, все они сходятся на том, что смерть короля не была неожиданной, и новости о ней, по всей вероятности, оперативно передавались по разным частям страны. Самая впечатляющая из них — та, где фигурирует черный козел, если помнить, что именно в этом обличе древний бог (или дьявол в христианском прочтении) имел обыкновение являться во Франции.

Во всей биографии Руфуса и особенно в историях о его гибели, вся правда не раскрывается нигде и никогда. Что-то все время остается за рамками. Если, впрочем, Руфус и вправду был в глазах своих подданных воплощенным богом, Божественным Человеком, отдавшим жизнь за свой народ, христианские хронисты, естественно, не стали бы фиксировать факты, явно отдающие для них богохульством. А язычники, будучи неграмотными, увы, записей не вели.

Дата смерти Руфуса, второе августа, тоже важна: ее все время со значением называют «назавтра после Ламмаса». Ламмас, праздновавшийся первого августа, был одним из четырех великих праздников Старой Религии, а известно, что человеческие жертвы приносились только на больших шабашах. Если, иными словами, моя теория верна, Руфус стал Божественной Жертвой семилетнего цикла.

ТОМАС БЕКЕТ¹

Смерть Томаса Бекета имеет ряд характерных черт, объяснимых только при том условии, что и он тоже послужил заместителем Божественного Короля. Если сравнить положение короля и архиепископа, начиная с саксонских времен, между этими рангами обнаружится куда более тесная связь, чем кажется на первый взгляд. Самые интересные примеры — Эдвин и Дунстан, Вильгельм Завоеватель и Ланфранк, Руфус и Ансельм, Генрих II и Бекет. Ссоры королей и архиепископов далеко не всегда носили политико-религиозный характер, в них часто присутствовал сильный личностный фактор. Любопытно, что такие жестокие битвы никогда не случались с епископами Йорка, имевшего на севере не меньшее значение, чем Кентербери на юге. В конфликтах Руфуса с Ансельмом, равно как и Генриха с Бекетом, большинство епископов принимали сторону короля. Весьма возможно, что там, где ранее были жреческие округа языческой религии, христиане основывали епископства, так что место архифламина занял архиепископ, и обязанности великого жреца Кентербери перешли к его христианскому преемнику. Если это действительно так, не стоит ли предположить, что долг архифламина состоял в том, чтобы послужить заместителем короля, если стране понадобится божественная жертва?

Хотя прямых доказательств этой теории нет, можно считать, что определенные факты ее до некоторой степени подтверждают. То, как вел себя Дунстан по отношению к Эдвину, слишком напоминает потешного короля по отношению к настоящему, судя по многочисленным историческим примерам, когда действия потешного короля получали какое-то освещение в источниках. Рассказы о магических способностях Дунстана предполагают, что люди видели в нем больше, чем просто смертного человека. Он погиб второго февраля, снова в один из четырех великих годовичных шабашей. Вильгельм I не предназначался на заклятие, вот и отношения его с Ланфранком были вполне дружелюбными. Следует, однако, заметить, что назначение епископов было целиком и полностью прерогативой суверена,

¹ См.: Robertson, J.C., *Materials for the Life of Thomas à Becket*, ed. 1858.

так что Ланфранк принял пост как человек короля. Жестокие ссоры Руфуса с Ансельмом, судя по всему, имеют в основе своей как раз личные отношения. Если язычника Руфуса готовили к тому, чтобы в один прекрасный день исполнить древний обычай и стать божественной жертвой, он, вполне возможно, хотел, чтобы ему дали заместителя. Упорные апелляции Ансельма к папе римскому — хотя поначалу он вроде бы был весьма доволен принять высокий сан от Руфуса — могут означать, что жертвой он становиться отказывался: возможно, от недостатка храбрости, а возможно, из неуважения к языческому обычаю, который, в конце концов, Руфусу пришлось исполнить самолично.

У Генриха II и Бекета был тот же самый конфликт. Как и Ансельм, Бекет не пользовался поддержкой большинства своих собратьев-епископов и, также как Ансельм, был изгнан королем из страны. Генрих, однако, был более жестким и безжалостным человеком, чем Руфус. Поскольку Бекет продолжал упорствовать, его родню лишили всех владений и отправили в изгнание. Генрих использовал все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы заставить Бекета сдаться и, в конце концов, преуспел. Последний раз эти двое встретились в Нормандии. Когда архиепископ садился на коня, чтобы уехать, король лично держал ему стремя. Подобное смирение было совсем не в характере Генриха, но если Бекет согласился стать божественной жертвой, настоящий король на срок полномочий заместителя становился его подданным.

Тот факт, что Бекет считался божественной жертвой, явствует из сравнения его кончины с кончиной Христа, которое можно найти в любой его биографии, написанной современником, — сравнение совершенно невозможное, если бы смерть архиепископа стала результатом простого убийства. Монах из Кентербери по имени Уильям, ставшей свидетелем сцены в Кентерберийском соборе, поднимает эту параллель на прямо-таки божественные высоты: «И подобно тому, как Господь в неотвратимости страстей своих шествовал к месту мук, так и Томас, предвидя грядущие события, шел туда, где предстояло ему страдать. Искали они поддержки — как Иисус, так и Томас — но никто не подал руки ему, ибо час его еще не пробил. Шествовал Господь в триумфальной

процессии до страстей своих, и так же Томас. Господь пострадал после вечери, и Томас так же. Господа стерегли три дня иудеи в Иерусалиме, и Томаса стерегли в уединении церкви его. Господь, выходя навстречу тем, кто желал напасть на него, сказал: «Я тот, кого ищете вы»; и Томас — тем, кто искал его: «Смотрите, вот я». Господь: «Если меня ищете, дайте этим уйти»; и Томас: «Вреда не причиняйте тем, кто рядом стоит». Тот там и этот здесь получили раны. Там четверо солдат и тут столько же их. Там одеяния раздавали, здесь — мулов. Там разгоняли учеников, здесь — мелких сошек. Там раздрали завесу, тут сломали меч. Господь отдал воду и кровь ради спасения; Томас — воду и кровь ради здравия. Господь исцелил заблудший мир; Томас призвал к жизни многие заблудшие души».

Подобно Руфусу, Бекет знал, что смерть его близка и будет она насильственной; и снова, как и в случае Руфуса, монахам снилась его гибель. Уильям Кентерберийский пишет в «Жизни»: «Он знал, что меч грозит главе его, и пробил час его жертвы». Это было двадцать девятого декабря, в самый день мученичества, когда Бекет в последний раз исповедался Уильяму из Мэйдстоуна. В вышеприведенной цитате обращает на себя внимание тот факт, что срок смерти был ему известен «ибо час его еще не пробил». Насмешливые слова рыцаря в конце, возможно, указывают, что у Бекета были какие-то претензии на королевские полномочия.

О гибели Бекета рассказал очевидец, Уильям Кентерберийский, который, видимо, в то время гостил в монастыре. События описаны очень живо: жестокость рыцарей, смятение перепуганных монахов, их неорганизованные и неэффективные попытки спасти своего начальника и твердая решимость Бекета умереть. После первого разговора с рыцарями монахи сгрудились вокруг Бекета и толкнули его в двери собора, хотя он пытался сопротивляться. «Мало-помалу он подчинился, словно бы намеренно искал смерти». Увидав, что люди собираются, словно на спектакль, он спросил, чего они боятся, и получил ответ: «В клуатре вооруженные люди». Тут же он попытался силой проложить себе путь наружу, но монахи не пустили его и убедили укрыться в алтаре собора. Когда они попытались забаррикадировать дверь, он совершенно вышел из себя. «Прочь, трусы! — вскричал он. — Пусть слепые

и отверженные ярятся. Приказываем вам во имя смирения вашего не запирайте дверей!» Рыцари ворвались внутрь, но медлили приступить к делу, и Бекет намеренно принялся насмехаться над ними, словно бы желая, чтобы они вышли из себя. Он даже нагнул голову и вытянул шею, чтобы им было удобнее бить его мечами. После первого удара он пал лицом вниз, словно бы простершись в молитве; в этой позе с ним и расправились. Монахи в ужасе укрылись в алтаре, страшась, что каждый миг может оказаться для них последним; однако, рыцарей они не интересовали. Они, конечно, сломали руку монаху-англу Эдварду Гриму, который до последнего защищал Бекета. Еще один священник, выскочивший наружу с явным намерением как-то помочь, получил удар по голове мечом плашмя и был наполовину оглушен. В остальном сбившаяся в алтаре толпа осталась совершенно невредимой. Убивая архиепископа, рыцари насмешливо кричали: «Он хотел быть королем; он хотел быть больше, чем королем; пускай же он им будет!»

Далее следует описание тела Бекета после смерти. «Он не казался мертвым, но по свежим краскам, по закрытым глазам и устам выглядел спящим. Ни единого шевеления членов, ни окоченения, никаких выделений изо рта или носа, ни чего еще подобного не видали на протяжении всей ночи те, кто смотрел за ним. Гибкость пальцев, покой конечностей, радость и милость, написанные на лице, сообщали о том, что епископ воистину прославлен в Боге, даже если жизнь его и причина смерти остались сокрыты покровом молчания». Эта картина совершенно не соответствует тому, как положено выглядеть телу человека, умершего от подобных ран. Однако чудесное состояние тела Божественной Жертвы отмечалось не только в случае с Бекетом, но и после гибели Вильгельма Руфуса и Жанны д'Арк. Тело Руфуса истекало кровью всю дорожку до Винчестера, хотя обычно кровотечение останавливается вскоре после наступления смерти. Когда собирали пепел Жанны, чтобы бросить его в реку, сердце ее было найдено на месте сожжения нетронутым и полным крови. Во всех трех случаях обращает на себя внимание тот факт, что с телом происходит какое-то чудо.

Ритуальное побивание короля после смерти его заместителя церковь превратила в покаяние за убийство. Ритуальное

бичевание на этот раз оказалось достаточно суровым, чтобы пустить кровь, так что хотя настоящий король и не был убит, кровь его все-таки пролилась.

Как и в случае с Вильгельмом Руфусом, о смерти Бекета узнали во многих местах в тот же самый день или даже через несколько часов после нее. В Аргентане слышали голос, вопивший ужасно: «Узрите же, кровь моя взывает к Богу громче крови праведного Авеля, убитого в начале мира!» В ту же ночь об убийстве стало известно в Иерусалиме. Самую интересную историю рассказывают о маленьком семилетнем мальчике из отдаленной части Девоншира, который объявил собравшимся за обедом родственникам: «Очень добрый священник мертв, потому что его только что убили». Компания немало над этим посмеялась, а через семь-восемь дней, узнав, что ужасная новость — чистая правда, восславила Господа, «который столь чудесным образом пробудил дух невинного юного дитяти и принес людям весть в тот самый час». Любопытно, что о кончинах Руфуса и Бекета стало волшебным образом известно в Девоншире в тот самый миг, как они произошли. Напрашивается мысль, что были какие-то способы передачи давно ожидаемых вестей.

Чудеса у тела Бекета начались сразу после его смерти и в дальнейшем стали источником больших прибылей для его усыпальницы в Кентербери. Чудеса эти интересны в плане понимания типа разума, который в них верил; типа, характерного даже для образованных людей, которые заносили их в хроники. Некоторые из чудес случались с животными. Один скворец вдруг научился говорить: когда его поймал ястреб, он возвал к святому Томасу Беккету и был тут же хищником отпущен. Внезапные чудесные способности Бекета Уильям Кентерберийский объясняет тем, что старые святые уже вкусили своей доли почета и славы и теперь не прочь и потесниться, давая дорогу новым мученикам. Однако самое интересное во всех этих историях — та идея, что традиции прошлого нельзя оценивать по стандартам нашего времени. Вера в силу мертвого, и в особенности мертвого бога, все еще представляла собой значительную силу.

Вокруг Бекета, как и вокруг Жанны д'Аркросло немало легенд и фольклора. Согласно популярной версии событий,

убийцы Бекета кончили плохо. Столь же недостоверные источники сообщали, что и у судей Жанны жизнь сложилась не лучше. В сказках правосудие всегда настигает злодеев, но, увы, доступные источники подтверждают, что убийц Бекета отнюдь не ждала ужасная смерть. Тот же Уг де Морвиль очень разбогател и скончался четырнадцать лет спустя, причем ни эффектной, ни драматичной смерть его не была.

ЖАННА Д'АРК

Историю Жанны д'Арк уже рассказывали и пересказывали множество раз, обычно с весьма церковным уклоном и часто — с поразительным недостатком критического отношения, а иногда даже и исторических фактов. Одним из основных источников для нас служат материалы процесса над нею, проведенного церковным судом под председательством епископа Бовэ и уполномоченного инквизитора Франции¹. Следующий по важности — документы о реабилитации². Кроме них существуют еще рассказы современников о ее подобной метеориту карьере — начиная с того времени, когда она отправилась к Роберу де Бодрикуру, чтобы известить его о возложенной на нее Господом миссии, и до того дня, когда ее в Компьене взяли в плен бургундцы.

Родом Жанна была из Лотарингии, то есть из того региона, где всего столетием раньше Тревский синод обрушивал громы на «всевозможную магию, колдовство, ведовство, авгурии, суеверные писания, наблюдение за днями и месяцами, предсказания по полету птиц и тому подобным вещам, созерцание звезд с целью определения по ним судьбы людей, рожденных под тем или иным созвездием, и иллюзии женщин, которые похваляются, что скачут по ночам с Дианою или с Иродиадой и толпами других женщин»³. Через сто лет после процесса над Жанной инквизитор Никола Реми гордился тем, что отправил на смерть сотни «ведьм» в этой самой Лотарингии⁴. Об от-

¹ Quicherat, J.E.J., *Procès de Condemnation et de Rehabilitation de Jeanne d'Arc*, ed. 1841.

² Bournon, J., *Chroniques de la Lorraine*, p. 19, ed. 1838.

³ Remigius, Nicholas, *Daemonolatria*, Hamburg, 1693.

⁴ *Sadducismus debellatus*, p. 59, London, 1698.

сталости этой страны во времена Жанны можно судить хотя бы по тому, что там сохранялся обычай давать детям фамилию матери, а не отца. Иными словами, в плане социальном и религиозном родина Жанны хранила множество самых первобытных традиций.

Одним из основных обвинений, выдвинутых против Жанны, — и которое она, кстати сказать, не опровергала — было общение с фейри. Даже ее крестная мать, в обязанности которой входило следить, чтобы дитя растили строго в христианской вере, была с ними хорошо знакома. А сьер де Бурлемон, один из крупнейших землевладельцев в окрестностях Домреми, был женат на даме из фейри. Именно на религиозных церемониях у Фейрийского Древа Бурлемона Жанна впервые увидела тех, кого потом назвала своими «голосами» и кому дала имена христианских святых. То, как она описывает эти «голоса», свидетельствует, что речь идет, несомненно, о людях; то же подтверждают и архивные документы. До сих пор исследователи не смогли идентифицировать двух женщин, однако личность святого Михаила установить удалось. На суде Жанна утверждала, что первые свои доспехи получила именно от него. Впоследствии на честь выступить дарителем претендовали Робер де Бодрикур и Жан де Мец, оба — уроженцы тех же мест.

Прежде чем принять ее, дофин настоял, чтобы Жанну освидетельствовала коллегия ученых докторов Церкви, дабы убедиться в том, что в миссии ее нет ничего «противного вере». Если бы вся страна была христианской, как нас все время убеждали, в таком дознании не было бы смысла, но если значительная часть сельского населения — особенно в столь отдаленных ее частях, как Лотарингия — все еще исповедовала язычество, такой экзамен был необходимой для христианского принца мерой предосторожности. Назначив Жанну на столь высокий пост в армии, Карл велел ей выбрать из его свиты того, кто станет ее личным защитником в битве. И из всех придворных и солдат она выбрала Жиля де Ре, человека, которого девять лет спустя, как и ее, будут судить и предадут смерти за веру. Именно тогда она и сказала дофину: «Возьмите с меня все, что сможете, ибо сроку мне — один год». Весьма значительная фраза, свидетельствующая, что, подобно Руфусу и Бекету,

и многим другим Божественным Жертвам, Жанна знала, что срок ее отмерен, и смерть придет в назначенное время.

Победоносный путь Жанны слишком хорошо известен, чтобы еще раз пересказывать его здесь. Стоит заметить только одно: если однополчане-язычники действительно считали ее воплощением божества, этим можно объяснить удивительную ее власть над ними. Они пошли бы за ней, куда бы она их ни повела, и почли бы за честь отдать жизнь в ее защиту. Именно явление воплощенного Бога вселило мужество во французские войска. Архивные материалы свидетельствуют, что в глазах народа Жанна обладала божественным статусом. Пункт третий обвинительного акта говорит об этом прямым текстом: «Также указанная Жанна измышлениями своими облазняла католический люд, многие в присутствии ее почитали ее как святую и почитали также и в ее отсутствие, заказывая в ее честь мессы и поминания в церквах; более того, они объявляли ее величайшей из всех святых после Пресвятой Девы; они ставили образы ее и изображения в часовнях святых, и также носили на себе образки ее из свинца или иного какого металла, как должно им поступать с мемориалами и образками святых, канонизированных Церковью; и повсеместно они говорят, что она есть посланница (*nuncia*) Господа нашего и более ангел, чем женщина». Согласно источникам, она воскрешала мертвых, и исцеляла недужных ото всех болезней одним лишь касанием своих одеяний. И раз уже верующие христиане считали ее почти равной Пресвятой Деве, более чем вероятно, что в глазах язычников она была самым богом. На популярное представление о ней проливает некоторый любопытный свет свидетельство дамы Маргариты ла Турульд, вдовы Рене де Булиньи, канцлера и главного судебного исполнителя короля, которая на процессе о реабилитации заявила, что Жанна останавливалась у нее в Бурже, и они часто разговаривали друг с другом. Однажды она сказала Жанне, что та не боится идти в атаку, так как совершенно уверена, что не будет убита. Хотя сама Жанна отрицала, что ей опасность грозила меньше, чем ее солдатам, данная ремарка хорошо иллюстрирует отношение к ней народа. Тибо де Терм, балы Шартра, придерживался мнения, что деяния ее были скорее божественными, нежели человеческими. То, какого она сама была о себе

мнения, хорошо иллюстрируют собственные ее слова, когда на процессе она похвалялась перед судьями, что «голоса» называли ее «*Johanna Puella Filia Dei*»¹. А через пять лет после суда ее верный друг и почитатель Жиль де Ре написал и поставил в ее честь пьесу-мистерию той разновидности, которая в наши дни именуется «страсти Господни». В Орлеане большой ежегодный фестиваль, чья история восходит, судя по всему, еще к дохристианским временам, получил ее имя и по сию пору празднуется как «*Fêtes de Yeanne d'Arc*»².

Жанну взял в плен бургундский дворянин Жан де Люксембург; это случилось в Компьене 23 мая 1430 года. Три дня спустя хранитель печати Парижского университета прислал герцогу Бургундскому судебную повестку с печатью Инквизитора, содержащую требование немедленно отослать Жанну в Париж, где ее будут допрашивать церковные власти. Возможно, герцог не ответил; во всяком случае, ответ его не сохранился. Как бы там ни было, Жанну в Париж не отослали, она шесть месяцев оставалась в руках бургундцев. Это весьма удивительно, так как в те времена пленник высокого ранга означал для удачливого захватчика, чье состояние и так обычно зиждилось на выкупах, значительное богатство. Благодаря щедрости короля, Жанна была богата. Всем ей обаянный Карл, по идее, должен был бы ощущать некое бремя морального долга. Жиль де Ре, избранный ею защитник, также имел обширные средства; да и город Орлеан, почитавший ее своей спасительницей, от нищеты не страдал. И, тем не менее, нет ни единого упоминания ни в источниках, ни в устной традиции, о том, чтобы хоть один француз попытался спасти или выкупить Жанну: ее просто предоставили ее судьбе. По истечении шести месяцев, когда о французском выкупе по прежнему не было ни слуху, ни духу, бургундцы продали Жанну англичанам, и Церковь через посредство епископа Бовэ тут же потребовала церковного суда, о котором ранее тщетно заикался Парижский университет.

Заседания начались 9 января 1431 года. Суд состоял исключительно из священников и монахов под председательством епископа Бовэ и представителя Инквизитора Франции. Жанну

1 Дева Иоанна, дочь Божья (лат.). — *Примеч. перев.*

2 Праздник Жанны д'Арк (фр.). — *Примеч. перев.*

судили за веру, как недвусмысленно показывают статьи обвинения. Особое значение имел факт общения со «злыми духами» у Древа Фейри. Как и у Джона Уолша из Дорсетшира, Бесси Данлоп из Эйршира, Алисон Пирсон из Файфшира и многих других связь с фейри послужила неопровержимым доказательством отпадения от Церкви. Для современного восприятия, зараженного современными же образами фейри, такое обвинение покажется слишком ребячливым, чтобы его можно было принимать всерьез, но, увы, доказательств тому, что подобные контакты считались преступными, слишком много, чтобы их можно было легко сбросить со счетов. Не стоит также забывать, что Жанна была далеко не первой ведьмой, удивившей судей быстротой ума и проницательной тонкостью ответов. Ведьмы из Баргаррана, что в Ренфрьюшире, в 1697 году произвели на судей такое же впечатление. «Некоторые из них — особы исключительных знаний и проницательности, выходящих за рамки их положения. Маргарет Ланг делала такие заявления в свою защиту, что ни священники, ни юристы не могли ничего на них возразить. Их ответы на вопросы судей были удивительно тонкими и осмотрительными»¹.

Хотя ответами Жанны очевидно руководил кто-то из судей, так же очевидно, что ее неуклонно вели навстречу судьбе. Она призналась, что «святая Катерина» часто присутствовала на заседаниях, указывая ей, как отвечать, и даже разговаривала с ней в тюремной камере, предположительно через глазок в стене, ведущий в соседнее помещение. По словам брата Изамбара (на процессе о реабилитации), ему угрожали за то, что он подталкивал Жанну локтем и подмигивал ей, намекая, как следует отвечать. Угрозы так его напугали, что он бежал к себе в монастырь. Священник по имени Луазелер, уже после смерти обвиненный в провокаторстве, стал советником Жанны. Часто она была слишком бесцеремонной со своими судьями, намеренно и последовательно обращаясь с ними безо всякого уважения, что со стороны христианки и по отношению к представителям церковной власти было несколько неожиданно. Нередко она отказывалась отвечать на вопрос, сказав что-нибудь вроде: «Это пропустим». Иногда она заявляла, что даст ответ через

¹ Polluche, D., *Problème historique sur la Pucelle d'Orleans*, ed. 1826.

какое-то время — через два дня или через четыре, или даже через восемь. К концу заявленного срока у нее всегда имелся готовый ответ — видимо, она получала совет откуда-то еще. Статус мэтра Жана Луайе как церковника или юриста остается неясным: его называют просто «важным нормандским клириком». Известно, что, по его мнению, не будь ответы Жанны настолько уверенными, приговорить ее не удалось бы.

В то время ходили устойчивые слухи, что Жанна избежала костра и то ли спаслась, то ли ее освободили. Такая версия событий высказывалась совершенно открыто, и ни одно облеченное ответственностью лицо не стало ей противоречить. В «Chronique de Lorraine»¹ даже говорилось, что «La Pucelle»² потерялась в Компьене, и никто не знает, что с нею случилось; многие говорили, что англичане захватили ее, отвезли в Руан и сожгли; другие же заявляли, что кто-то из армейских убил ее, потому что приписала себе всю честь военных побед». «Chronique de Metz»³ также не доверяет истории о сожжении: «Затем отвезли ее в город Руан в Нормандии и там возвели на эшафот и сожгли в огне, как говорят, но с тех пор выяснено было обратное». Жан Шартье утверждает: «Ее сожгли публично — или другую женщину, похожую на нее; относительно этого люди придерживались и придерживаются до сих пор совершенно разных мнений». Автор «Journal d'un Bourgeois de Paris»⁴ пишет: «Многие из обманутых ею твердо верили, что по причине святости своей она спаслась от огня и что сожгли кого-то еще, а не ее». Это тот же самый «Парижский буржуа», который называл ее «тварью в облике женщины, именем Девственница. Кто она была, один Бог ведает». В 1436 году в Арле некто Верье поссорился с другим человеком, по имени Ромье, на той почве, что оный Верье утверждал, будто Французская Девственница, сожженная англичанами в Руане, все еще жива, Ромье же это категорически отрицал.

Во всех этих источниках Жанну именуют не иначе как Девственница Франции. Этим же титулом величают ее и англичане. Так герцог Бедфордский в официальном письме

1 «Хроника Лотарингии» (фр.). — *Примеч. перев.*

2 Девственница (фр.). — *Примеч. перев.*

3 «Хроника Меца» (фр.). — *Примеч. перев.*

4 «Дневник парижского буржуа» (фр.). — *Примеч. перев.*

королю говорит о «споспешнице и руке Врага рода человеческого, зовоной Девственницей». «Продолжение Брута» дает ей тот же титул: «В тот же поход взяли Ведьму Франции, именуемую Девственницей; и взяла она все вооружение, подобно рыцарю; и благодаря колдовству ее и магии французские люди и сотоварищи ее победили всех английских людей. Но Господь был владыка и повелитель той победы, и потому ее взяли и держали в плену у короля и его совета по приказанию его и воле». Англичане всю дорогу считали ее ведьмой и совершенно естественным образом полагали, что это Господь предал ее им в руки в знак Его особой божественной милости к ним.

Титул Девы Франции вызывает особенный интерес, так как подлинный его смысл так никто никогда и не объяснил. Жанна была сначала Орлеанской Девственницей, но когда ей на герб даровали французскую лилию, она стала Девственницей Франции. Это, совершенно очевидным образом, было не просто прозвище, но титул, и, вероятно, имеющий некое определенное отношение к короне. Если король все еще считался воплощением бога, и при нем сохранялся ковен (называвшийся в то время Королевским советом), Жанна вполне могла быть Девой ковена, из тех, о ком говорится во многих шотландских источниках два столетия спустя. В противном случае титул Девы никакого смысла не имеет.

Годы, прошедшие между руанским судилищем и реабилитацией, заслуживают самого пристального рассмотрения, если мы хотим оценить Жанну как историческую личность. Исследователи склонны изливать на нее такие потоки слезливых сантиментов, что голые факты приветствуются ими далеко не всегда. Как бы там ни было, существуют свидетельства современников, которые до сих пор пока никто не опроверг.

В 1436 году, через пять лет после суда, герольд Флер де Лилль и брат Жанны, Жан дю Лис, прибыли в Орлеан, чтобы официально объявить городу, что Жанна жива¹. Городские хроники зафиксировали, что в воскресенье, шестого августа 1436 года Жан дю Лис, брат «Жанны-Девственницы» явился в Орлеан с письмом от своей сестры к королю. Город дал в его честь пир; сохранились даже счета за снесь к столу, где упомянуты двенад-

¹ Delepierre, O., *Doute Historique*, Philobiblon Society, I, 1845.

цать кур, двенадцать голубей, двое гусят, двое зайчат и помимо этого весьма значительное количество вина. Девятого августа явился герольд Флер де Лилль и привез письма от Жанны к городу. За такую весть он получил два золотых. Двадцать первого августа Жану дю Лису на обратный путь дали вина и денег. Двадцать пятого августа в честь посланника с письмами Девы снова давали пир. Восемнадцатого октября герольда Кера де Лилля приятнейшим образом развлекали за то, что он привез письма от Жанны-Девы.

В июле 1439 года братья Жанны явились в Орлеан и привезли с собой некую даму, утверждая, что это и есть сестра их, Жанна, ныне замужем за сьером дез Армуазом. Совет города Орлеана презентовал Жанне дез Армуаз двести десять ливров «*pour le bien qu'elle a fait à ladicte ville durant le siège*»¹. Судя по всему, она осталась в городе до четвертого сентября, то есть, на шесть недель, за каковое время неизбежно должна была встретиться со многими из тех, кто хорошо знал Жанну д'Арк и в лицо, и как человека. Там был некий Жак Лепрестр, который поставлял Жанне вино еще в 1429 и 1430 годах, а теперь снабжал им банкеты Жанны дез Армуаз. Там был торговец мануфактурой Жан Люийе, который в 1429 году привез ей «*de la fine Brucelle vermeille pour faire une robe et une huque*»². Тут нелишним будет вспомнить, что когда в Париже допрашивали Пьеронну, бретонку по происхождению и одну из самых преданных последовательниц Жанны, она показала, что Бог часто являлся ей в человеческом облике и вел себя с нею подружески, и что в последний раз, когда она Его видела, одет он был в длинную белую мантию и под нею *huque de vermeille*³. За это богохульство она была сожжена заживо, но до последнего утверждала, что говорила правду.

Помимо поставщиков вин и тканей была жива еще и семья, в которой останавливалась Жанна в бытность свою в Орлеане. Эти люди, несомненно, опознали бы в даме дез Армуаз самозванку, если бы она ею была. Еще важнее тот факт, что

1 За все то добро, которое она сделала указанному городу во время осады (фр.).

2 Превосходный брюссельский вермель, чтобы пошить платье и плащ с капюшоном (фр.). — *Примеч. перев.*

3 Красный плащ с капюшоном (фр.). — *Примеч. перев.*

в Орлеане во время визита Жанны дез Армуаз была и мать Девственницы, которая тоже не высказала никакого протеста. Самое же интересное здесь то, что мессы за упокой души Жанны, которые служили в Орлеане в годовщину руанской казни до визита Жанны дез Армуаз, после него прекратились. В 1443 году младший брат Жанны, Пьер дю Лис, обратился к герцогу Орлеанскому за финансовой помощью на том основании, что он храбро сражался под знаменами своей сестры, Жанны-Девственницы, «до ее исчезновения и с тех пор до настоящего времени». Это может означать только одно: что он считал или притворялся, что считает Жанну дез Армуаз настоящей Жанной д'Арк¹.

Невозможно с точностью решить, была ли Жанна дез Армуаз самозванкой или нет, но факт остается фактом: братья Жанны приняли ее как свою сестру, и мать тоже ее не отвергла. Тем не менее, попытка реабилитации, предпринятая в 1450 году, ни к чему не привела. В 1452 году мать подала иск о церковной и гражданской реабилитации Жанны. Пьер дю Лис присоединился к нему, так как он был беден, а состояние Жанны — огромно. Рассмотрения тянулись до 1456 года; иными словами, вердикт о реабилитации был вынесен лишь четверть века спустя после суда в Руане. Любопытно, что те же самые родственники, которые в 1439 году признали Жанну дез Армуаз, теперь, в 1456-м, утверждали, что Жанна была казнена англичанами в 1431 году. В обоих случаях дело, судя по всему, было в деньгах. Семейство успешно проэксплуатировало Жанну дез Армуаз, но сумело собрать куда более эффективные и сентиментальные подробности, когда дело дошло до того, чтобы тронуть сердца судей в комиссии по реабилитации. Реабилитация должна была поправить финансовое положение семьи, уже не постеснявшейся лжесвидетельствовать в пользу Жанны дез Армуаз.

Большинство судей, принимавших участие в Руанском процессе, уже покинули этот мир, и семейство дю Лис возжелало отмены принятого тогда вердикта об отлучении от церкви, чтобы оно могло вступить в права владения наследством. При всей ненависти к герцогу Бедфордскому и графу Варвикскому никто ни разу не предположил, что они хотели чего-то

¹ *Journal d'un Bourgeois de Paris, Panthéon Littéraire*, 1838.

большого, чем просто смерти Жанны: отлучение было не их инициативой, а всецело церковной. По сути дела, весь процесс о реабилитации был организован ради того, чтобы снять церковное проклятие и позволить скорбящим родственникам благополучно унаследовать состояние отступницы.

Изучая представленные суду свидетельства, необходимо помнить, что со времени действительных событий минуло двадцать пять лет, и все допрашиваемые говорили исключительно по памяти. Большая часть показаний представляла собой попросту пересказ слухов: свидетели постоянно повторяли «Все считали, что...», «Все известно, что...» или «Я слышал, как говорили...». Некоторые из них рассуждали о поведении Жанны на суде, после чего признавались, что сами там не присутствовали, а просто повторяют то, что им рассказал кто-то еще. Показания палача пришли целиком и полностью через вторые руки. Однако было несколько человек, говоривших по личным впечатлениям, и слова их заслуживают по этой причине особого внимания.

Следует отметить и то, что по правилам церковных судов того времени, все свидетели были исключительно с одной стороны. Никому не было дозволено выступать в пользу епископа Бовэ, уполномоченного от инквизиции или других ученых представителей духовенства, проводивших руанский процесс; не было заслушано никаких доказательств тому, что они действовали в соответствии с собственной верой и во имя ее; против них были выдвинуты обвинения, но никому не дали их опровергнуть, никто не представлял этих лиц и никто не защищал их. Это был совершенно односторонний процесс — и именно этого, вероятно, и хотело семейство дю Лис. Допустить хоть малейшие улики против Жанны означало бы поставить под удар цель всего судилища — отменить предыдущий приговор церковного суда и отдать состояние Жанны в руки ее матери и братьев. Самым простым способом — и самым желательным и эффективным ввиду изменившейся политической конъюнктуры — было обвинить судей и свидетелей первого процесса в страхе перед англичанами и ненависти к Карлу VII. И все же некоторые из самых солидных свидетелей торжественно заявили, что приговоривший Жанну суд не испытывал совершенно никакого давления — вероятно, так

как понимали, что признать факт принуждения, значит умалить власть и авторитет Церкви, которой они обязаны были хранить верность. Никола Такиль, служивший на первом процессе помощником нотариуса, заявил, что не видел в суде во время допросов Жанны ни одного англичанина — за исключением ее непосредственных охранников. Гийом Маншон, один из главных нотариусов, в двух разных случаях утверждал под присягой, что когда Жанна пожаловалась на поведение своих стражей, граф Варвикский пришел в ярость и немедленно их удалил, дав Жанне двух новых, которые, видимо, лучше умели себя вести. Показания Тома де Курселя, профессора теологии канонического права из Парижа, в этом отношении особенно интересны, так как наглядно демонстрируют затруднения вследствие смены власти: на руанском процессе он был одним из младших судей и вместе со всеми признал Жанну еретичкой. На втором процессе он попытался вывернуться, отказавшись от прошлой точки зрения. Так он, в частности, совершенно определенно припомнил, что никогда Жанну еретичкой не считал, за исключением того только пункта, что она упорно отказывалась подчиняться авторитету Церкви, и в конце концов, насколько совесть его позволяла свидетельствовать перед Господом, ему кажется, он сказал, что она осталась, какой была с самого начала, так что если она с самого начала являлась еретичкой, то таковою пребывала и в конце; но он никогда со всей уверенностью не объявлял ее еретичкой.

Причина, по которой Жанна снова надела мужское платье, у трех свидетелей указывается разная, хотя все они утверждают, что слышали объяснение от самой Жанны. Мартен Ладвеню сообщил, что Жанна надела его для защиты от оскорблений — совершенно нелепое предположение, если учесть обстоятельства ее тюремного заключения. Жан Массье заявил, что стражи забрали женское платье и оставили ей только мужской костюм. Тома де Курсель показал, что в момент получения вестей о том, что Жанна снова оделась мужчиной, он был с епископом Бовззским. Он сопровождал прелата в замок, где тот вступил с Жанной в переговоры о причине переодевания. Жанна объяснила все очень просто: ей показалось более подходящим и удобным носить среди мужчин мужское платье, нежели женское. Крайняя важность самого факта переодевания в мужское

платье подчеркивается тем, что, прослышав о нем, жители Руана столпились во дворе замка в надежде посмотреть на нее, к величайшему негодованию английских солдат, которые погна́ли их прочь бранью и угрозами расправы. Эта деталь показывает некорректность заявления Ладвеню о том, что Жанна, якобы, боялась насилия, так как днем ее, совершенно очевидно, можно было увидеть снаружи, что само по себе до некоторой степени гарантировало безопасность. Показания Массье подтверждают, что, подобно всем своим современникам, спала Жанна без одежды.

Ладвеню, Массье и Изамбер были с ней до самого конца, и двое из них утверждают, что именно их попросили принести из церкви крест; Массье в свою очередь рассказывает, что крест сделал из двух палочек некий английский солдат. Все трое священников крайне настаивали, что Жанна умерла доброй христианкой — ведь именно в этом и заключалась задача нового процесса. Если бы она была язычницей, ее бы отлучили совершенно справедливо; но если она пребывала во Христе, отлучение можно было снять. Все священники поминают жестокость епископа Бовэ, который не позволил ей помолиться в церкви или ином святилище, тщательно позабыв, что отлученному от церкви лицу вообще-то не дозволяется входить в места отправления христианского культа. Между прочим, епископ еще был добрее многих инквизиторов, разрешив Жанне «принять тело Христово» перед казнью, хотя она была приговорена к костру как «идолопоклонница, еретичка, вероотступница и упорствующая во грехе». Через несколько дней после ее сожжения сам Инквизитор Франции помянул ее в своей проповеди в Париже, сказав, что она бросила своих родителей «*accompagnee de l'ennemi d'enfer, et depuis vesquit homicide dechrestiente*»¹.

Если Жанна была язычницей и — в глазах ее единоверцев — заместительницей короля, а также, как следствие, временным воплощением божества на земле, это сразу разгоняет сумрак, покрывающий обстоятельства ее жизни и смерти. Жанна явилась из части страны, обладающей настолько языческой репутацией, что прежде чем быть принятой королем,

¹ ... на милость врага из преисподней, и тем самым совершила достойное нехристя убийство (стр. фр.). — *Примеч. перев.*

ей необходимо было пройти проверку у лиц, чье христианство не вызывало ни малейших сомнений. Дабы объявить о своей миссии, она отправилась первым делом к Роберу де Бодрикуру, лотарингскому агенту короля Прованса Рене — короля, чьи магические занятия давно навлекли бы на него гнев Церкви, если бы не его высокий сан. Ее «голоса» назывались самыми распространенными среди ведьм именами, а на суде она сказала, что видела их среди христиан, но больше никому они зримы не были. Само употребление слова «христиане» в этом контексте доказывает, что эта религия отнюдь не была всеобщей. Вот что говорит по сходному поводу Даней: «В большом собрании один только колдун знает Сатану, присутствующего среди них, а другие его не знают, хотя и видят человека, но кто он и что он, им неизвестно»¹. Еще это напоминает популярные сюжеты о феяри, которых при большом собрании народу узнает только посвященный.

В качестве своего защитника Жанна выбрала великого воина, который принадлежал к ее вере и которого впоследствии судили и казнили как язычника. Она объявила, что ей отпущен всего один только год, и в этот период получала от простого люда почти божественные почести, будучи, однако, совершенно уверенной, что по истечении этого срока ее ждет мученичество. Когда пришло время жертвы, никто из друзей и почитателей и пальцем не пошевелил, чтобы спасти ее. На всем протяжении суда она называла своего бога «Царем Небесным» и «моим Господом» или просто «Богом», но ни разу не упомянула «Христа», «нашего Спасителя» или хотя бы «Господа *нашего*». Только на процессе о реабилитации выяснилось, что она, де, иногда поминала имя Иисусово. Многие ручались, что дыхание ее отлетело с именем Иисуса, но никто — и даже никто из священников — не был в этот миг достаточно близко, чтобы что-нибудь расслышать. Массье, впрочем, утверждал, что она воззвала к Богу, святому Михаилу и святой Катерине — иными словами, к тем самым «голосам», с которыми общалась с той самой первой встречи под Древом Феяри в Бурлемоне.

Жанна пользовалась христианской символикой — крестом или именами Иисуса и Марии — в письмах, когда их задачей

¹ Danaeus, Lambert, *Dialogue of Witches*, ch. IV, London, 1575.

было ввести кого-то в заблуждение. Она последовательно отказывалась произносить молитву Господню, что в более поздние времена было бы равносильно признанию себя ведьмой. Жанна решительно отвергала авторитет Церкви, хотя прекрасно понимала статус папы и просила, чтобы ее отвезли к нему. Она отказывалась клясться на Библии и после долгих убеждений и крайне неохотно поклялась лишь на требнике. С церковниками, допрашивавшими ее в Пуатье, она обращалась крайне фамильярно. Когда Пьер Сеген де Сеген, декан факультета теологии университета Пуатье, спросил, на каком диалекте говорили ее «голоса», Жанна ответила: «Да уж на лучшем, чем ваш», — сам он изъяснялся на лимузенском. Будучи спрошена им, верит ли она вообще в бога, Жанна ответила: «Уж побольше вашего». На руанском процессе она обращалась с судьями с откровенным презрением. Когда ей задавали прямые вопросы о вере, она неизбежно уклонялась от ответа: будучи спрошена, не возводила ли она когда-либо хулы на Бога, она отвечала, что никогда не проклинала (*maledixit*) святых. Когда у нее попытались выбить ответ, отвергала ли она когда-нибудь Бога, она сказала лишь, что никогда не отвергала святых. В материалах процесса о реабилитации есть любопытный момент: дама Маргарита ла Турульд засвидетельствовала, что, рассказывая о допросах в Пуатье, Жанна упомянула, как сказала судьям: «В книгах Господа нашего есть больше, чем в ваших». Если сделать акцент на слове «нашего», смысл сказанного становится понятен, в противном случае замечание никакого значения не имеет.

Ношение мужского платья, судя по всему, имело некий смысл, очевидный людям того времени и совершенно скрытый от нас. Жанна настаивала, что носила его не по совету кого-то из смертных, и отказывалась надевать женскую одежду иначе как по прямому приказу от Господа. Остается совершенно непонятным, почему такое значение придавалось ее одежде, так как выглядеть мужчиной само по себе для женщины никогда не считалось серьезным преступлением. Многие благородные дамы одевались пажами и отправлялись со своими мужьями и возлюбленными в крестовые походы; далеко не одна из них надевала доспех и покрывала себя славой, защищая от врагов свой замок. Но когда Жанна в тюрьме отказалась надеть

женскую одежду, а надела вместо нее мужскую, это стало сигналом к ее осуждению. Не означало ли возвращение к мужской моде возвращения к старой вере, и не расписалась ли таким образом Жанна в том, что она язычница и воплощение бога?

ЖИЛЬ ДЕ РЕ¹

Случай Жилия де Ре особенно интересен тем, что, подобно Руфусу и Жанне д'Арк, этот персонаж — просто золотое дно для дешевых сенсаций и эффектных фантазий определенного рода писателей. Лучшие труды по процессу над Жилем, те, в которых показана работа скрытых факторов, написаны Саломоном Райнахом и Лудовико Эрнандесом. Оба эти автора — евреи и, следовательно, свободны от христианских предрассудков.

Церковь воспользовалась историей Жилия де Ре, чтобы выставить себя защитницей беспомощного крестьянства, угнетаемого скотиной-помещиком. Христианские авторы с удовольствием выводили из нее мораль, а психологи обрели в ней удобный инструмент для доказательства и опровержения своих любимых теорий. Никому из авторов, судя по всему, даже в голову не приходит, что в архивах сохранились исключительно свидетельства обвинения. Свидетелей защиты попросту не было, и никто не советовал заключенному, как действовать и как себя вести. Как и у Жанны, суд состоял целиком и полностью из церковников и следовал тем же принципам. Обвиняемый был осужден, и судьба его решена еще до того, как начались заседания. Странное безразличие Карла VII к тому, что ждет одного из величайших его военачальников, столь же бросается в глаза, как и в случае Жанны д'Арк.

Главный эпизод в карьере Жилия де Ре — его участие в движении Карла VII. Он был честным солдатом и отдал себя делу дофина столь же всецело, как и сама Жанна. Она избрала его своим защитником в битве, и долг свой он исполнил наилучшим образом. Его ранг и военные достижения сделали из Жилия де Ре одного из самых выдающихся воинов на французской стороне фронта, и если бы его не затмила Жанна,

¹ Материалы судебного процесса см.: Bossard, Eugène, *Gilles de Rais*, ed. 1886. Перевод и комментарий: Hernandez, Ludovico, *Procès inquisitorial de Gilles de Rais*, ed. 1921.

можно было бы сказать, что он сделал для сокрушения врагов Карла и его торжества больше, чем все остальные. Никакой зависти или ревности к Жанне он никогда, однако, не испытывал, хотя вследствие их профессиональных отношений этого и можно было ожидать. Когда Карла короновали в Реймсе, де Ре, по праву его высокого ранга, в числе прочих рыцарей послали привезти сосуд со священным маслом для помазания на царство. Во время войн с англичанами Жиль выказал себя рыцарственным воином и верным сподвижником Карла.

Его собственное бездействие во время суда над Жанной в Руане совершенно противоречит его характеру и объяснимо хоть как-то только в том случае, если они с Жанной оба принадлежали к Старой Вере, и он понимал, что девушка назначена в жертву.

После суда и казни Девственницы Жиль занялся сохранением памяти о ней, написав и поставив пьесу-мистерию об осаде Орлеана. В этом городе ее и сыграли — силами пятисот актеров. Время свое и деньги Жиль де Ре тратил на составление превосходной библиотеки, в которой, в частности, имелся список трактата «О граде Божиим» Блаженного Августина. Однако больше всего его занимали религиозные службы, управляемые в часовнях его замков; де Ре постарался сделать эти мессы максимально роскошными и великолепными. На эти живописные спектакли он тратил такие колоссальные суммы денег, что это нанесло удар даже по его небольшому состоянию. Вопрос о том, увлекся ли Жиль де Ре алхимией с целью пополнить свои сундуки или из чистой любви к науке, по сию пору остается открытым. Даже в те времена наука привлекала многих, и страстные ее поклонники далеко не всегда были движимы одной лишь жаждой материальных благ.

Под церковные санкции Жиль де Ре попал за следующий проступок: он в полном вооружении ворвался в церковь и вытащил оттуда монаха Жана ле Феррона, которого заковал в кандалы и бросил в застенок в одном из своих замков. Когда короля вынудили послать коннетабля де Ришмона осадить замок, де Ре выпустил пленника и уплатил штраф. Это было на Троицу, но почему-то только в сентябре Церковь решила призвать его к ответу за нанесенное ей оскорбление и по обвинению в ереси.

Суд состоял почти исключительно из священнослужителей; единственное исключение составлял Пьер де л'Опиталь, президент Штатов Бретани. Как и на суде над Жанной, председательствовали епископ соответствующего диоцеза и представитель Инквизитора Франции. Когда де Ре согласился предстать перед судом, чтобы опровергнуть обвинение в ереси, внезапно обнаружилось, что его обвиняют в содомии и убийстве. Такого рода преступления не относились к юрисдикции церковного суда, о чем де Ре и поставил последний в известность в не отличающихся сдержанностью выражениях. Он говорил надменно и непочтительно, называл судей симонианами и мерзавцами и заявил, что скорее повесится на шнурках, чем станет отвечать или даже хотя бы являться в подобный суд.

Весь процесс при тщательном и непредвзятом изучении выглядит заранее срежиссированным фарсом. В одном из пунктов обвинения говорится, что «повсеместно принятое мнение, общее суждение, подлинная репутация, народная память и всеобщие убеждения гласят, что указанный Жиль есть еретик, колдун, содомит, заклинатель злых духов, предсказатель, убийца невинных, отступник от веры и идолопоклонник». Доказательства были очевидным образом сфабрикованы; священники в суде смаковали подробности ужасных деяний де Ре, излагаемых всеми основными свидетелями неизменно в одних и тех же выражениях.

Не вполне понятно, применялись ли к Жилю пытки, но даже если и так, это не объясняет внезапной смены курса поведения обвиняемого. Из надменного и дерзкого нобля он вдруг превращается в смиренного кающегося грешника, признающегося в самых диких преступлениях с упоенным самоуничижением и страстным стремлением к смерти, которые никак не получается объяснить одним только страхом отлучения от церкви или физических страданий. Если же, однако, он знал, что ему суждено стать жертвой, которой требуют боги Старой Веры, и заместителем его царственного повелителя, мотивация становится понятной. По собственному его признанию, де Ре умертвил, по меньшей мере, восемь сотен невинных детей. Когда Пьер де л'Опиталь, единственный мирянин среди судей-клириков, выразил по этому поводу удивление

и недоверие и спросил, правда ли все то, в чем он признается, Жиль ответил:

— Увы, господин мой, вы мучаете себя и меня.

— Я не мучаю себя, — настаивал де л'Опиталь, — я лишь чрезвычайно удивляюсь тому, что вы мне сказали, и совершенно этим не удовлетворен, и потому желаю узнать от вас подлинную правду о причинах, которые мы уже обсуждали с вами столько раз.

На это де Ре ответил:

— Истинно не было никакой иной причины, цели или намерения, кроме тех, о которых я сказал вам, а сказал я вещи, куда более значительные и вполне достаточные, чтобы предать смерти десять тысяч человек.

Де л'Опиталь, по всей видимости, ставил под сомнение истинность заявлений де Ре, так как настоял на очной ставке с Прелати, однако, показания двух этих джентльменов подкрепили друг друга настолько явно, что невольно напрашивается мысль о сговоре. Когда допрос подошел к концу, и Прелати собрался удалиться, де Ре обратился к нему со слезами на глазах:

— Прощай, Франсуа, друг мой, нам не увидеться больше в этом мире. Молю Господа, чтобы дал он нам терпение и знание, и тогда будем уверены, что ежели ты будешь терпелив и верен Богу, встретимся мы вновь в великой радости рая. Я буду молиться за тебя!

Под конец процесса Жилия де Ре отлучили от Церкви во второй раз как еретика и отступника и передали светскому суду под председательством Пьера де л'Опитала. Там Жиль попросту повторил все фальшивые признания, которые уже сделал церковному суду, и судьям ничего иного не оставалось, кроме как объявить смертный приговор. Двое его слуг, Анриет и Пуату, уже получили тот же вердикт, и Жиль попросил о милости дозволить им умереть вместе с ним, чтобы он мог утешить их и направить ко спасению в последний час, а также подать им пример того, как следует умирать. Эту милость ему даровали и даже позволили выбрать церковь, в которой он желает быть похороненным. После этого де Ре подал еще одно прошение — чтобы в день казни епископ Нанта и с ним весь церковный люд прошли торжественной процессией, сопровождая его на виселицу. Подобное отношение де Ре к собственной

смерти не имеет объяснения, если отказаться от гипотезы, что причина ее не была объявлена открыто. Насколько вероятно, что сам епископ и все духовенство Нанта стали сопровождать к месту казни отлученного еретика, кровавого преступника, каким признал себя Жиль де Ре, просто потому что он их об этом попросил? У подобного явления должны быть другие причины, кроме окормления раскаявшегося грешника.

И вот октябрьским утром епископ и духовенство всех церквей Нанта торжественной процессией проводили троих осужденных навстречу их судьбе. Горожане выстроились вдоль улиц и шли в хвосте процессии, плача и молясь за осужденных. Всю дорогу Жиль говорил со своими товарищами по несчастью, увещевая их быть сильными и храбрыми, упрашивая искать Божьего прощения за все грехи и советуя не страшиться смерти в этом мире, которая есть всего лишь мимолетный переход к жизни вечной и без которой невозможно узреть Господа во всей славе Его. Он говорил, что им должно страстно желать покинуть этот мир, где нет ничего, кроме страданий, и уйти в вечную славу; и что как только души их расстанутся с телами, они все встретятся вновь в сиянии Божьем в раю. Анриет и Пуату поблагодарили Жюля и сказали, что смерть в этом мире им приятна и сладка, ибо они всем сердцем желают ее и верят в милость Господню и в то, что отправятся в рай вместе со своим господином. Затем Жиль де Ре преклонил колени и стал молиться, вверяя себя милости святого Иакова и святого Михаила и особенно умоляя святого Михаила принять и препоручить душу его Господу. После этого, верный обещанию подать пример своим слугам, он отправился на эшафот прежде них, они же подбодряли его и просили умереть, как отважный и доблестный рыцарь в сиянии Господней любви. Жюля де Ре повесили; когда он умер, тело его бросили на разведенный внизу костер, но прежде, чем оно сгорело, его вытащили из огня, положили в гроб и немедленно отвезли в кармелитскую церковь для погребения. После этого казнили обоих слуг, но хрониста они не особо интересовали, так что он посвятил им всего несколько слов: «И немедленно указанные Анриет и Пуату были повешены и сожжены, так что стали они прахом».

Через пять лет после казни Жюля де Ре король издал ордонанс, аннулирующий все его долги. В этом документе ни слова

не говорится о преступлениях и правонарушениях, зато упоминаются выдающиеся военные подвиги маршала, совершенные под Орлеаном и Ланьи. Через десять лет после смерти де Ре его собственность была возвращена дочери. Никакого пятна на репутации его семьи не осталось: упомянутая дочь дважды вышла замуж и оба раза — за людей высокого ранга. Поскольку она умерла бездетной, все имущество перешло к ее дяде, младшему брату Жилия.

Вскоре после смерти де Ре его дочь воздвигла на месте его казни фонтан. Фонтан был посвящен святой Марии *de Crée Lait*¹, и пользовался большой популярностью у кормящих матерей. В каждую годовщину казни матери Нанта и окрестностей колотили детей в память о Жиле де Ре. Эти два факта так до сих пор и не получили никакого внятного объяснения, хотя первый намекает на некую связь между казненным и силой плодородия, хотя обычно мертвецам приписываются немного другие свойства и способности.

Второй еще более примечателен. Ритуальные побои в память о ритуальном же умерщвлении известно во многих традициях, как древних, так и современных. Девы Рима имели право свободно колотить друг друга в годовщину смерти Ромула. В современном Ираке в годовщину смерти мученика Хусейна, которого считают почти божественным, проводятся процессии флагеллянтов, хлещущих себя железными цепями. Христиане били детей в день Невинноубиенных в память о младенцах, убитых Иродом вместо воплощенного на земле бога. В работе Томаса Кирхмайера «*Regnum Papisticum*»², написанной в 1553 году, есть такие строки:

Родители, когда наступит этот день, бьют всех детей
(Хотя б они того не заслужили) и слуг всех с ними
вместе,
Монахи же друг друга побивают.

Вплоть до 1845 года «Том с кнудом» свободно орудовал на улицах Лестера в память о резне датчан. Ввиду всего этого бичевание Генриха II в память о Бекете и бретонских

1 Млечотворительница (фр.). — *Примеч. перев.*

2 «Царство папистов» (лат.). — *Примеч. перев.*

детей — в память о Жиле де Ре обретает странную значительность и указывает на тот факт, что в обоих случаях речь идет о ритуальном убийстве, когда смерти предается заместитель Божественного Короля.

В XV веке народ уже не мог безнаказанно жечь назначенных в ритуальную жертву, но тут на помощь приходила Церковь, которая всегда была рада выступить в роли палача, как это и произошло с Жанной д'Арк. Для Церкви и Жиль, и Жанна были отступниками и идолопоклонниками, и обоих их судили за веру. Жанну приговорили, так как она не смогла доказать свою принадлежность к христианской религии, в то время как христианство Жили сомнений не вызывало, а обычные законы против порока можно было с тем же успехом применить не только к большинству его современников, но даже и кое к кому из судей. Поэтому, дабы обеспечить себе приговор, он признался в серии детских убийств, которые для всякого, кто знаком с контекстом страны и периода, выглядят откровенно абсурдными и невозможными. Доказательства в пользу убийств потрясающе наивны и даже ребячливы, но, как бы там ни было, ложное признание достигло своей цели: Жиль де Ре хотел умереть и добился этого. Непреклонная вера в то, что он отправится напрямиком на небеса, и обещания рая и вечной славы для слуг-мучеников не похожи на нормальное поведение бесчеловечного убийцы, но зато вполне сочетаются по духу с характером земного воплощения бога.

В свете языческой религии характеры и истории гибели Вильгельма Руфуса, Томаса Бекета, Жанны д'Арк и Жила де Ре выглядят логично и последовательно. В каждом из них воплотился Умиравший Бог. Руфус умер королем, остальные трое — заместителями монарха, чтобы царственные их господа могли продолжать жить и править еще один земной срок.

АРАДИЯ • БОГ ВЕДЬМ

Перевод Алексей Осипов

Редактор Анна Блейз

Корректор Евгения Сафонова

Дизайн обложки и макет Надежда Саламахина

Иллюстрация на обложке Анастасия Баскакова

Компьютерная верстка Надежда Саламахина

ООО «Издательство «Ганга»

117574, Москва, ул. Голубинская, 17/9, 501

GANGA.RU

Подписано в печать 07. 06. 2012. Формат 84x108/32

Объем 9,5 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ № 4003

Гарнитура OriginalGaramond VT. Печать офсетная

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

Чарльз Лиланд

АРАДИЯ

Маргарет Мюррей

БОГ ВЕДЬМ

В сборник вошли работы Чарльза Лиланда «Арадия» и Маргарет Мюррей «Бог ведьм», ставшие основой современного неоязычества. Именно они во многом сформировали мифологию такого влиятельного и комплексного явления, как викканская религия. И в силу этого они в чем-то — не менее правда, чем многие страницы политической или экономической истории Западной Европы. Это не столько реальные пережитки древнейших верований, сколько мифопоэтические запросы новейшего времени, обусловленные такими явлениями, как индустриализация, социальные сдвиги, эмансипация женщин, потребность в реформировании философского и религиозного контекста.

МАГИКО-ГРИМУАРНАЯ СЕРИЯ

ISBN 978-5-98882-186-1

9 785988 821861